

И. П. БУДАНОВ

Дон и Москва

КНИГА I

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ «КАЗАКА».

ПАРИЖ

1954

Все права сохраняются за автором.

Автор приносит искреннюю благодарность И. А. Билому и всем Казакам, отозвавшимся на его призыв и тем помогшим появиться в свет этой книге.

Ч А С Т Ь I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Г Л А В А I

Как материал для истории всякого государства, его архивы имеют первостепенное значение и не только государственные, но и архивы монастырские и даже отдельных фамилий, особенно если члены этих фамилий принимали участие в государственной жизни.

В этом отношении Дону не посчастливилось; его архивы, могшие-бы пролить свет как на возникновение самого Дона, так и на протекание его государственной жизни, безнадежно пропали.

Следы жизни Дона, особенно первоначальной, приходится искать в архивах соседних с ним государств, с которыми он имел сношения, главным образом в Московских, неполностью еще разработанных, а частью просто скрываемых, в Крымских и Турецких, мало или вернее совсем еще неразработанных; не обратили мы внимания еще и на Польские архивы и вообще на Польские источники.

Гибель Донских архивов происходила в разные времена.

Первую их гибель надо отнести к 1643 году.

«В прошлом, государь, в 151 (1643) г. грех учинился над нами; на Монастырском острове от Турских людей приходу и в то, государь, время твоего царского величества знамя, каковое к нам на Дон в прошлых летах прислано, в часовне в приход Турских людей з Божиим милосердием, с образы, згорело»¹.

Вследствие пожара, бывшего в 1687 г., погорели все знамена, а вместе с ними и другие регалии, очевидно, и все дела, о чем сообщало Войско Донское в Москву, прося ее написать для него новые знамена².

Лавровский указывает, что восстание Кондратия Булавина закончилось разграблением и сожжением Черкасского³; след., и здесь возможна была гибель архивов.

¹ ДД IV, 552.

² Лнш. I, 146.

³ Лавровский. Черкасск и его старина.

В 1744 г., когда между Донскими и Запорожскими казаками шли территориальные пререкания, то Донские казаки, в подтверждение своих прав, не могли сослаться на письменные документы, указывая на то, что Канцелярия их сгорела¹.

Здесь не указано того, что сгорела-ли Канцелярия в пожаре 1687 г., или после Булавинского восстания, или-же это был пожар еще до 1744 г.

Была и еще гибель Донских архивов, относящихся к эпохе Ефремовых.

И. Н. Ефремов рассказывал, что в их семье хранились в трех кованных² сундуках Войсковые документы. По неведению, они оттуда были изъяты и снесены на чердак. Когда он их там нашел, то при малейшем прикосновении к ним они рассыпались, как пыль.

Из всей этой груды уцелел только один документ — договор Дон. Атамана Ефремова с ногайским кн. Дундуком на вступление его в русское подданство; документ был составлен на латинском языке.

Не менее печальная участь постигла архивы станичных правлений и окружных управлений, когда архивы их стали безжалостно продавать на писчебумажные фабрики: гибли источники познаний местной бытовой жизни.

Все это происходило, благодаря некультурности управителей Дона.

Большую тревогу внушает ныне и судьба вывезенного за границу Донского Музея, где хранятся документы и памятники Донской старины.

* * *

Общественному организму присущи все основные свойства организма физического: они зарождаются, растут и умирают, свершив предназначенный им путь, если на этом пути они не бывают преждевременно уничтожаемы какой-нибудь внешней силой.

Определить с точностью момент возникновения давно существующего государства невозможно, поэтому начало его обычно относят к легендарным временам.

В наш век развитых дипломатических сношений, век печати, телефона и радио, момент этого возникновения определяется легко и точно: провозглашение о возникновении государства и признание его другими государствами. Так, напр., Палестина (Израиль) была признана Сев.-Ам. Соед. Штатами, как независимое государство, через десять минут после провозглашения ею своей независимости.

Правда, в таком скоропалительном признании явно чувствуется предрешение наперед.

¹ Ригельман, 5.

² «Кованые» сундуки — это сундуки, обшитые жстью, с «морозовым» узором, и они большею частью бывали немалого размера, особенно в богатых семьях.

Народ всякого государства, имеющего свое *естественное* возникновение, перед тем, как выкристаллизоваться в ту или другую форму государства, находился в состоянии «брожения», как-бы «людовой туманности».

«В прошедших веках Аланы обитали вдоль реки Танаис, а дальше на юг рядом с ними жили Роксаяны. Эти народы погибли, будучи совершенно уничтоженными, и их станы, которые тянулись далеко, казались пустынными и пересекались лишь дикими животными и Казаками»¹.

В первые времена Казаки группировались, говорят некоторые историки, по 10, 20 и 60 человек...

Группами-же, но уже большими, по 150, 250 человек казаки Ногайские и Заволжские также «бродили» по широким степным просторам.

Но государства возникают и иным путем: извне появлялась крупная группа вооруженных людей, большую часть отрывавшихся от своего государства, покоряла местное население (землю) и создавала там свое государство. Так, напр., было в Суздали, родоначальнице б. Российской империи.

Создаются новые государства и, пожалуй, чаще всего, путем разрушения великих империй: Персия, Хозария, Рим, Византия, Золотая Орда, империя Карла Великого, империя Рюриковичей, вернее Игоревичей, Австро-Венгрия, Турция... Дала трещины, временно заклепанные, и б. Российская империя.

* * *

Как-же возник «Дон», «Войско Донское», понимаемое не в смысле просто «войска» — армии, а в смысле «Войска», как государственной организации?

В определении времени, хотя-бы только более или менее приблизительно, возникновения Дона, Войска Донского, сведения у нас до крайности скудны.

Обычно эту дату приурочивают к 1549 году, когда Ногайский князь Юсуф сообщает Ивану 4-му, что некто Сары-Азман в 3 или 4 местах «городки построил». Но эти городки должны были существовать несколько ранее этой даты, так как в 1549 г. Юсуф сообщает об этом, как о факте уже существовавшем.

Но в это-ли время возник Дон?

Или, наоборот, не с этого-ли момента началось фактическое разделение единого «Дона» на-двое — на Верховых и на Низовых?

Попов А. считает, что «Донское Войско называемо было Ордынским и Азовским и что оно имело тогда, в 1500 г.г., *крайний* и ближний на р. Доне к Ельцу городок на том самом месте, где ныне в Воронежской губ. город Задонск и монастырь(...); что сие войско издревле называлось Донскими казаками, а земля их *Козакиею*».

¹ Маттиас из Мехова, Трактат I, 2, 2; 1518 г.

След., по его мнению «Дон», — «Козакия», как он его называет, был един, без разделения на Верховых и на Низовых.

(Попов А. держится того взгляда, что Войско Донское существовало уже в Золотой Орде и что оно само освободилось от Татар).

* * *

Определение времени возникновения Войска Донского необходимо рассматривать вместе с определением места, где оно возникло.

Для этого надо, во-первых, сделать, хотя-бы краткий, обзор географического положения Казаков вообще в Восточной Европе, начиная с середины 1400-х годов и до начала 1600 г.г., и, во-вторых, выяснить, что Донские казаки тех времен разумели под «Доном», понимаемом как государственная организация, с одной стороны, и под «Войском Донским» — с другой; обозначало-ли это одно и то-же, или они делали между ними какое-то различие? ?

В разного рода исторических актах находятся сведения о географическом положении Казаков.

1444. Казаки Рязанские. Это суть Казаки, жившие или в пределах Рязанской украины: или в самых верховьях Дона и служившие Рязанским князьям.

1469. В этом году с Москвы был послан Иван Руно с Казаками воевать места Казанские.

1471. Данияр «земли Мещерския» участвовал в походе со всеми паревичами и Казаками. (В. Зернов. Исследование, 74).

1474. Казаки расхитили обоз с товарами, шедший из Москвы в Кафу.

В том-же году Крымский хан пишет Московскому вел. князю: «А мне, Менгли Гирею, царю, твоей земли и твоих князей, которые на тебя смотрят, не воевати ни моим уланом, ни князем, ни казаком». (СРИО, т. 41, с. 4, 1474 г.).

На хана Золотой Орды Ахмета нападает хан Ивак с 16 тыс. Казаков, приведенных им из Казачьей Орды.

1501. На Азовских казаков, во главе которых стояли Узъ (Уз, Оуз) Черкас и Карабай, нападают Черкасы (Черкесы). (Там-же, с. 357, 381).

1505. На Московского посла Кубенского нападают 250 чел. Азовских казаков во главе с Караманом и 50 чел. Заволжских (Ордынских) во главе с Ахкубеком. (Там-же, 41 с. 321).

1519. Азовские и Белгородские казаки уходят к Путивлю.

1538. Иван 4-й пишет в Ногаи: «Лихих где нет? На Поле ходят Казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы; и наших окраин Казаки, смешавшись, ходят». (Д. Ног. кн. 2, с. 230).

В другой грамоте, туда-же: «А то мы за ваши неправды и грабежи перед ними повелели вас самих воевать и ваши улусы Казакам астраханским, волжским и донским и казанским и мещерским и над вами над самими они не таковую досаду учинят; и нам уже нынча своих Казаков унять не мочно».

1574 г. Иван 4-й утверждает, что казаки Донские не по его велению на Дону живут.

1584. «...а ныне живут на Терке Волжские казаки, воры беглые Казаки». (Вивл., XII, 24).

1621. Было приказано мобилизовать Атаманов и казаков помещиков в городах Капине, Дмитрове, Алатыре, Рязске, Рязани, Шацке, Коширах, Оболенске, Перемышле, Медыни, в Путивле и Рыльске (Донских казаков), Белгороде, Воронеже, Ельце, Ливнах, Казани и др. городах.

ГЛАВА II

Что между «Доном», понимаемым как государственная организация, и «Войском Донским» было различие, это можно видеть как из грамот Московского царя, так и из отписок самих Донских казаков.

Но прежде всего надо сказать, что само слово «войско» сами Казаки понимали в двух смыслах: в прямом — в значении армии, вооруженной силы, и в смысле «Войска», как государственной организации, добавляя слово «Донское».

Первое (войско, армия) разделялось по роду их службы у себя на Дону: было «войска куренная» — это штаб, было «войска морская»: «и что нам войска морская про Турецкаго или про Крымскаго царя нам, войску куренному, подлинных вестей скажут»¹. «Да земляне русские двое к войску морскому прибежали бегом»².

«Войска морская» называлось войско, уходившее в морские походы на более крупных судах, а «войска судовая» это была скорее пехота («морская пехота»), перевозившаяся на мелких судах в педаленные походы.

Эту разницу между «войском» в узком смысле и «Войском» в смысле государственной организации можно видеть и из грамоты правительства Великого Войска Донского, посланной им в 1638 г. в верхние городки: «Едтя в Озов к войску днем и ночью»³.

Здесь «войско» разумеется в его прямом смысле, в смысле вооруженной армии, находящейся во взятом городе Азове.

Дальше в этой-же грамоте выражается угроза ослушникам: «А которые атаманы и молодцы верховые к войску в Озов на помочь не поедут и тем атаманом и молотцом в Войску и суда не будет»⁴.

«К войску» — смысл к армии, «в Войску» — смысл территориальный, т. е. на всем пространстве казачьего присуду, где-бы ослушник ни оказался, он будет наказан.

Из этих выражений «к войску» и «в Войску» непосредственно видно, что сами Казаки придавали им разный смысл.

Само-же населения Дона делилось на войско в узком смысле

¹ ДДУ, 23; 1655.

² Там-же, I, 809; 1638.

³ ДДУ, 198; 1657.

⁴ Там-же, I, 809; 1638.

этого слова, на городки и на юрты, ибо Казаки жили в «войске», затем по городкам, по речкам и по юртам; для службы-же или на войну они охотою собирались из разных городков, юртов и речек и шли отдельными группами во главе с атаманами и есаулами. По окончании-же службы или войны, они возвращались в тем места, «где хто преж сего жил».

Современем название «Войско Донское» заслонило собою название «Дон».

Московский царь тоже разделяет «Дон» на «войско» и на «верховые городки».

«Из войска и из верхних городков велели их (раскольников) выслать»¹.

«Да вы ж по нашему, вел. государя, указу и по посланной к вам грамоте послали от себя из войска в верховые городки для сыску воровских Казаков(...) и те ваши посыльщики тех воров, которые сысканы, привезли к вам в войско и тем вором у вас в Войску по обыкности указ учинен, казнены 14 человек смертью (...и за это) милостиво похваляем»².

«И впредь бы вам, Атаманы и казаки, самим того отнюдь не чинить и в Войску по всем городкам заказать про то накрепко»³.

Из этих выдержек из грамот на Дон ясно видно, что Московский царь четко отличал «войско» от другой части населения Дона.

То-же различие между «Доном» и «войском» делают и сами Казаки, имевшие к тому-же у себя и карты «Дона».

«Поехали-де они з Дону из войска, ис Черкасского городка»(...) и в войске-де, в Нижнем Черкасском городке, и по Дону во всех в Верхних городках(...) все здорово»⁴.

В этой фразе особенно ясно проводится это различие между Доном и его частью — войском: «з Дону из войска» — и далее следует пояснение — «из Черкасского городка»; «и в войске» и опять пояснение — «в Нижнем Черкасском городке», а потом идет уже Дон — «и по Дону во всех Верхних городках».

«...а с Воронежа на Дон до войска в судах и гребцы твои государевы даваны»⁵.

«...и тот, государь, у них (торговцев) запас, не допусая до нас, в войско, в верховых городках раскупают»⁶.

«Идут-де они из войска и из иных верхних городков на твою государеву службу под Смоленск»⁷.

И здесь так-же как и в Московских грамотах, проводится раз-

¹ Лш. I. 140; 1686.

² Там-же, 181; 1697.

³ Там-же, 129.

⁴ ДД, V, 26; 1655.

⁵ ДД I, 933; 1637.

⁶ Там-же, V, 51; 1655.

⁷ АМГ, II. 411; 1655.

ница между «Доном», «войском» и «верхними городками».

Титул «Великое» прилагалось тогда, когда хотели обозначить государственную организацию «и всему Великому Войску Донскому»; но когда «войско» — армия находилась в полном составе, и из Верховых, из Низовых, то такое войско сами Казаки называли «большим»; так его и обозначил Михаил Татарин, когда он объяснил в Москве, что во время казни посла Турецкого султана Кантакузена он был под Азовом: «А как-де Турского посла убили, и он, Михайло (Татарин), з Донскими казаками и со всем *большим* войском в те поры стояли под Азовом (ДД, I, 706, 1638).

Можно-ли допустить то толкование, что под словом «Дон» («з Дону шли», «поехали с Дону», «на-Дон») Казаки могли разуместь только реку Дон?

Слово «Москва» в исторических документах понималось то-же в двух смыслах: в прямом, когда оно обозначало самый город Москву, и в переносном, когда под ним разумелось Московское государство.

Различный смысл этого слова вызывал применение к нему и различных предлогов и падежей: «в Москве» — это значит в самом городе Москве, «на Москве» — в Московском государстве; «прислать в Москву» — это прислать в самый город, «прислать к Москве» — это прислать в Московское гос-во, а передать можно и на границе его; «пришли из Москвы» — из города Москвы, «пришли с Москвы» — из Московского гос-ва и т. д.

Об этих элементарных правилах грамматики мы напоминаем потому, что в применении их к слову «Дон», а так-же и к слову «войско», они помогут лучше разобраться в том, когда Донские казаки, Москва то-ж, разумели под именем «Дон» реку и когда казачье государство.

Казаки точно отличали реку Дон от государства Дон: «и как зачался Дон казачьими головами» — в этом случае ясно видно, что Казаки разумели под «Доном» государственную организацию, а не реку Дон, которая зачалась вне всякого сомнения не казачьими головами; но когда Донские казаки именем «Дон» хотели обозначить самую реку, то они так и писали — Дон-реку в отличие от государства «Дон».

Желая предупредить возможную месть со стороны Московского царя за обезглавление посла его Карамышева, Казаки писали ему: «... и будет, государь, мы тебе на Дону реке негодны(...) и мы тебе, государь, не супротивники: Дон реку от низу и до верху, и реки запольные все тебе, государю, до самых украинных городов Крымским и Ногайским людем распространим, все очистим, с Дону с реки сойдем»¹.

В этом отрывке из их отписки слово «Дон» повторяется три

¹ Сухор. Ист. оп., 149, 150.

раза и всякий раз оно сопровождается пояснительным словом «река», даже с подчеркиванием — «с Дону с реки».

И в песнях, а они слагались самим народом, под словом «Дон» также подразумевалось государство.

*Но и горд наш Дон, Тихий Дон, наш батюшка,
Бусурманину он не кланялся,
У Москвы, как жить, не спрашивался.*

Про реку Дон нельзя сказать того, чтобы она была гордая или кланялась бусурманину, или-же спрашивала у города Москвы как ей, реке, жить.

И после принесения присяги также говорили, что продали Дон, не самую реку, разумеется, за соболя.

* * *

Почему-же ныне организация Донских казаков носит название «Войска»?

До 1614 г. грамоты от Московского царя посылались просто «На Дон. Донским атаманам и казакам», сначала без упоминания имен атаманов, а затем, по протесту их, с упоминанием имен видных атаманов, потом посылались они Верховым и Низовым, каждым отдельно, наконец, и тем и другим вместе, и ни в одной из предшествующих 1614 году грамот организация Донских казаков Москвою не названа «Войском».

Грамота от 18 марта 1614 г., первая (их было две), адресована так-же «На Дон, в нижние и верхние юрты атаманом Смаге Степанову да Епихе Родилову и всем Атаманам и казакам Донским, низовым и верховым»; в черновике этой грамоты сделана помета, чтобы написать к ним-же другую грамоту, и эта другая грамота от той-же даты, 18.3.1614 г., была им послана, и в ней Москвою в первый раз упоминается в тексте и притом дважды — «вам, атаманом и казаком, и всему *вашему* (курс. мой) великому Войску».

Грамота от Освященного Собора той-же даты, 18.3.1614 г., адресована так-же как и от царя, но с добавлением слов — «и всему великому Войску».

Во второй грамоте от Московского царя обращает на себя внимание слово «вашему» — «и всему вашему великому Войску».

Употребление этого слова «вашему» показывает, что та часть «войска», которая освободила от иностранного врага Московское царство и возвела на Московский трон династию Романовых, была командирована Донским Кругом сначала к Лже-Димитрию, чтобы поддержать его домогательства, потом оказавшейся с ним на Москве. Это особенно будет видно, если принять во внимание поправку в помете на черновике первой грамоты, 18.3.1614, где говорится:

«...а выписать их службу, как они стояли под Москвою»; слово «они», т. е. сами Донские атаманы и казаки, к которым была послана грамота, зачеркнуто, а вместо него написано «товарищи их», значит, не все вообще Донские атаманы и казаки «стояли под Москвою», а только часть их.

Дальнейшие грамоты писались уже без слова «вашему», а просто «...и всему великому Войску», и это обозначение оставалось некоторое время, пока Москва не отреклась от титула «великое».

Можно, разумеется, лишь предполагать, и это предположение не противоречит естественно-историческому закону, что возвратясь с Москвы на Дон с таким триумфом, армия, часть Донских казаков, бывшая под Москвою, захватила управление на Дону в свои руки и стала действовать уже от имени «Войска», и это наименование «Войско» Дон сохранил за собою, как наименование своей государственной организации, а «великое», как титул, и этим фактом было положено начало такому наименованию Донской республики.

В 1614 г. на Дону была два атамана — Смага Степанов и Епифан Родилов, это был как-бы дуумвират. Самага Чершенский, которого Москва окрестила в См. Степанова, во время Смуты оставался на Дону, и знамя, напр., было передано Войску в его юрту; он представлял собою главу остававшегося на месте войска, тогда как Епифан Родилов представлял собою войско, стоявшее под Москвою. В летописях назывался энергичный атаман «Епифанец».

Таким образом наименование республики «Дон», как «Великое Войско Донское», появилось только после преодоления Донскими и другими Казаками Московской смуты и это наименование, как относящееся только к части «Дона», к его вооруженной силе, к армии, собственно, не соответствует подлинному названию Донской Республики.

В настоящее время название «Донской Войсковой Атаман» должно бы быть заменено просто «Донской Атаман», а «Донской Войсковой Круг» — «Донской Круг», что для республики было-бы выразительнее, ибо говорить теперь о «Донской Войсковой Республике» не приходится.

Сами Донские казаки еще в 1593 г. употребляли название «Войско», когда они упрекали Вышату Васильева, что он «всему войску изменник», а Вышата был Верховым, упрекавшие-же его были Низовыми. Однако, Низовые говорят, что он «всему Войску» изменник, след. Дон считался ими единым, иначе не было-бы основания говорить «всему».

До 1614 г. Москва, очевидно, не хотела признавать за «Донном» его организованности, почему и не называла его «войском».

* * *

Когда начинают говорить или писать о Доне, о Донских казаках, то внимание обычно прежде всего сосредоточивают на Низо-

вых, тогда как Верховые остаются несколько в тени.

Происходит это от того, что в истории Дона говорится больше всего именно о Казаках Низовых.

Низовые Казаки жили в непосредственном соседстве с Азовцами, Крымцами, Ногайцами, которые своими постоянными набегами причиняли Московскому государству большой ущерб. По своей отдаленности от них, а самое главное по своей небоеспособности, Москва не могла сама защитить себя. Низовым, как более близким их соседям, чем Верховые, чаще приходилось сдерживать их своими контр-набегами, чем и обеспечивать внешнюю, южную, безопасность Москвы. Она ясно ощущала это, поэтому все ее «милости», а главное материальные выгоды в конечном счете стали падать на Низовых, где был и главный городок, чрез который шли все сообщения с внешним миром. Заняв господствующее положение центра, а также имея в своем распоряжении военные припасы, хлебные запасы и получая деньги, сукна и другие материалы, Низовые сосредоточили государственный аппарат, а, след., и средства управления в своих руках.

* * *

Разделение Донских казаков на Верховых и на Низовых несомненно имело свое историческое обоснование.

Первоначальное понятие вообще Верхового казачества было более широкое, чем оно установилось в наших теперешних представлениях, связывавших его только с верховьями р. Дона, а потом лишь со средним его течением.

Два русских историка проф. Ключевский и Платонов определяют положение Верхового казачества по линии от средней (по Ключевскому, а по Платонову — от нижней) Волги по Мещере и до Белгорода, Рыльска и Путивля.

Верховье Дона нельзя рассматривать только как самый источник р. Дона; в это понятие входит и некоторая часть его верхнего протяжения, за которым последует его среднее и, наконец, низовье, то-же не одно только устье.

Всякий Казак, постоянно живущий на реке Доне, назывался «Донским» в силу факта проживания его на этой реке; но протяжение Дона велико, и без слов Верховой или Низовой трудно определить, хотя-бы приблизительно, его местожительство; это их разделение обуславливалось не только одним их географическим положением — одни жили на «верху Дона», а другие на «низу» его — но оно вызывалось так-же и одновременным появлением их на Дону из Азии: одних, на севере, до Батыя, других, на юге, с ним и после.

Долгое время проживая в разных друг от друга местах, отдельно и в разной обстановке, они, естественно, стали несколько различными и в психологическом отношении; значительный прилив

к Верховым Новгородцев (церкви новгородского стиля находились у Верховых) оказал культурное влияние на Казаков верховых, к тому времени в значительном числе уже усвоивших славянский язык (акцент Верховых) и христианскую религию.

Появление Новгородцев на Дону объясняется, как известно, тем, что Иван 3-й и Иван 4-й, как и Монголо-Татары, в завоеванных ими землях всегда держались одной и той-же тактики: они с особой настойчивостью и жестокостью просто на месте уничтожали именно культурный руководящий слой, или-же насильственно выводили его в свои земли, тем самым обезглавливая простой народ, а лучшие, средние и молодые по-просту убегали со своей новой родины.

По поводу взятия, напр., Казани в Никоновской летописи так и пишется: «И Божиим соизволением и его царским великим подвигом и у Бога прощением и воевод и всех людей службою к нему, государю, Казанские люди лутчие, их князи, мурзы и казаки, которые лихо делали, все извелися (уничтожены), а черные люди все с одного в холопстве и дани учинилися»¹.

Об этом-же говорится и в Наказе, данном Московским царем послу своему Никите к Литовскому королю.

«Если они (Литовцы) станут утверждать, что Казанцы восстанут, то Никита должен отвечать: я удивлен, государь, тому, что вы говорите. Кто мог-бы восстать? Только черные люди были пощажены, тогда как князья, мурзы и разные служилые люди были или убиты, или по их просьбе переведены в Москву и в Новгород для того, чтобы они не создавали раздоров. И как одни черные люди могли бы восстать?»².

* * *

Обозначение Казаков Верховыми и Низовыми в Московских грамотах в первый раз появилось в 1584 г., причем грамоты им были посланы, как уже упоминалось, отдельно каждому Войску и без указания имени атамана, а в 1593 г. грамота была адресована им общая, но с указанием на Верховых и Низовых и с упоминанием имени атамана. На этом их делении Москва стремилась усилить и рознь между ними.

В настоящее-же время, когда территория Донской Республики уже весьма основательно со всех сторон окромсана, Верховыми называются Казаки, живущие как по самому Дону, начиная севернее речки Казанки и до Паньшина, так и по его притокам, впадающим в него на том-же пространстве — Хопер, Медведица (Салаваска), Иловля с их притоками в свою очередь, а так-же на Донце, а Низовыми называются Казаки, живущие по Дону с его притоками ниже Паньшина, исключая Донец.

¹ Под 1557 г. с. 282.

² Ист. сб. Т. 59, с. 615.

Эта граница Верховых и Низовых точно обозначилась при Петре 1-м, что можно видеть из его грамоты на Дон: «...и что они, стольники, переписывают вас, казаков, поименно в одних верхних городках, и по Северскому Донцу, и по Бузулуку, и по Хопру, и по Медведице — по Панышину, а ниже-де Панышина в городках казачьих никого не переписывают и розыску никакого ни о чем нет»¹.

Та-же граница между ними обозначена и в другой его грамоте².

Первоначально-же под «Верховыми» разумелись Казаки, жившие действительно «верху Дона» и в местах к нему прилежащих.

Будучи чуждыми Московитинам по своему происхождению и по нравственной и политической концепции, как наследники, хотя может быть уже и дальние, культуры Уйгуров и Хакасов, культуры создавшейся из влияния трех высоких культур Китая, Индии и Европы (христиане-несторинцы), Казаки, появившиеся из Азии и распространившиеся по северу, постепенно стали спускаться с верху Дона вниз, создав свой центр, главный городок, Донской, названный по имени самой реки, как это почти всегда и у всех народов бывало, и уже потом им пришлось столкнуться и с Азовскими, и с Ордынскими, Ногайскими, Крымскими и другими Казаками.

«...и наших окраин Казаки, смешавшись с ними, ходят», так писал Иван 4-й.

Северные Казаки спускались и с мест, расположенных и севернее, чем «верху Дона». В районе Шацка, Рязска и Рязанской Украйны Казаков было особенно много и расположены они были довольно плотной группой. У воев. Ив. Дашкова был «Иван Фастов с Казаки с Михайловой горы, да Рязского, да с Шацкого и со всеми Казаки Рязанские Украйны». (Карам., IX, пр. 268; 1565 г.).

Еще в 1614 г. в эти места с грамотами посылался толмач (Айдар, Андрей, Софронов); очевидно, и к этому времени не все еще Казаки освоили славянский язык.

Это опускание их с верховий Дона подтверждается и самим фактом расположения казачьих монастырей и временем их основания³.

Самый древний казачий монастырь считается Шацкий, на правом берегу р. Цны, основанный в 1573 г. казаком иером. Матвеем.

Однако, в Лебедяни был монастырь, основанный «атаманом разбойников»; о нем упоминается в XV столетии. Из этого мон-ря было ходатайство к Донскому Кругу о меди на колокола; из этого

¹ Лист. I, 230; 1704.

² Там-же, 282-3; 1719.

³ Говоря о «казачьих монастырях», надо иметь ввиду то, что они были или основаны Казаками, как в Шацке, Лебедяни, или-же в строение их были вложены средства сами Казаков, как в том-же Шацке, в Боршове, но управление мон-ми все-же находилось в руках Московитинов, поэтому назначение и увольнение архимандритов и игуменов зависело от Москвы.

факта можно видеть, что в стенах этого м-ря сохранилась какая-то духовная связь с Донскими казаками.

Затем по Дону имеются м-ри: Задонский, Борщевский, Воронежский (древний), Дивногорский, Донской. Характерная особенность, что эти мон-ри находятся в пределах Того Черленого Яру и по Велику Ворону и Хопер до Дону, о которых говорят митр. Феогност и Алексей; хотя эти мон-ри сравнительно недавнего нам известного происхождения, однако нисколько не будет удивительным, что «предки» этих монастырей существовали в ту эпоху. Так, напр., о Святогорском мон-ре, из которого также было ходатайство к Донскому Кругу, говорится, что документы в нем значатся с 1624 г., однако полагают, что монастырь существовал еще с XIV столетия.

* * *

Татищев в своем «Лексиконе» перечисляет следующие станицы по Дону, местности ныне находящиеся уже вне пределов Дона, но принадлежавшие Донским Казакам; имена этих станиц теперь уже забыты, или их переименовали, или-же слово «станция» заменено словом «слобода» или «село»; так, напр., на юг от гор Задонска есть две слободы Казачьи — Верхняя и Нижняя; в Елецком у. есть Верхний и Нижний казачий перевоз¹; в уездах Богодуховском и Хотмыжском под самым Курском два села и одна слобода — Казачьи: около места, где был городок «Донской», значатся уже слобода Донецкая и деревня то-же Донецкая.

Вот прежние Донские станицы, указанные Татищевым, начиная от юрта Казанской станицы вверх по Дону:

«Б о г у ч а р, станица Донская, ниже Калитвы 57 в.:

Б е л о г о р ь е, ст-ца Донская на Дону, выше Калитвы 30 в., от гор. Павловска 5 верст;

У с т ь - Б и т е ц к а я, станица Донская, при речке Битюг, Воронеж. губ., впадающей в Дон с левой стороны;

И к а р е ц, станица Донская, на левом берегу Дона, при устьи реки Икарец, выше Колыбельки 12 в., ниже Дивногорского мон-ря и

Н о в о г о р ь е, станица Донская, первая, зачав по Дону с верха»².

Таким образом владения Донских казаков по реке Дону в разные времена бывали различны: в нынешнее время Дона, как республики, и вообще казачьего населения по нем, нет, все захвачено Великорусами; до революции 1917 г. границы Войска Донского простирались по р. Дону до речки Казанки и немного севернее ее. По Татищеву — донские станицы доходили приблизительно до гор. Коротояка, по А. Попову — до Задонска, а по грамотам Московского царя до гор. Рязска.

¹ ДД III. 239; 1646.

² Выше Дивногорского м-ра, около гор. Коротояка.

Просматривая обращения в ранних, дошедших до нас, грамотах Московских царей к Донским казакам, замечаем формулы несколько отличных одна от другой с тенденцией расширения и уточнения их; очевидно, положение и дела у Казаков, живших по самому Дону, Москве еще мало были известны.

К Донецким казакам в 1570 г. грамота была адресована просто «На Донец Северской, атаманом казацким и казаком всем без отмены». Неуказан ни их центр, вероятно Белгород, ни имя атамана, определена только местность — Донец «Северской», т. е., его верхнее течение, так как нижнее течение Донца находилось не в Северной области, а в «Поле».

Что-же касается первой дошедшей до нас грамоты к Донским Казакам от 1571 г., то и она так-же неопределенна: «На Дон, Донским атаманом и казаком»¹, и только; опять таки ни их центра, ни имени атамана.

В ней говорится: «Послали есмя для своего дела, под Азов, казачья атамана Микиту Мамина да Молчана Яковлева с товарищи(...) и как они на Дон приедут и о которых наших делех Микита Мамин вам учнет говорить, и вы б с ним о наших делех промыслили за один»².

После этой грамоты до 1584 г. непосредственных грамот от Московского царя к Донским казакам не имеется, но это, разумеется, не значит, что на этот период Донские казаки «исчезли с лица земли».

Грамота Московского царя от 1584 г. послана «На Дон, Донским атаманом и казаком старым и новым, которые ныне на Дону и которые зимуют близко Азова»³.

Эта грамота несколько подробнее, чем первая, говорит о составе и положении Донских казаков.

Когда писалась эта грамота, то у посылавших ее несомненно было какое-то представление о Казаках, к которым они обращались, видели между ними какую-то разницу.

Она разделяет их на «старых» и «новых», которые «ныне на Дону».

¹ СГГД, II, 62.

² Особенно настойчивые обращения Ивана 4-го и его наследников к Донским казакам начались после того, как в 1571 г. Крымский хан Девлет Гирей пошел на Москву и взял ее, обязав Ивана 4-го платить ему дань; сам-же Иван 4-й, собрав войско, вышел из Москвы навстречу Девлет Гирею, но уклонился от боя, уйдя в сторону, «збился з дороги», как тогда смеялись на Москве. (Флечер, 64). По другим-же сведениям он просто позорно бежал из Москвы, а потом стал обвинять бояр в измене, что яко-бы это они показали хану обходный путь к Москве.

³ СГГД II, 86.

Эти слова грамоты указывают на то, что на Дону давно, изстари жили Казаки какие-то, по месту жительства называвшиеся Донскими; так, напр., в 1474 г. Казаки, как уже говорилось, расхитили обоз с товарами, педший из Москвы в Кафу, значит, они были на Дону более чем за сто лет до посылки этих грамот, и через них Генуэзцы хотели завязать торговые сношения с Москвой, а так-же и с Рутенами; потом Москве, очевидно, стало известным, что к этим Казакам присоединились новые, пришедшие сюда из другого места, слова-же, «которые ныне на Дону» свидетельствуют о том, что ранее этой даты эти Казаки жили в каком-то ином месте и притом не близко Азова, а теперь они поселились на Дону около Азова.

Текстом этой-же грамоты обнаруживается и подтверждается отдельность Верховых и Низовых, и местоположение последних — от Азова до Раздор: «а которые останутся низовые атаманы от Азова до Раздоров», то имена их переписать для присылки им жалованья за эту оказанную ими услугу.

В этой грамоте говорится и о том, чтобы Казаки, старые и новые, проводили от Азова до Рясского города меж себя городок от городка московского посла; след., вся река Дон в ту эпоху находилась во владении или по крайней мере под контролем Казаков, что Москва несомненно знала, выражая подобную просьбу.

Эта грамота была адресована только атаманам и казакам, которые были на низу, близко Азова; однако от той-же даты была послана и другая грамота, то-же на Дон, но только Верховым, отдельно: «На Дон, Донским атаманом и казаком верховым», где говорится о том, чтобы Верховые «вместе с Низовыми атаманы и казаки посланника нашего Данила и турского чеуша (посланник) до Азова провожали чесно».

Кто стоял во главе Верховых и во главе Низовых из грамот не видно: Москва их не знала или знать еще не хотела.

В какое именно место была послана грамота Верховым остается так-же неизвестным; надо предполагать, что послана была она в городок Донской, бывший их центром.

* * *

Про Верховых проф. Платонов пишет: «Верховые-же Казаки, раскинувшиеся на громадном пространстве от Путивля и Белгорода до нижней Волги, жили и действовали в полной разобщенности»¹.

Были-ли они действительно в полной разобщенности? Ведь эта эпоха очень мало исследована. А городок Донской, находившийся в центре этого пространства, о котором, кстати сказать, мы тоже очень мало знаем, не был-ли он их центром?

В том-же своем «Лексиконе» Татищев, который располагал

¹ Платонов. Очерк, 117.

большим числом источников¹, чем мы, кратко говорит, что «одни (КазакИ) жили в Мещере по городкам, и главный их город был на Дону, называемый Донской, где ныне монастырь Донской, 16 верст ниже Тулучеевой, а когда Иван 4-й Ногайских татар в Мещеру перевел, тогда оные КазакИ из Мещеры все на Дон переведены»; а когда и почему состоялось это перемещение, Татищев этого не указывает.

Донские казакИ в 1578 г. были отправлены, как мы уже видели, под Великий Новгород из Рязани и из *Мещеры*, где они служили, след., в этом отношении, что Донские казакИ служили в Мещере, Татищев прав, поэтому надо допустить и правильность его утверждения о существовании их главного городка «Донской»; в имеющихся документах это имя не встречается.

Иван 4-й не переводил Казаков, да еще всех, из Мещеры на Дон, он лишь послал в 1556 г. 500 чел. под командой атамана Лягуна, которого и Карамзин считает Донским, на Волгу по просьбе Ногайского кн. Измаила ему на помощь против Крима, и только. Это были те-же Донские казакИ, лишь служившие в Мещере, но от Мещерских казаков они жили отдельно.

Что из Мещеры всех Казаков не переводили, видно и из того, что по Корсунской линии или черте, построенной при Алексее Михайловиче «от Синбирска через Шацкую и Тамбовскую провинции к Дону находилось до 15.000 Казаков, которые в 1702 г. были переведены (?) в Азов, земли-же их были розданым знатным господам для заселения»³.

¹ Его библиотека, в которой имелось более тысячи томов и подаренная им какому-то училищу. сгорела.

² Вивлиофика, XIV, 298.

³ Татищев. Лексикон.

Г Л А В А ІІІ

В русской исторической литературе установилось деление Казаков на *вольных* и на *служилых*.

Под «служилыми» разумеют Казаков, живших в пределах Московского государства и находившихся у Московского государя на службе, «вольными» же считают тех Казаков, которые находились вне пределов этого государства, хотя и они тоже служили Московскому царю, добровольно собираясь в группы из разных городков.

Такое деление не совсем точно.

«Вольные» Казаки были и в пределах Московского государства; это бы те Казаки, которые проживали там, но не находились на службе у Московского государя, так-же как были там и другие то-же «вольные» люди, так-же не находившиеся ни на службе, ни на пашне, ни в тягле.

Так, в 1569 г. взятие гор. Смелытина было произведено «нашими» Казаками, которые ходили «охотно» с Московскими войсками; след., Казаки те, хотя и находились в пределах Московского гос-ва, были вольными, а не служилыми, ибо ходили охотно, а не по приказу.

«Более общее значение вольного человека», пишет Забелин, «определялось «гулящий», и никогда словом казак, которое на юге специально обозначало война»¹.

Забелин не произвел точного разграничения между вольными и гулящими.

Чтобы лучше выяснить разницу между этими двумя обозначениями, надо противопоставить понятия им противоположные: вольный противопоставлялся закрепощенному, тяглому, гулящий-же противопоставлялся той части вольных, которые в данный момент не работали, не служили; но вольный мог быть и работающим и служащим (по соглашению и на срок) и, след., в этот момент он, вольный, не будет «гулящим».

«Бьют челом сирота твой, севского острога гулящие люди» — просят записать в «беломестные или жилые Казаки» и, если не возможно, то устроить «в Комарицкой волости в селех и в деревнях на пашне»².

¹ Забелин. М. и П., 193.

² АМГ I, 313; 1630.

Эти люди были вольными, но в данный момент неработающими, почему они и называют себя гулящими; а как люди вольные, то они могли свободно располагать собою — записаться «в казаки», на пашню и т. д., о чем они и просят Московского государя.

Сватиков утверждает, что вольное казачество не имело ничего общего со служилым, но он совершенно умалчивает об образовании самого служилого, тогда как в действительности эти последние в свое время были то-же вольными (в общепринятом тогда смысле), но по тем или другим причинам они поступили на постоянную службу к Московскому государю и осели. Сам Сватиков приводит тому пример: 230 Донских казаков в Смоленске и 100 чел. в Быхове были пожалованы государевым жалованием, пожелали «жить» в этих городах и получили «на дворовое строение». Вот эти-то вольные, в данном случае независимые, Казаки, которые пожелали жить в Смоленске и Быхове, получив на дворовое строение и быв пожалованы государевым жалованьем, стали уже Казаками «служилыми».

Казаки в пределах Московского государства были вольные и служилые, а эти последние были городовые, охочие, жилые, верстаные, неверстаные, кормовые, сторожевые, полковые, белопоместные, поместные, беспоместные, жаловальные; эти названия определялись или родом их службы или способом оплаты ее.

Самая платная служба у Московского государя были «верстаные», как Казаки, так и другие лица.

«А которые Атаманы и Казаки служат старо, а ныне похотят верстаться (...то) за их службы поместными и денжными оклады поверстать, смотря по их отечеству и по службе»¹.

Разницу между тяглыми, вольными и гулящими людьми можно проследить и по распоряжениям Московского государя.

«А с посаду впредь городских (жителей) в слободы не называти и не принимати, разве Казаков не тяглых людей»².

Здесь Казаки названы «не тяглыми», т. е. вольными.

«...а имать и пополнять выводные службы вольными всякими охочими людьми, а не с пашен и не со служеб»³.

«Указал государь прибрать (...) в жилецкие в служилые люди в городах 590 человек из вольных из гулящих людей, а не с тягла, которые б были собою добры и молоды и из пищалей стрелять были горазды»⁴.

В этих случаях приказано прибрать из вольных, которых нельзя заставить что либо делать, при этом эти вольные должны быть

¹ Карамзин, XII, пр. 793; 1611 г.

² Стоглав, гл. 98; 1551 г.

³ А. М. Г. П., 250; 1649 г.

⁴ Там-же, II, 82; 1636. Как это резко противоречит характеристике Казаков Забелиным-казакофобом: «выводились из государства в казаки лихие люди, именно, ябедники, крамольники, составщики крамольных и бунтовых ябед, жалобниц, доносов и т. п. из детей боярских, из холопей боярских и из иных чинов». (Забелин, Минин и Пожарский, 197).

из гулящих, т. е. в данный момент неработающих, ненаходящихся ни на службе, ни на пашне, ни в тягле.

Иногда случалось, что Казаки, жившие и служившие в Московских пределах, нежелая продолжать своей службы Московскому государю, они просто обратно сдавали те вотчины и поместья, которые были даны им за эту службу и из служилых они вновь делались вольными.

«Не желая служить государевой службы, поместья и вотчины свои посдавали»¹.

В 1646 г. Жд. Кондырев привел на Дон «отряд» в 3307 чел.²; пробыв там некоторое время, приведенные им вольные люди стали оттуда уходить «бегом», обвиняя в этом уходе Донских казаков. Это дошло до Москвы.

«И ведомо нам, великому государю, учинилось, что з Дону от вас вольные люди многие разошлись»³.

По этому поводу расспрашивались Донские казаки, приезжавшие в Москву с отпиской.

«И ясаул Василий Микитин с товарищи говорили: в том-де государская воля, вольным-де людям от них никакой тесноты не бывало, и их не побивали, и запасы им давали, и те вольные люди, не хотя государю служить, запасы пропили, а пропив те запасы, з Дону от них пошли бегом, а унять было их нельзе, потому что они люди вольные»⁴.

¹ СГГД, II, 244.

² То не был вспомогательный «отряд», как пишет то Сватиков, а просто «прибранные» на Воронеже и в иных городах вольные люди, без своего отдельного военачальника, и они прямо поступили под команду Дона: «и приехав с теми вольными людьми с Воронежа на Дон в Нижней казачий Черкасской городок, Донским атаманом и казаком и всему Донскому Войску по списку их отдали». (ДД III, 651; 1647 г.).

³ ДД, III, 67; 1647.

⁴ ДД, III, 792.

ГЛАВА IV

Казаки, находившиеся вне пределов Московского государства, на Дону, на Волге, на Яике, на Тереке были не вольными Казаками, а Казаками независимыми, имея особое от Московского царства свое государственное устройство, республиканское, и слово «вольный» к ним прилагать не приходится, ибо их независимость от Москвы само собою предполагает и их вольность.

Эта независимость Донских казаков от Москвы заставила ее точнее определить «своих» Казаков от Казаков независимых введением нового определения — «русские» Казаки.

«...а на Переволоке на Волге велел бити Атаману Ляпуну Филимонову с товарищи, а на Иргызи Соцкому (сотнику) стрелецкому, беречи Ногаи от Русских казаков и от Крымских»¹.

В перечислении сражавшихся на Кальмиуской сакме в 154 (1646) г. между прочим сказано: «Русские казаки: Атаман Федор Брюханов» и т. д.².

«В нынешнем, государь, в 154 г. в июне месяце, сбежали с Корочи корочинские Русские полковые Казаки (приведены имена их), покинув твою, государеву, службу, и жены свои, и дети, а где, государь, они побежали, того неведомо»³.

Войско Донское имело свое правительство, пусть, может быть, еще и несовершенно, но оно было правительством, ибо оно отдавало указы и приказы, которым подчинялись на всей земле казачьего присуду; оно налагало «пеню», наказание, т. е., у него была своя юрисдикция.

У Войска Донского было и «войска куренная», т. е., своего рода штаб. У него было «войска морская», «войска судовая», «войска конная», «пешие люди». Был Войсковой Круг, Войсковой Атаман, Войсковой Дьяк, была даже сабля Войсковая», — все это есть характеристика государственной организации, тогда как Казаки служилые, верстаные, городовые и т. д. есть характеристика только службы, след., подчиненности, а не независимости.

* * *

¹ Чтения, 1848 г., IX, 457; 1556.

² Там-же, 1859, II, 246.

³ Там-же, 1859, г., т. II, 253.

В отношении возникновения «Дона» мы имеем два ценных указания, выявленные в тот момент, когда вопрос касался именно суверенитета Дона, ибо и принесение крестного целования Московскому царю и явка Донских атаманов и казаков на стан его посла не означало-бы собою ничего другого, как только выражение подчиненности Дона Москве.

В отписке Донских казаков (26.5.1632) Московскому царю на его домогательство, чтобы Казаки служили ему за крестным целованием (за присягой), что устанавливало-бы обязательность их службы Москве, они ответили ему таким образом: «и крестного, государи, целованья на Дону, как зачался Дон казачьими головами, не повелось».

И во второй раз, когда посол Московского царя Кондырев (1646), в нарушение установленного этикета, отказался явиться на Круг и потребовал, чтобы Казаки шли к нему на стан, то они ему ответили: «а у нас, как зачалось Донское Войско, такого образа не бывало, чтоб Донскому Войску¹ на стан ходить».

Из этих совершенно достоверных и ясных источников без всякого сомнения вытекает, что начало Дону положено «казачьими головами», т. е. атаманами. Очевидно, что Казаки сначала бродили и действовали разрозненными группами во главе с большими, среди которых произошел стовор (зачалось) объединение, что свидетельствует о самобытном возникновении Донского Войска, а не об установлении ее кем либо извне, напр., Москвою, Крымом, Польшей, как случилось то, по словам Скальковского, с Запорожской военной общиной, которая «имеет полное право считать Сигизмунда I (1500—1515) ее первым основателем»².

Таким образом, в сознании самих Донских казаков ясно было то, что Дон зачался, т. е. что ему было положено начало, что основан он был самими Казаками, что свидетельствует о намеренном соглашении их самих, но к какому именно времени относится это зачалось и к какому месту, этого ни из отписки и ни из каких либо других источников не видно, и все наши построения о решении этого вопроса пока не откроются новые твердые данные, естественно, должны будут покоиться до некоторой степени на предположениях, на гипотезах.

В той самой отписке (26.5.1632) Донские казаки начинают перечисление своих служб со службы их под Казанью: «при бывших государех старые атаманы и казаки им, государем, неизменно служили не за крестным целованием. В которое время царь Иван стоял под Казанью и по его государеву указу атаманы и казаки выходили з Дону, и з Волги, и с Яика, и с Терека».

¹ Название «Донское Войско», а не «Дон» употреблено здесь вследствие уже создавшейся привычки.

² Скальковский. История..., 34.

Казань была взята в 1552 году, след., до 1552 г., судя по этой отписке, Казази на всех этих четырех реках уже существовали.

Тут сказывается некоторое противоречие тому мнению, как это до сих пор признается, что Яицкое Войско образовалось в 1586 г., Терское — в 1582 г., тогда как из всех этих Войск атаманы и казаки уже в 1552 г. выходили под Казань.

Второе противоречие, что Иван 4-й за это участие Донских казаков под Казанью, когда они, будто-бы, отказавшись от всяких наград, попросили его, чтобы он «пожаловал их рекою Доном до тех мест, пока им надобно», что уже означает, что на Дону они могли основаться только после 1552 года и, след., под Казань с Дону они выходить не могли.

Существовала-ли в действительности грамота о «пожаловании» Иваном 4-м Казаков Доном-рекой?

По сведениям, или точнее по преданиям, грамота эта вычитывалась на всех станичных кругах каждый год 1 октября, день начатия атаки города Казани¹. След., по всем станицам должны-бы быть списки с нее; однако, ни самой грамоты и ни одного списка с нее не сохранилось, а существуют о ней только одни предания.

По тем-же преданиям грамота эта будто-бы была «предъявляема Петру 1-му в 1695 г., когда он останавливался в Черкаском во время своего путешествия к Азову и что с того времени неизвестно уже где затратилась». (Сухоруков, 148).

Если эта грамота существовала и она была предъявляема Петру 1-му, то она нигде не «затратилась», она могла быть просто отобрана им, чтобы освободить себя от стеснения ею в своем захватническом стремлении к «освоению» Дона, ибо Казаки, отстаивая свои законные права, могли-бы опираться на нее.

В 1687-м г. в Черкаском был большой пожар, во время которого сгорели знамя и все дела, т. е., сгорел тот дом, где находились и другие ценные для Войска предметы; там, естественно, должна-бы храниться и эта грамота, поэтому, сомнительно, чтобы она могла быть предъявляема Петру 1-му.

О всякого рода «пожалованиях» в русских летописях говорится довольно часто, и если-бы такое крупное пожалование (большой рекой!) действительно было, то в летописях оно несомненно было-бы отмечено, но в них на это нет даже и намека.

А Москва ведь очень любит подчеркивать свои благодеяния, и если-бы река Дон действительно была пожалована Донским казакам, то ни сам царь Московский, часто напоминавший Казакам о своих и прежних царей милостях к ним, ни летописцы не удержи-

¹ Почему празднование Покрова Богородицы Донскими казаками, а так-же и Запорожскими, связывается со взятием гор. Казани? Это событие не такое уж важное для этих Войск, чтобы его праздновать в течении нескольких веков. День атаки гор. Казани только случайно совпал с 1-м октября.

лись-бы, чтобы не подчеркнуть неблагодарности Казаков за такое пожалование.

Не кроется-ли здесь недоразумения или смешения с жаловальной грамотой Ивана 4-го на кочевание между Хопром и Медведицей, данной им беглому из Ногай кипчакскому улусу с их мурзами и казаками?

По поводу этого пожалования в летописи под 1557 г. имеется такая запись: «и к беглым мурзам послал Татарина служивово Баиберию Тююшова, писал к ним, чтобы Исмаилю князю доби́ли челом, и царь и великий князь Казаком своим не велит на них приходити и кочевати им велит по сей стороне Дону по Хопру и по Медведице». (Никон, 284).

Под 1560 г. имеется еще запись: «прислали мурзы з Дону Тохтар Уразлыева з братиею (...) бити челом, чтобы их государь пожаловал, велел кочевати промеж Дону и Волги»; следующая запись: «Отпустил царь и великий князь по Тохтареву-мурзину челобитью с товарищи на Дон Тягрибердея-мурзу Кепчака Ногайского (...) и жаловальную свою с ним грамоту послал, пожаловал, им велел кочевати меж Дону и Волги, а от государевых им людей лиха никоторого не будет». (Никон, 1-я пол., 326).

У нас создалось обыкновение рассматривать Татарские государства как какую-то однородную массу. «Татары». тогда как они состояли из разных народов и племен. В Крыму, напр., встречаются деревни, названия которых происходят от имени Сибирских народов — «найман» (5 раз), «аргин», «кипчак» (по 3 раза), «карт-казак» и др.

Вот эти-то Кипчаки Ногайские, среди которых были и Казаки, то-же Ногайские, и сами Кипчаки, оставшиеся между Хопром и Медведицей, Доном и Волгой и ставшие потом Казаками, и могли хранить память об этой «жаловальной» грамоте.

А что в Ногае были и Казаки, это видно из следующего: «приехали из Ногай мурзы с Казаки на войну, где их государь пошлет, а всех людей с ними 12000». (Карам., IX, пр. 268; 1564 г.).

«Приехали из Ногай дети боярские, Мих. Сумбулов с товарищи; да князь и мурзы прислали к государю для войны на Литовского мурз и голов и казаков 1957 человек». (Там-же, пр. 268).

Это сосуществование Кипчаков и Казаков подтверждает и Татищев: «Кипчаков-же род между Кайсаки (между Казаками) и у Башкир велик и знатен». (Татищев, кн. II, 362).

Отсутствие самой грамоты и даже списков с нее не дают возможности определить ни ее юридического характера, ни ее юридического значения¹.

¹ Некоторый свет на существование этой грамоты могли-бы пролить летописи при старых церквях. если, разумеется, летописи тогда при них велись, где, может быть, можно было-бы встретить указания на эту грамоту.

Если признать, что такая грамота дана была, то спрашивается, на каком основании Иван 4-й мог жаловать Донских казаков рекою Доном?

Жаловать можно тем, что находится в полном и непрерываемом распоряжении жалующего, а Дон-река ему не принадлежала, ибо Дон был вне пределов самого Московского государства, а Казаки жили на Дону уже до взятия Казани: Сары Азман, первый известный Донской Атаман, человек, судя по имени, тюркского происхождения, очевидно ранее 1549 года, когда о нем в первый раз упоминается, уже построил в 3-х или 4-х местах свои городки.

Ни из каких данных нельзя усмотреть того, чтобы Дон-река находилась в распоряжении Ивана 4-го, поэтому и жаловать его он не мог, и такое пожалование не имело бы никакого юридического значения — Донские казаки обосновались там самостоятельно и жили независимо гораздо ранее этого «пожалования».

Само-же «пожалование» — кочевание между Хопром и Медведицей или между Доном и Волгой » состояло лишь в том, что бежавший из Ногай кипчакский улус, заняв свободные места, мог опасаться «лиха» со стороны сильного и злого соседа, к тому времени уже покорившего Казань и Астрахань, подобно тому, как опасались этого-же «лиха» Азовские и Белгородские казаки, когда они просили Крымского кн. Апака ходатайствовать за них перед Василием 3-м. Поэтому названная жаловальная грамота является только как-бы гарантией («и в. кн. Казаком своим не велит на них приходить») спокойного владения пустующими и никем незанятыми местами, а вовсе не дарением дарителю не принадлежащих земель.

Что-же касается «службы», т. е. воинской помощи, которую должны были нести в пользу Василия 3-го Азовские и Белгородские казаки, прикочевавшие к Путивлю, и Ивану 4-му беглые Ногайские Кипчаки и Казаки, занявшие места между Доном и Волгой, то это надо рассматривать в той-же плоскости, как и те «выходы» и «поминки», которые вносились теми-же Иваном 3-м, Василием 3-м и Иваном 4-м Крымскому хану и многим Татарским царевичам, чтобы и с их стороны для Москвы также не было «лиха никторого».

Только Москва была хитрее их: они брали деньгами, мехами и другими вещами, Москва-же требовала, чтобы ей платили кровью.

* * *

Но вот наряду с городком Донской, бывшим центром всего Донского казачества, появляется в устьи реки Донца новый казачий центр с несколько странным и интригующим названием — «Раздоры».

О месте, где находятся Раздоры, Бутков пишет, что «оно было очень выгодно в стратегическом отношении: находясь на острове, как и Раздорская станция, огибаемом Донцом, занимает подопву

высокой, крутой и буерачистой горы, с которой открываются виды на дальние пространства: к югу по безлесной степи до Азовского моря, к востоку через Дон до реки Сала и Маныча, а к западу и северу на берега Дона и Донца, Урочище Раздоры составляет собою весьма крепкое место в военном отношении. (Бутков предполагает, что Саркел был построен именно на этом месте).

Царь Федор Иванович в 1593 г. грозил согнать Донских казаков с Дона, поставив свой город на Раздорах, а Азовцы в 1622 г. тоже помышляли построить там свой город». (Бутков, 285, пр. 1).

Выгодностью стратегического положения этого места, очевидно, объясняется и то, что на этом месте, находившемся во владении Татар, был город Ахас, расположенный на Дону в четырех днях пути от Азова, как говорит об этом Герберштейн (1516—1527).

Об этом-же городе, но под именем Окак, говорит и Ибн-Батута в 1330—1340 гг. Город находился в 10 днях пути от Астрахани и в 10 днях от Сурдака (Судака), т. е. на полпути между этими городами, что соответствует положению Ахаса—Раздор¹.

Здесь жили и Аланы, которых Монголо-Татары называли Ао, Акас, Ахас, и по их имени назывался и город.

На этом месте, может быть, находился один из Половецких городов, местоположение которых строго не установлено; город Ахас видимо существовал и в 1116 году.

В Ипатьевской летописи под этим годом записано так: «в се-же лето посла Володимер сына своего Ярополка, а Давид сына своего Всеволода, на Дон и взяша три града Сугров, Шарукань (Торукань), Балин (Балис). Тогда-же Ярополк приведе себе жену, красну вельми, Яського (Аланского) князя дщерь, полонив». Тоже самое значится и в Несторовой летописи, лишь с небольшим прибавлением.

* * *

Слово «раздор» обозначает нелады, ссоры, вообще какое-то нарушение налаженной жизни.

Из городка Донского и из всех мест, прилегавших к нему, тяга была более на север, откуда часть Казаков еще издревле при появлении их из Азии, спустилась к югу, и деятельность их там, на севере, кроме службы была и мирного характера; существует

¹ Некоторые историки полагают, что город Ахас (Аккас) был расположен в устье р. Сал, а не Донца. В устье р. Сал действительно имеется городище. Но Абиг Батута говорит, что в расстоянии одного дня пути от Окак находятся «Русские горы» с серебряными рудниками, несомненно Донецкий кряж, тянувшийся вдоль Донца.

Есть-ли в расстоянии одного дня пути от устья р. Сал какие нибудь горы с серебряными рудниками?

старинная Рязанская поговорка: «бери жену с воли, Казака — з Дону¹, проживешь без урону».

Вне всякого сомнения не оставался в то же время без внимания Донских казаков и юг, Азов (расхищение Московского обоза, шедшего в 1474 г. в Кафу).

Кроме того и среди живших в городке Донском, а так-же и в других местах, тяготевших к нему, не все Казаки, видимо, желали служить Московскому царю, а хотели жить более самостоятельно и независимо. Наиболее активная и воинственная часть их искала выхода и, очевидно, резко, с раздором покинула городок Донской, оторвалась и основала новый, которому оставшиеся жители Донского дали несколько укорительное прозвание «Раздоры», как возникший вследствие раздоров.

Представляется весьма показательной в этом отношении драма, разыгравшаяся перед палаткой Московского посла Нащокина в 1593 году.

Из переговоров, происходивших в тот момент, обнаруживается, что Вышата² Васильев был Донской Атаман, находившийся на службе у Московского царя, так как он был прислан с Москвы (но не из Москвы), и человек, видимо, был влиятельным.

«Да у нас-же в стану, доносит посол, взяли Донского атамана Вышату Васильева, который был послан с нами с Москвы, и, бив его ослопы перед нашим шатришком, посадили его в воду».

Возражение Низовых, что Вышата «государю служит», указывает на то, что они были против этой службы, служить ему не хотели, и тем самым подтверждается их идеологическое между собой расхождение, раздор по этому вопросу. И другая часть возражения Низовых — «а нам не доброхотает» — также указывает как на влиятельность Вышаты, ибо он мог и «доброхотать» им, так и на их взаимную враждебность и в то-же время на некоторую прежнюю их связь между собою, вследствие чего они объявили его «изменником всему Войску», за что, как только что было сказано, он был бит ослопами и вкинут в воду; видимо, что до этого момента, до раздора, Дон был единым.

¹ «Казаки з Дону», а не с какого другого места. См. так-же «Толковый словарь» Даля, где собрано много пословиц о Казаках, рисующих их мирные занятия и их, так сказать, добротность.

² Имя «Вышата» не есть имя ни Москвитинское, ни Тюркское, а имя Новгородское: в летописи один из Новгородских воевод назван Вышатою; это был по всем вероятностям один из тех многочисленных Новгородцев, которых Иван 3-й и Иван 4-й расселили по окраинам своего государства; некоторые из них приняли участие и в управлении самой страной, как, напр., протопоп Сильвестр при Иване 4-м в его молодости, как Донской атаман Ляпун из Новгородцев; из них-же должен быть и Ермак Тимофеевик, вероятно ушедший в противоположный лагерь. Потомком Новгородцев был и Степан Разин, в семье которого сохранялась жгучая ненависть к Москве, а так-же его полонничество в Соловки.

³ Подобный-же случай и с другим Донским атаманом Ляпуном в 1557 г.

Но когда именно произошел этот разрыв, когда именно они отделились, то точно проследить это пока еще невозможно, потому что из жизни Донских казаков этого периода мы имеем только три-четыре грамоты Московских царей.

Не сыграли-ли в основании городка Раздор известную роль Азовские и Белгородские казаки, просившиеся через Крымского кн. Апака в 1515—1516 годах к Путивлю?

Соприкоснувшись с Московской службой, имея общения с Донскими верховыми казаками и перейдя в городок Донской, не устремились-ли они обратно к своему первоначальному жительству?¹

Так Иван 4-й и писал Юсуфу, кн. Ногайскому: «Те холопи наши, Сары Азман, и в нашей земле лихо многое сделали и убежали в Поле», а Раздоры находились в Поле.

Очевидно, Сары-Азман, уйдя от Москвы, соединил вокруг себя в одно целое разрозненные казачьи группы, вышедшие из разных окрестных государств. (Мы не касаемся вопроса о происхождении самих Казаков).

Движимые одинаковыми мотивами, они объединились вокруг него и Сары-Азман придал этим казачьим группам известную организованность и стройность, построил несколько городков и тем положил вместе с другими атаманами начало «Войску Донскому», обосновавшись в Раздорах, как выгодном стратегическом пункте.

* * *

Азовские и Ордынские казаки, потомки Хакасов, как и все Казаки времен Чингис-хана, влившиеся сначала в его армию, а потом, на юге, появившиеся вместе с Батыем и подкрепляясь из Казачьей Орды, они не «исчезли с лица земли», как уверяет в этом Броневский, а перешли к Путивлю и Рыльску, а часть их, может быть, поселилась и на Донце, образовав Донецких казаков, к которым в 1570 г. обращался за помощью Иван 4-й против Крымского хана, но главная и основная часть переселившихся из Азии в восточную Европу Казаков все-же находилась на Дону и он был их главным центром. «Коль Казак, так Донской».

О Путивльских и Рыльских Казаках мы имеем такие сведения.

«Того-же лета (1550) Путивльские Казаки Михалко Черкашенин² да Истомка Извольской Туленин с товарищи на Дону, на

¹ О Путивльских севрюках дан неслестный отзыв (крайняя небрежность в службе). (А. М. Г., I, 5; 1571).

² Броневский пишет (55): «...а Донские казаки (в 1559 г.) под начальством Михаила Черкашенина, т. е. Малороссиянина, поясняет он.

«Черкашенин» не есть обязательно «Малороссиянин», которые тогда были только «Черкасами», испорченное «Черкес». Донского атамана Корнея Яковлева тоже называли иногда «Черкашениным» (Русс. биогр. словарь), а он был подлинный Черкес (ДД IV, 916; 1655, «атаман Корнило Черкес»); Самих подлинных Черкесов Донские казаки называли, так-же как и «Малороссиян», «Черкасами».

Великом Перевозе и побили Крымского князя Аманака да Черкасского казака¹ Ельбузлук и Азовских людей многих побили... А приходил к ним Ельбузлук с нарядом на Дон острогу имати». (Русс. Хронограф, прил. I., 528).

Михаил Черкашенин возглавлял казаков Путивльских, может быть потомков Азовских и Белгородских казаков, а вместе с тем и потомков Черных Клобуков и Кипчаков. Он-же, Михаил Черкашенин, был потом атаманом и у Донских казаков, что подтверждает факт связи Путивльских казаков с Донскими.

Иван 4-й велел послать на казаков «грабивших на Волге, дьяка Ржевского к Азову да итти ему вверх Доном и искать их-же»... И в это-же время был послан на Волгу Донской атаман Ляпун, которого «грабившие» Казаки заманили в свои станы под предлогом, что они тоже служат государю, и убили его. Здесь также подтверждается разномыслие, раздор у Казаков по поводу службы Московскому государю.

Эта эпоха, от начала 1500 г.г. и до их середины, когда уже совсем оформилось разложение Золотой Орды, была большим пертурбационным периодом в жизни восточно-европейского Казачества, после которого последовала кристаллизация их — Донецкие (временно), Донские — Верховые и Низовые и Днепровские — то-же Верховые и Низовые — Запорожские.

Разделение Донских казаков на Верховых и на Низовых в 1584 году видимо оформилось, ибо грамоты им, как уже упоминалось, посылались Москвою каждому Войску отдельно.

Московский царь пишет в 1593 г. Донским казакам: «А где сойдетея на Донце с нашими людьми, с Путивльскими и Запорожскими Черкасы, которые придут по нашему указу под царя (Крымского) на Донец, а велено Черкасом Запорожским гетману Хриштофу Косицкому и всем атаманат и Черкасом быть на Донце на шляхах и за Царем итти и к нашим украинам, и вы-б (Донские

¹ «А полонянников нам отдать немочно: взяли мы их своею кровью; а ходили те Черкасы за ними сами, и наших голов искали, а не мы на них ходили... Сее зимы больши ста человек по городком Азовские люди и Черкасы поймали». (Д. Турец., № 3, л. 92, сит. Карам. X, пр. пр. 299 и сл.).

Один из этих полоненных «Черкасов» (Черкесов) носил прозвище Кабан; позже имя Кабан (Василий) носил и один из Донских атаманов, изывавших от посла Вышату, и в отписке от 5.11.1613 тем-же именем Кабан (Димитрий) еще один Донской атаман обозначен. Слово «кабан» (боров) есть тюркское слово, и если один из полоненных Черкесов носил фамилию Кабана, то мы вправе предполагать, что и два Донских атамана с той-же фамилией Кабан (Василий и Димитрий) тоже были Черкесами или по крайней мере из Черкесов, поэтому и Михайло Черкашенин мог быть подлинным Черкесом.

¹ Слово «Туленин» указывает на то, что это был житель города Тулы, где были и Верховые казаки.

² «Черкасского казака» — след. Черкасов Московитины Казаками не считали, но среди Черкесов, очевидно, находились и Казаки.

казаки) промышляли с ними с нашим дворянином — сопча за-
один». (СГГД, II, 126).

У Запорожских черкас, по московитинской терминологии, во
главе стоит уже «гетман» — польское влияние, организация их
Поляками, тогда как у Путивльских черкас по прежнему стоят во
главе «атаманы».

«А достальные воры и лучшие их промышленники Терские,
Яицкие, Волские, Донские и Путивльские и Рыльские Атаманы и
Казаки сели в баяраке и городок себе сделали». (Крмз., XII, пр.
131; Смут. вр.).

Из этого видно, что Путивльские и Рыльские Атаманы и ка-
заки и в Смутное время имели тяготение к Донским (Терские,
Яицкие и Вольские, как известно, суть ветви Донских), а не к
Запорожским, которые, оставив Лже-Дмитрия, устремились на се-
вер Московии, где все и погибли, тогда как Путивльские и Рыль-
ские казаки приняли участие в событиях Смутного времени на Мо-
скве, и в последующих исторических актах обозначались и Донские
путивльские казаки, след., связь их, всех Верховых, и после Смут-
ного времени не была еще утеряна.

Что здесь, в Раздорах, зачалось «Войско Донское», т. е.,
оформилось в твердую и постоянную организацию, можно видеть и
из того, что при неудаче поступательного движения на юг, Войско
Донское всегда возвращалось в Раздоры, свой первоначальный
центр.

Из Раздор в Черкасской Войско Донское переехало 30 апреля
1644 г., т. е., спустя сто лет после построения его, городка Раздор,
Сары Азманом.

«В нынешнем, государь, в 152 (1644) году апреля в 24
день (...) из Раздор на низ ходили, и городок на старых своих
юртовых местах на Черкасском острове поставили и укрепили на-
крепко и снаряд по местам изпоставили. (...) И апреля, государь, в
30 день из Раздор мы всем Войском в тот городок на житье совсем
поднялися». (Д. Д. II, 547).

★

ГЛАВА V

ГОРОДОК ЧЕРКАСКОЙ

Скажем теперь несколько слов и о самом городке Черкасском.

Время основания гор. Новочеркаска и перевод в него административных учреждений из Черкасского, ставшего уже «старым», а также и официальные мотивы, вызвавшие этот перевод, определенно известны: Черкасской заливался весенним разливом Дона и сообщения с ним были неудобны. Причины основательны.

То-же самое происходило и с другими городками; по Хопру, напр., некоторые станицы сами выселились из займища на близлежащий берег, а не куда-то в далекую и глухую степь.

Инициатива этого перевода приписывается самому М. И. Платову,

По этому поводу имеются два указа на имя Донского Атамана Платова: от 23 авг. 1804 г., в котором говорится: «Как в устройении нового города, выбор прочного и удобного места есть одно из существеннейших обстоятельств, то к вьящему удостоверению о удобности места, к сему предполагаемого, признал я нужным осмотреть оное во всех подробностях чиновнику, особенные сведения о сем имеющему, инженеру г.-л. Деволин, который, осмотрев означаемое место, если найдет в нем все нужные удобства, составит план».

Далее указывается на расходы, связанные с этим переводом, то это из «Войсковых доходов».

И второй указ по этому делу от 31 дек. 1804 г.: «Сообразно плану сему и данным вам в указе 23 августа постановлением, призвав в помощь Бога Всемогущего, положить основание Новому Черкаску на месте, между речек Тузлова и Оксая, Депутатами войска Донского избранном, и как вами, так и инженером де Волантом за лучшее признаваемым».

Заселение его шло чрезвычайно туго: выбранное место само по себе было совершенно непригодно для заселения вообще, ни для земледелия в особенности; кроме того был недостаток и в хорошей воде, что явно противоречило целям перенесения города.

Из Черкасского Казаки не хотели переезжать; для заселения его вызывали Верховых казаков, но все было тщетно, заговорили уже о переводе его по одним сведениям на старое место, по другим — в Аксайскую станицу.

Спустя 30 лет, в 1837 г., город Новочеркасск посетил сам Николай I-й; он нашел это место «удобным», и только после этого визита заселение города пошло быстрее.

Перевод столицы Дона из Черкасского в какую то глушь, в открытую степь, вдали от самой реки Дона, с этой прославленной с древнейших веков реки, с именем которой у Казаков так много связано, перевод его на бугор между двух ничтожных речушек, заставляет думать, что причины переноса столицы Дона были другие, а именно, порвать связь с казачьими традициями. Это была как-бы «ссылка» его за свободомыслие и независимость духа, желание свести на нет старый казачий уклад и установить дух новый, уже угодный тогдашней Москве — Санктпетербургу, поэтому приписывание инициативы этого перевода на теперешнее место Платову и Депутатам Войска Донского является весьма сомнительным: Дон тогда уже не действовал самостоятельно, и мысль о переводе Черкасского на занимаемое им теперь место, очевидно была внушена инж. де Волаину властями предержавшими с хитрой целью провести непопулярную меру из-за чужой спины — де-скаль сами Казаки того пожелали; однако со стороны Донских казаков пошел открытый саботаж, как единственный в те времена способ противодействия непопулярной мере русского правительства.

Если положение Черкасского на острове, заливаемом весенней водой, стало действительно уже непрактичным и это его островное положение мешало как удобству сообщения с ним, так и дальнейшему расширению его, то не было решительно никакой видимой необходимости переносить его так далеко в степь от Дона: ничто не препятствовало-бы построить новый город вблизи самого острова на берегу Дона, незаливаемом весенней водой — тогда и название города осталось-бы то-же, и старые казачьи традиции сохранились-бы крепче.

* * *

Когда-же был основан городок Черкасской и почему он назван этим именем?

Обычно думают, что городок был основан Черкасцами, т. е. населением, приходившим из Днепровского района. Татищев в своем «Лексиконе» так и пишет, что «из тех 5.000 Запорожцев, которые приходили на Дон с кн. М. Вишневецким (...), несколько осталось на Дону и они построили городок Черкасской». («Лекс.» «Донские казаки»).

Однако в своей «Истории Российской» про основание городка Черкасского и о населении Дона Татищев пишет по иному.

«Иоанн второй и Грозный Казань, Астрахань, частью и Сибирь под свою власть привел, в Украине по Донцу и другим рекам Белгород и другие построил, на Дону Казаков населил». (Кн. I, ч. II, 513).

Спустя несколько страниц (544), он пишет об этом-же немного иначе.

«Сей государь (Иван 4-й) Казань и Астрахань себе покорил, по Донцу Белгород и другие по Дону казацкие Черкаской с прочими, для безопасности от Татар, устроил и населил».

Видно, что у Татищева было не совсем ясное представление об основании городка Черкаского.

В «Подробном обзоре Истории Русов», неизвестного автора, об образовании городка Черкаского говорится так: «Гетман князь Михайл Вишневецкий, из воевод. В 1569 году, отправившись, по воле короля, на освобождение от Турок и Татар Астрахани, а в помощь Московским войскам царя Ивана Васильевича Грозного, дважды разбил неприятеля и избавил¹ Астраханских граждан от осады. Запорожцы, недовольные на него за то, что он отдал тяжелую турецкую артиллерию Московским войскам, отделились, в числе 500? чел.², ночью от казаков, ушли к устью Дона, где построили город, назвав его, по имени своей столицы, Черкаском, пригласили к себе Донцов, живших в своем городке, Донце, соединились с ними, приняли все их обычаи и сделали свой город главным всему Войску Донскому»³.

Броневский (57) по поводу основания Черкаского пишет: «Когда Турки укрепляли Азов, 5000 Запорожских черкас вышли на Дон и, там рассеявшись, поселились при разных станицах. Отважнейшие из них в небольшом числе, в 60 верстах от Азова, построили новый город, назвав его своим именем Черкасск».

«Малоросы, пишет Н. Краснов, значительное число переселились на Дон и избрали для своего становища место ниже Раздорского городка, ближе к Азову, окруженное густыми и высокими камышами (...) и названное Черкасскими юртами. Близость положения этого места к Азову (...) переманила к Черкасам многих жителей из Раздорского городка. Само главное начальство Казаков оставило также Раздоры и основало новый городок в урочище Монастырском еще на 7 верст ниже Черкасских юртов». (Дон. Вед. № 34 и 48. 1859 г., № 22, 1860 г.).

¹ Донские казаки, участвовавшие в этом деле, очевидно были праздными зрителями: дважды «разбил» и «избавил» один только кн. М. Вишневецкий

² Их всего было менее 5000 человек.

³ Чтения, III, 4. Очень странно читать, чтобы 500 человек Войска Запорожского, по тем временам сила значительная, пригласив к себе Донцов из главного городка Дона (Донской) могла так легко принять все их. Донцов, обычаи, и что Донцы в свою очередь приняли этот город как главный всему Войску Донскому. История нам указывает, что между Доном и Запорожьем не всегда существовали добрые отношения, а Донцы к своей независимости, к своей самостоятельности всегда относились очень ревниво. Дело с Запорожским атаманом Матяшем, потребовавшим было себе в Азове города osobного и «наряду» (орудий) и хотевшим было владеть и жить особно, вызвало, как известно, резкую реакцию Донцов — они убили его поленьем и вкинули в воду.

Этого-же взгляда придерживается и ряд других историков, относя основание Черкасского к 1569—1570 годам, когда Турки неудачно ходили под Астрахань.

Однако есть и другие истории, которые с таким мнением не согласны и утверждают иначе.

Попов А. по этому поводу говорит так: «Во время сильного Кипчакского владения, именуемого Россиянами Золотою Ордою. Донское Войско называемо было Ордынским или Азовским, которое в 1500 г. имело двух начальников Агуса или Акустия Черкаса, избравшего главным городом сего народа Черкасск, с того времени по его имени называемый, вместо упоминаемого города Орна, в котором тогда-же поселились верные Казакам Татары Золотой Орды под названием и поныне Татарской станицы, при сохранении ими Магометанского закона». (Попов, 115).

Бутков прямо оспаривает этот установившийся взгляд, говоря, что «построение на Дону городка Черкасского (старого) некоторые приписывают Запорожским черкасам в XVI веке, когда из них человек по 10, 20 и 50 переходили с Днепра на Дон. Мы сознали-бы справедливость сего показания, продолжал Бутков, если-бы раньше того не было там, у Дона, ни Яра Черкасского, ни речки Черкасской». (Бутков, 335, пр. 269).

Но в доказательство своего утверждения о существовании речки Черкаски и Яра Черкасского Бутков не приводит никаких исторических данных, а они есть.

Прежде Черкасами называли и нынешних Черкесов и жителей Поднепровья, телерешних Украинцев. Москва, чтобы отличить подлинных Черкасов, т. е. Черкесов, живших на Кавказе, от поднепровских, она иногда называла Черкесов «горскими Черкасами», или-же «пятигорскими Черкасами» (СРИО, т. 41, с. 323). Донские-же казаки в одной отписке назвали их «горскими Чергизами». Но это различие почти не соблюдалось, и тех и других обычно одинаково называли просто «Черкасами».

Из прежних Черных Клобук ов «сже зовутся Черкасы», многие ушли из Днепровских пределов или-же их оттуда удалили, оставшаяся-же часть их так расплылась там и слилась с местными и со вновь пришедшими из Галиции, Волыни людьми, что от прежних Черкасов не осталось никаких видных заметных следов, но за населением все-же сохранилось имя «Черкас», и Донские казаки, как и Москва, нынешних Украинцев долгое время называли Черкасами («Запорожские черкасы»), вследствие чего происходит смешение этих двух совершенно различных народов.

Название городка «Черкасским» происходит несомненно от слова Черкас, так-же как и название другого города, на Украине, Черкасы, тоже происходит от этого-же слова «Черкас», и если утверждать, что городок Черкасской на Дону основан Черкасами, то

тут станет вопрос — какими Черкасами — горскими или поднепровскими?

Черкасы, под которыми надо разуметь подлинных Черкесов, в 1224 году жили при речке Калке, нынешний Кальмиус. Вот что про это пишет Абульгази: «Когда приблизились Урусы и Кипчаки, то Могулы, будто-бы их бояся, удалялись от них в течении десяти дней, пока не приманили их в землю Черкас («за Калак реку») в место себе полезное». (Абульгази, I, 394, 395). След., в эпоху первого прихода Татар, Черкесы, а не поднепровские Черкасы, занимали нижнее течение Дона.

На морской карте 1497 г. местожительство Черкесов так-же означено к западу от Таганрога; в начале 1500 г.г. они жили в низовьях Дона и южнее его до Кубани.

В донесении посла Мамонтова Ивану 3-му в 1501 г. говорится, что «сын турецкого Махмет салтана кафинский послал 300 человек (Турок) на Черкасов и с ними ходили еще 200 человек Черкасов-же, которые у кафинского служат, а сын Муртозы с Азовскими казаками пошли с ними-же вместе на Черкасов». (СРИО, т. 41, с. 357, 1501 г.).

И другое донесение: «и Азовские казаки с Аузь (Оуз) Черкас и Карабай (...) за теми Черкасы в погоню пошли... И Черкасы Азовских казаков побили (...) сказывают человек с тридцать». (Там-же, с. 381; 1501 г.).

Из этих донесений видно, что часть Черкасов, живших в низовьях Дона, между ним и Кубанью, жила отдельно, самостоятельно, другая-же часть их служила в Крыму, кафинскому; Черкасы-же с Днепра стали появляться на низовьях Дона гораздо позднее 1501 года, т. е., с 1569 года.

В низовьях Дона была речка Черкаска и Яр Черкаской.

В одной отписке Московскому царю Донскими казаками сообщалось, что они сошлись с Азовскими людьми на усть-Черкаске, был бой в урочище против Лыченского острова (Лип., I, 76; 1666 г.). Может быть, что это урочище против Лыченского острова и был «Яр Черкаской».

Говорит о речке Черкаске и Ригельман: «за Доном при устьи реки Черкаска». (Ригельман, 118).

Название реки Черкаской и Яра Черкаским также несомненно происходят от имени Черкас (Черкес), которые раньше здесь жили и, след., имели свои поселения; в числе этих поселений и был Черкас-кой; днепровские-же Черкасы жить здесь и основать свой городок в те времена, до 1569 года, не могли, поэтому ни название речки Черкаской, ни Яра Черкаским, ни острова Черкаским, где был расположен самый городок Черкаской не могли получить своего названия от днепровских Черкас, ибо, чтобы эти и речка, и яр, и остров, и городок могли получить свои наименования от днепровских Черкасов, которые, кстати сказать, и сами-то получили свое

прозвание от имени этих-же Черкесов, то они должны были-бы издревле занимать эти места, чего в действительности никогда не бывало.

И сами Донские казаки, покидая Раздоры в 1644 г., писали Московскому царю: «...и городок на старых своих юртовых местах на Черкасском острове поставили». (ДД II, 547).

Кроме того, еще в 1557 году, т. е. ранее предполагаемого основания Черкасского, Донские казаки уже владели устьями Дона, что видно из того, что Иван 4-й приказал дьяку Ржевскому преследовать их от Азова вверх по Дону.

Английский путешественник Кларк в своем «Путешествии» (с. 376) касается названия этого городка и утверждает, что в татарском языке слово «кой» означает село, городок, откуда и получилось название Черкес-кой, в разговорном языке обратившееся в Черкасской.

На карте, приложенной к «Истории Тимур-Бека» (Тамерлана), очерчены границы Черкесии; они шли по Манычу, по левой стороне Дона, начиная от устья Маныча, и до Кубани: на Дону возле города Азак (Азов) к северу от него обозначен гор. «Черкес-куи»; южнее его, в Черкесии-же, обозначен другой город — Балар-куи и прямо на запад от него еще селение — Кадик-куи (кой и куй — одно и то-же, разница зависит от разных говоров).

Название этому городку дано несомненно не самими Черкесами, а со стороны, их соседями, и притом соседями не черкесского происхождения, а населением, говорившим по-татарски; если-бы кругом жили только одни Черкесы, то сами они такого наименования, Черкас-кой, городку дать не могли-бы, так-же как и на Украине название гор. Черкасы дано местным населением, среди которого обосновались Черные Клобуки — Черкасы.

Подтверждение этому можно видеть и в других подобных случаях.

В Самарской губ., где живет очень много Немцев, среди их поселений находится гор. «Казакштадт» (нынешнее село Покровское, около гор. Самары), населенный Казаками¹; название этого города дано несомненно Немцами («штадт» значит город), а не самими Казаками.

Некрасовцы поселились в Малой Азии около Майносского озера среди Турецкого населения, и Турки, а не сами Казаки, дали этому поселению название «Казакли»; нынешнее село Уразлино называлось «Казакляр». И на Дону ведь тоже была «Татарская слободка», и название ей дано не самими Татарами, а Донскими казаками, среди которых эта слободка находилась; среди Башкир была «Киргизская деревня», а среди самих Киргизов была деревня «Кипчак».

¹ В Новосильском у. Саратов. губ. потомки прежних Казаков до сих пор сохраняют свое старое имя Казак. (Академ. словарь, 1906-7 г.г.).

Таким образом все эти названия — Казакштадт, Казакли, Казакляр, Черкасской, Татарская, Киргизская, Кипчакская деревни, слободки — давались местными людьми по имени того народа, который занимал среди них эти места, а не самим народом, на этих местах жившим.

Точно так-же и имя городка Черкасской дано народом чуждым Черкесам (Черкасам), может быть Азовскими казаками, жившими вокруг и говорившими по-татарски.

Очевидно, что группа Черкесов, постепенно отходивших на юг, еще долгое время оставалась на этом острове, который и сами Казаки называли «Черкасским островом» (ДД II, 547), и самая местность, занимаемая этими Черкесами, называлась «Черкасскими юртами» («юрт» то-же тюркское слово).

Городок, вернее самый остров, Черкасской первоначально служил части Черкесов надежным убежищем от преследований, потом он был занят Казаками, ибо, переходя из Раздор. они заняли свои старые юрты на Черкасском острове.

Что первоначальное название городка было Черкасской, а не Черкасск, как теперь его именуют, то это находит себе непререкаемое подтверждение в том, что городок этот в официальных документах как самих Донских казаков, так и Москвы, всегда назывался как Черкасской и никогда как Черкасск или Черкасы.

«...и отпустили стольника нашего (...) из Черкасского вверх по Дону и Хопру».

«...и о приходе их с теми помянутыми неприятели к вам под Черкасской». (Лист. I, 163).

«Была вода зело великая», сообщают Донские казаки в Москву в 1689 г., «которая как в Черкасском, так и во многих верховых городках (...) хоромное строение все поносило». (С. Дружинин, с. 6-7, пр. 21).

И это наименование Черкасской проходит во всех документах той эпохи.

Современное название «Черкасск» образовалось только в позднейшее время путем ошибочной граматизации: к корню слова «Черкас» прибавили суффикс «ск», вследствие чего получилось Черкасск, что не соответствует его подлинному названию.

* * *

Таким образом, резюмируя изложение, видим, что Казаки жили по р. Дону, от его устьев и вверх до истоков и севернее их до гор. Рязска, и Дон был единым; может быть, что земля их и называлась «Козакией», как говорит о том А. Попов, но из каких источников он почерпнул это сведение, нам неизвестно.

Сары-Азман, находясь на службе у Московского вел. князя, учинил в его княжестве «лихо многое» и ушел от него, основал

городок Раздоры и 3-4 других и тем разделил единый Дон на Верховых, продолжавших служить Московскому царю, и Низовых, враждебных ему.

Впоследствии судьба их радикально переменилась: Низовые стали покорными слугами Московских царей, а Верховые поддерживали убежавших с Москвы, особенно раскольников, стремившихся на Московском государстве «учинить смуту, разорение и нестроение».

ЧАСТЬ II-я

Отношения между Доном и Москвой.

Н Е З А В И С И М О С Т Ь

*Прежде чем начинать спор,
надо определить термины.*

Вольтер

ГЛАВА I.

Казалось бы, что Москва своей почти четырехвековой постоянно нивелирующей политикой, систематическим замалчиванием роли и значения Донского Войска в судьбах Москвы — Великороссии, постоянным ущемлением его прав, сумела в достаточной степени понизить казачье самосознание.

Однако, революция 1917 года опрокинула всю эту видимость, и Донское Войско в течении двух-трех месяцев после отречения от престола Николая II и брата его Михаила сумело возродиться как-бы из пепла: Донское Войско объявило себя независимым государством или вернее было-бы сказать — восстановило¹ свою прежнюю независимость; его примеру единодушно последовали и все другие Казацьи Войска.

* * *

Отношения между Доном и Москвой можно рассматривать с разных точек зрения: а) государственно-правовой, б) церковно-религиозной, в) культурного влияния, г) финансово-экономической, и д) просто фактических отношений.

* * *

Был ли Дон в отношении Москвы государством суверенным, т. е. независимым от нее, или он был с самого начала своего существования под ее протекторатом, или же, наконец, он был ее всегдашним вассалом?

¹ Сербы, Болгары, Греки после 500-летнего господства Турок, Москва после 250-летнего господства Татар, они не «возникали», а восстанавливались, ибо они не теряли ни своего национального характера, ни своих психологических предпосылок прежнего своего независимого государственного существования. Почему не могло быть того-же и с Донскими казаками?

Великоруссам, да и самим многим Казакам еще очень трудно воспринять ту идею, что Дон мог быть самостоятельным государством. Причиной тому служит то, что еще со школьной скамьи всех нас учат, что Донские казаки суть беглые холопы и крестьяне и потому Казаки суть «плоть от плоти и кость от кости» Великоруссов; что Донские казаки были только охранителями границ Московского царства... Впечатления же юности очень крепки и остаются на всю жизнь, и чтобы отрешиться от них, надо сделать над собою весьма большие усилия.

Кроме того, наше историко-политическое мышление, внушенное нам в интересах русского самодержавия еще в средней школе, слишком привыкло к тому, чтобы связывать идею создания и возглавления государства обязательно во главе *одного* лица и при том с неограниченной властью, будь то король, султан, хан, царь и т. д.; но в нашем случае это привычное мышление сталкивается с тем фактом, что «Дон зачался казачьими головами» т. е., что он возник из *соглашения* самих же Казаком, *самобытно*, а не по соизволению кого бы то ни было, чем и определилась его республиканская форма правления.

Великое герцогство, великое княжество, королевство, ханство, царство, империя, республика — все эти организации суть государства и отличаются они друг от друга только своей формой, своими размерами, степенью культурности, а не существом.

Латвия, Литва, Эстония, Финляндия — эти республики-крошки по существу являются такими же государствами, как и республики-гиганты — Китай, СССР, С.А.С. Штаты. Поэтому и Дон, хотя он и не был числом населения велик, тем не менее это не отнимало от него качеств государства. Некоторые из противников того взгляда, что Дон был государством, рассматривают его как общину, но община есть только часть другого более общего политического организма, стоящего над общиной, распоряжениям которого она должна подчиняться, не имея своей юрисдикции.

Кроме того, через Посольский приказ с общиной не сносятся.

И если бы во главе Донских казаков был хан, султан, король, царь, то ни у кого не возникло бы ни малейшего сомнения в том, что Дон был государством. В данном случае Войсковой Круг по своему государственно-политическому значению, как коллективный глава государства, есть равносильен понятию хан, король, султан, царь.

* * *

Среди историков нет единогласия в определении государственно-правовых отношений, которые существовали между Доном и Москвой.

Хотя историки и основывают свои взгляды на одних и тех же документах, на одних и тех же фактах, однако, они приходят к раз-

ным заключениям: одни утверждают, что первоначально Дон был независимым государством и находился с Москвой в союзных отношениях, а потом стал под ее протекторат; другие историки думают, что независимым он никогда не был, а с самого своего начала находился под протекторатом Москвы, третьи же полагают, что чуть ли не с самого первого дня своего возникновения Дон был в вассальных отношениях с Москвой.

Чтобы избежать этой неопределенности взглядов, следует установить *одинаковое* понимание термина *суверенитет* и, в особенности, терминов *протекторат* и *вассалитет*, так как эти два последние выражения впоследствии получили расширительное толкование: так, напр., германские народы, независимо от их общественного положения, все одинаково подписывают свои просьбы на имя королей словами «вассал твой», т. е. «твой подданный», «опекаемый», тогда как прежде слово «вассал» у них же имело иной смысл.

В данном случае все эти три слова надо понимать в одинаковом, в их классическом понимании.

* * *

Современная теория государственного права считает, что для понятия суверенного государства необходимы три элемента: народ, земля (территория) и производная верховная власть. Ни признак расовый или племенной, ни признак языковый или религиозный, ни даже степень развития культуры и промышленности в этом случае не играет никакой роли. В СССР бесконечное количество племен, языков и религий и, однако, это вовсе не препятствует ему быть единым государством; кочевавшие татарские орды тоже, ведь были государствами, ибо у Татар была своя территория и своя суверенная власть.

Донские Казаки, независимо от их происхождения, народ; они имели свою территорию — бассейн реки Дон со многими его притоками; территория эта определялась своеобразно — «покуды казачьева присуду», «покуды казачей присуд», «изо всех рек казачьева присуду»¹.

«Ведаете вы сами, как вы приходили изо всех рек казачьего присуду Азова достигать». «А посылается грамота войсковая от городка до городка насних коньми покуды казачей присуд», т. е. до тех мест, где действует казачье право, казачья юрисдикция.

У Казаков была и своя производная, т. е. никем неданная извне, ни Турцией, ни Крымом, ни Польшей, ни Москвой, своя верховная власть — Круг с прямым народоправством.

Утверждение некоторых историков, что Круг есть вече, яко бы взятое у Славян, ошибочно; если бы его взяли от Славян, то тогда сохранилось бы и название «вече», хотя бы в деформированном произношении, но название «Круг» есть название *естественное*, по

¹ ДД. I. 809. 839; 1638; грамота из Войска в верхние городки.

форме расположения самого собрания, как это делалось у Казаков, потому оно и *самобытно*, а не заимствовано у кого бы то ни было.

Кроме того, сама организация Казаков называлась «Войском», тогда как у Славян была «дружина», а на Москве — «рать».

Можно рассматривать как преемственное от Татар название должностей, напр., *есаул*, должность, сохранявшаяся у кизильских Татар¹, как выборная, по крайней мере до 1877 г.², а также бывшая и у Тамерлана³, у Турецкого султана и Крымского хана: «И царь⁴ (Менгли Гирей), говоря с братом и со князьями, да выслал своих ясаулов Карача Багирева да Кардыша Черного»⁵. Была, а может быть и теперь сохранилась, должность есаула и у Башкир.

Про эту должность есаула у Донских казаков в одном из писем Московскому царю говорится так: «А те де Казаки между себя выбрали в есаулы Ивана Меркулова, потому что де у них в станицах с атаманом и ясаул бывает, а без ясаула де у них в станицах не бывает»⁶.

С этой точки зрения, правда чисто формальной, Дон несомненно был государством.

Если же рассматривать, что в понятие государства должно входить еще и охрана свободы мнения, свобода слова, всем открытый доступ к самым высоким должностям, т. е. то, что теперь почитается основными правами человека и гражданина, то тогда надо признать, что Дон в те времена был таким же, как и современное, *правовым* государством, тогда как тогдашняя Москва была типичнейшей, в ее самом скверном смысле, *тиранией*.

Наблюдательный и очень объективный Флечер, посол английского короля, бывший в Москве при Федоре Ивановиче, так описывает Московию:

«Образ правления у них очень похож на турецкий, которому они, повидимому, стараются подражать... Правление у них *чисто тираническое*: все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским образом... Оба класса, и дворяне и простолюдины, в отношении к своему имуществу, суть ничто иное, как хранители царских доходов, потому что всежитое ими рано или поздно переходит в царские сундуки» (19). «Простой народ считается там не лучше рабов, которые должны повиноваться, а не издавать законы, и не имеют права ничего знать о делах общественных» (21).

¹ Кизильские «Татары», нынешние Хакасы, живущие по реке Урюпу (Урупу), т. е. там, где прежде жили и теперь живут Хакасы.

² Риттер. Землеведение Азии, IV, 553.

³ Cheref ud-din. Histoire de Timur-bec, II, 107.

⁴ Московитине называли Крымского хана — бцарем».

⁵ СРНО, т. 41, с. 354; 1501.

⁶Д. I, 395; 1633.

«Но унижение и рабство», продолжает Флечер, «так явны и так резки, что надобно удивляться, как дворянство и народ могли им подчиниться, имея еще некоторые средства, чтобы избежать их, или же от них освободиться» (32). «Это безнадежное состояние вещей внутри государства заставляет народ, большую частью, желать **вторжения**¹ какой-нибудь внешней державы, которое (по его мнению) одно только может его избавить от тяжкого ига такого тиранического правления» (33)².

Из этого можно видеть, что Москва не была государством в его нынешнем смысле, т. е. не была государством правовым.

Но помимо этой формальной точки зрения на государство, необходимо еще и внутреннее содержание этой формы, чтобы не быть ей пустой, т. е. необходимо и *сознание* самого народа быть независимым, а также *признание* этой независимости и соседними народами, хотя бы даже только фактическое.

Сознание своей независимости от Турции, Крыма и других соседних народов, а так же и от Москвы у Донских казаков было и оно проявлялось всякий раз и иногда даже в резкой форме, когда какой-либо акт со стороны Москвы или другого государства непосредственно затрагивал их суверенитет.

Рассмотрим ряд столкновений послов Московского царя с Донскими казаками, а также и ряд грамот к Донским казакам от Московского царя, отписок Донских казаков, донесений московских послов, из которых непосредственно и ясно вытекает не только сознание Донскими казаками своей независимости от Москвы, но и решительная защита ее ими.

* * *

В 1593 г. на Дону был ехавший в Турцию посол Московского царя Нащокин. Он привез с собою от царя ряд требований и предложений Донским казакам:

¹ Про эту неспособность русского народа к самозащите Ламанский говорит так: «я не знаю другой песни, в которой-бы лучше себя выразил, сознательно или бессознательно, народ Русский за последние двести лет. В ней живо рисуется его крепостная неволя:

...Засажен-то сидит добрый молодец во победности
У злых врагов, добрый молодец, в земляной тюрьме.
Он не год-то сидит, добрый молодец, и не два года,
Что сидит-то добрый молодец, ровно тридцать лет.

Что головушка у добра молодца стала седешенька.
Что бородушка у добра молодца стала белешенька.
А все ждет он поджидает выкупу, выручку...
А все ждет он поджидает выкупу, выручку...

Эту выручку и пытались было сделать казак Степан Разин (1670 г.) с Донскими казаками, а Емельян Пугачев с Яицкими (1775-1775).

² Флечер. О государстве Русском. Изд. 1867 г.

1. явиться к нему, Нащокину, на стан,
2. проводить его, Нащокина, до Азова,
3. жить с Азовцами в миру,
4. отпустить с ним в Азов турецких плененников без окупы и
5. быть сыну боярскому Петру Хрущову «на Дону в Раздорех, где пригоже, и промышлять с ним о царском деле».

Надо заметить, что до этого времени Московский посол всегда сам являлся на Круг и от имени царя говорил, что «государь, царь и великий князь (имярек) вас атаманов (перечислял имена видных атаманов) и казаков и все Войско Донское велел спросить о здорovyи».

После этого грамота передавалась Кругу, прочитывалась и затем обсуждалась.

Явка самого посла на Круг была несомненным актом признания со стороны Московского царя независимости от него Дона; на этот же раз порядок круто менялся — уже посол требовал явки к нему на стан; и если бы Донские казаки по этому требованию действительно явились бы на стан к Московскому послу, то это несомненно обозначало бы символическое выражение ими подчинения Московскому царю.

Это был первый «пробный шар» Москвы.

Этот довольно неуклюжий маневр Московского посла Донские казаки легко разгадали и в стан к нему «милостивых слов слушать» не пошли, как впрочем не пошел на Круг и Нащокин, который воспользовался таким случаем: когда около его палатки появился атаман Воейков с 300 Казаков, то он и передал им грамоту.

На просьбу посла проводить его до Азова Донские казаки согласились. Относительно того, чтобы жить в миру с Азовцами, они дипломатически ответили, что о мире всегда первые просили Азовцы, а им, Донским казакам, «чрез прежние обычаи самим о мире задираться непригоже».

Турецкие плененники, которых посол просил отпустить с ним без окупы в Азов, были знатные люди и окуп за них по тем временам был весьма значителен: «турецкий Чеуш да Черкасских 6 князей, Кабан с товарищи, ценилися сами дати им за себя — Чеушу 6.000 золотых, а Кабану 3.000, а достальные ценилися в 4.000 золотых»¹.

Москва сама намерена была на этом деле заработать, обещав Донским казакам внести этот окуп от себя, но не теперь, а потом; но Московский царь в глазах Донских казаков был, как это видно, неособенно надежный кредитор и, очевидно, наученные горьким опытом, они ответили послу: «и будет де государь ныне с вами тот окуп прислал, и мы их отдадим, а без окупы нам их отдавать немочно... А только де нам ныне отдать их без окупы, и нам тех оку-

¹ Карам. X. пр. 299; Дела Турецкие, № 3. л. 81.

пов не видать и в десять лет, а к Москве нам по те окупы не езживать».

Этот факт — неодача плененников без выкупа и явное недоверие Московскому царю — свидетельствует о независимости Казаков от Москвы, в противном ведь случае Московский царь отобрал бы плененников от Донских казаков беспрекословно, как от своих подданных, а «выкуп» обратил бы в свою пользу.

В деле принятия Петра Хрущова, но уже как поставленного Москвою, каковым актом она намерена была подчинить Донское Войско своему непосредственному командованию, вопрос прямо касался нарушения независимости Дона.

На это домогательство Москвы Донские казаки реагировали резко: Вышата Васильев, один из атаманов, приехавший с Нащокиным и уговаривавший Казаков служить с Петром Хрущовым, был насильственно захвачен в самом стане посла, демонстративно бит перед посольской палаткой, а потом «посажен в воду» за то, что он «государю *доброхотает*» и всему Войску *изменник*».

Самому же послу на предложение служить с Петром Хрущовым ответили: «прежде сего мы служили государю, а голов у нас не бывало, служивали *своими* головами, и ныне де ради государю служить *своими* головами, а не с Петром».

Это подчеркивание «своими головами» тоже указывает на то, что Донские казаки ясно сознавали свою независимость от Москвы.

Сам посол был задержан ими пока не возвратились из похода остальные Казаки; привезенное же на Дон послом жалование было у него просто отобрано силою, так как оно причиталось за прежнее время.

* * *

В грамоте от 22-10-1625 г. к Донским казакам Московский царь жалуется, что ему от них «*помочи* никакия не бывало. Одиново есьмя к вам писали, чтоб вы прислали к нам тысячу человек в *помочь* в то время как есьмя вели войну с Польским королем; а корм им был готов. И вы в те поры помочи нам некоторые не учинили... и повеленья нашего николи не слушаете и с сторонними государями, которые с нами в ссылке и в дружбе, нас ссорите»¹.

Такая же жалоба на независимое поведение Донских казаков по отношению к Московскому царю слышится и в его к ним грамоте от 6-10-1625 г., где он говорит: «И вы, атаманы и казаки, указ наш и отца нашего великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси поставили ни во что»².

В грамоте от 2-9-1627 г. высказывается угроза Донским казакам за их независимую от Москвы внешнюю политику: «...меж

¹ ДД. I, 250.

² Там-же, 309.

нас, великих государей, ссору делаете, сложились с Запорожскими черкасы, а сами *ведаете*, что Запорожские черкасы служат Польскому королю, а Польский король нам неприятель».

Грамота 2.7.1629 г. заключает в себе угрозу уже более сильную: наложение опалы, церковное прещение (отлучение от церкви) и прекращение посылки жалованья, все за то же их независимое поведение.

* * *

Раздраженный невозможностью легко подчинить себе Дон, царь посылает в 1630 г. на Дон посла Карамышева, человека, видимо, с самодурным характером.

В своей отписке Московскому царю по поводу его обезглавления, Казаки пишут, что Карамышев «хотел (нас) казнию смертною казнить, вешать и в воду сажать и кнутьями достальных бить... а сверх того, Иван Карамышев учал с Крымскими и Ногайскими людьми ссылатся, чтоб нас всех побить и до конца погубить и разорить, и искоренить, и городки наши без остатку пожечь, чтоб наше донских атаманов и казаков на Дону и по Запольшю, везде имя казачье не именовалось».

Такие слова на Круге, верховном органе Донской республики, несомненно были восприняты присутствующими как *lèse majesté* (оскорбление величества) и за такое оскорбление московский посол поплатился своей головой.

В том же 1630 г. в Москве были два донских атамана — Богдан Канинский и Тимофей Яковлев (Лебяжья Шея): их там уговорили присягнуть Московскому царю, но Войско Донское, стоя на страже своей независимости, не признало этой присяги. В своей отписке Казаки прямо заявили: «а крестного, государи, целования мы челобитчикам своим не писали, то они... учинили не *помня старины*, своими молодыми разумы, без нашего войскового совету и без приказу».

Опять таки в том же 1630 г., настаивая на прекращении нападений на Турцию и на Крым, Московский царь предложил Донским казакам под командой турецких пашей Муртузы и Абазы «итти на государева недруга на Польского короля землю».

Такое предложение Казаками было отклонено по мотивам, превосходно изложенным в их отписке (письме), где звучит по адресу Московского царя и укор, и тонкая ирония, и наставление:

«Мы от Божией милости не отступники, а тебе, государь, не изменники и не лакомцы, служим тебе, государь, с травы да с воды... и во всем себя в твою царскую милость отдаваем и истинную православную крестьянскую веру... *помним* и *крепко* держим..., а николи, государь, во крестьянстве (между христианами) кроворазлития ка впредь всего, и так и ныне *не хотим* и *не желаем*, и сами... мимо своей крестьянской веры и мимо твоего российского государства в бусурманскую землю турецким пашам на помощь, на

Литовскую землю итти не хотим...; ни при которых бывших царех, мы, донские атаманы и казаки, Мурат-султанам не служивали и через турскую землю не хаживали»¹.

После того, как Донские Казаки намеренно пропустили Таттар на Московскую землю, в мае 1632 г., от Московского царя приехал на Дон дворянин Дашков и привез с собою текст присяги, выработанный самим патриархом Филаретом (отцом Михаила Романова).

Московский царь предъявил требование, чтобы Донские казаки служили ему за «крестным целованием», другими словами, чтоб в военном отношении они были ему подчинены. Этой присягой прямо затрагивалась независимость Дона.

На такое домогательство Москвы Дон ответил отпиской 26-5-1632 г., полной достоинства, ясности мысли, силы и решительности тона. И самый слог отписки удивительно свеж, резко отличается от душного и тяжелого слога московских грамот.

«Мы, холопы ваши прирожденные, служим ваши государския всякия полевые службы и ваших государевых послов и посланников и воевод, по вашему указу, встречаем и примаем и проважаем — не за крестным целованием, и при твоём царском величестве тебе, государю царю, и отцу твоему... Патриарху... многие твои государевы службы полевые против всякого государского недруга за вас, государей, служим без крестного целования неизменно. Ни к Турскому, ни к Крымскому, ни к Литовскому, ни к иному которому царю и королю служить не ходим окроме вас, великих государей, всегда, везде за вас(...) против всякого вашего государского недруга и не за крестным целованием за ваше государское имя стоим и помираем... И крестного, государи, целованья на Дону, как *зачался* Дон казачьими головами, *не повелось*».

Перечисляя далее многие свои службы прежним государям, помощь под Казанью, завоевание Сибири Ермаком Тимофеевичем, службу под Орешком (Шлиссельбург), под Рюгядью (Нарва), под Ивангородом, Выборгом, береговую (оберегательную) службу в Серпухове и другие, и все это, как указывают Казаки, — не за крестным целованием. «Донецких казаков, говорится в отписке, и тех бывшие государи ко кресту приводить нигде не указывали. А с нами, холопы ваши, того крестного целования не обновится, чево на Дону искони век не была».

Когда в том же 1632 г. по Дону прошел слух, что Москва пришлет на Дон свои войска, чтобы «всех нас з Дону збити». и по Дону государевы городки поставить, то Казаки говорили: «а Дону нам так, *без крови, не покидывать*»².

¹ Сухоруков. 183-184.

² ДД. I, 340.

Г Л А В А II.

Со взятием Азова сознание независимого государственного бытия у Донских казаков еще более окрепло, ибо гороз Азов они «взяли своими головами, а не по царскому повелению»¹, и оно особенно ярко выразилось у них в их страстном стремлении удержать Азов за собою во что бы то ни стало, так как территория владений Войска расширялась, и Азов давал ему беспрепятственный выход к морю. Казаки открыли свободный доступ в Азов всем народам, а вокруг города были установлены конные разъезды (служба безопасности того времени).

В грамоте от Войска (3-6-1638 г.) к верховым городкам говорится: «Ведаете вы и сами, как вы приходили изо всех рек казачева присуду Азова достигать, и *милостию Божию* и великого во пророцех Ивана Предтечи Азов город вам, атаманам и молодцам, всему Великому Войску Донскому *Бог поручил*»².

Здесь Донскими казаками высказывается и даже подчеркивается тот взгляд, что взятие Азова совершилось «*Божиею милостию*» и владение Азовом им «*Бог поручил*». Слова же «и государским счастьем», сказанные в отписке, надо отнести к простой стилистике того времени, убо Азов Казаки брали исключительно для себя.

Когда от Крымского хана прибыл на Дон посол с мурзами просить, чтобы Казаки отдали Хану Азов обратно, на это они им ответили: «Не токмо что город дать вашему царю, и мы не дадим з городской стены и одного камня снять вашему царю, нешто будут наши головы также волятца станут полны рвы около города, как топеря ваши бусурманские головы ныне воляются, тогда ваш город Азов будет»³.

В одном из воеводских донесений Москве по поводу оставления Казаками Азова говорится, что «Казаки приговорили, что им всем против них (Турок и Крымцев) стояти и в Азове сидеть, хотя всем помереть, а Азова не покинуть»⁴.

Даже после того, как Московский царь отказался принять

1 ДД. I, 348.

2 ДД. I, 810.

3 Там же, 780.

4 ДД. II, 348; 1642.

Азов, Донские Казаки тем не менее намерены были удерживать его за собой. Это видно из предупреждения в наказе Мих. Зацепскому, ехавшему от царя на Дон:

«...И то они, Наум Васильев и Обакум Софонов с товарищи, будучи на Москве, говорили (что Казаки покинут Азов) по воле для того, чтоб их с Москвы вскоре отпустили, а ныне им Азова Турским и Крымским людям никак не поступаться»¹.

После того, как Казаки уже оставили Азов, Московский царь прислал им «похвальную» грамоту: «... и вы по нашему государскому указу повеление наше совершили, город Азов покинули и вышли из него при нем Михайле... и мы, великий государь, вас, атаманов и казаков, и все Донское Войско жалуюм, похваляем».

Это не соответствует действительности: до приезда М. Зацепского Донское Войско уже начало вывозиться, как об этом доносил один из Московских воевод: «И они-де, атаманы и казаки, и до него, Михайла (Зацепского), учили возиться на Махин остров»²; следовательно, Донские Казаки как взяли Азов своими головами, так и вышли из него своею же волею, а вовсе не по царскому велению.

* * *

В 1646 г. на Дон прибыл со вспомогательным отрядом Ждан Кондырев и, вопреки традиции, не пошел сам на Круг, а пригласил атаманов и казаков, чтобы они шли к нему в стан; опять та же цель — заставить Дон символически выразить свою подчиненность Москве.

Но Казаки, опираясь на сознание своей независимости, отвергли и на этот раз такое предложение и послали, в свою очередь, к нему двух есаулов, которые сказали Кондыреву: «А Войску Донскому к вам на стан не хаживать, и наперед сего не бывало, что атаманам и казакам и всему Войску Донскому к вам на стан хаживать».

Преириательства между послом и Кругом продолжалось несколько дней.

Посол Кондырев тогда сослался на данный ему указ, чтобы Казаки не упрямылись; 30 мая от Круга была послана делегация — есаул и два казака, которые на укор Кондырева Казакам в их упорном отказе идти к нему на стан, возразила: «И вы упрямитесь и *затеваеете* собою, и государевым делом не радеете, и в Круг нейдете, и тем Войско *бесчестите*. А у нас того в Войску николи *не повелось*, чтобы ходить Войску к вам на стан... А у нас, как *зачалось* Донское Войско такого образца не бывало, чтоб Донскому Войску на стан ходить или иные какие *статьи переменять*. И о том у нас в Кругу приговор, как *истари* было, так и *ныне* будет».

«И велели вам от Войска говорить, будет вы к нам в Круг не пойдете, и впредь к вам о том от Войска пересылки никакия не

будет, и государевы казны и запасов не примем»¹.

Эти последние слова грозили уже тем, что теперь называется «разрывом дипломатических сношений».

Ж. Кондырев избежал явки на Круг путем уловки²: пригласил Казаков на молебен к часовне и, пользуясь их присутствием, там сказал им то, что должен был говорить на Кругу.

Москва упорно продолжала свое давление.

В том же 1646 г. на Дону был другой посол Московского царя Лазарев, который также не пошел на Круг, уже прямо ссылаясь на то, что туда идти ему «не пригоже» и также пригласил Казаков к себе на стан; но Казаки, как доносил посол, «учинились непослушны против государева повеления, к нему в шатер милостивых слов слушать не пошли, государева жалования тут у него не приняли».

Надо сказать, что с Лазаревым случился инцидент: у него сбежало семь «людипшек».

Находясь в земле «казацкого присуду», в земле, где действует казачья юрисдикция, Лазареву, естественно, следовало бы обратиться к Кругу, а он послал непосредственно от себя иноземцев, бывших в его свите, разыскивать беглецов; такое вмешательство Московского посла во внутреннюю жизнь Дона вызвало резкую реакцию Круга: иноземцы немедленно были арестованы и приведены на Круг, где им, по донесению посла, «за то в Кругу многие были позорные лаи».

Но дело одними иностранцами не ограничилось, дошло и до самого посла: «А меня, холопа твоего, сверх разоренья моего», доносил посол, «хотели убить в Кругу до смерти без вины моей, что Ив. Карамышева: прислали по меня в тот день из Кругу есаулов звать к себе в Круг, чтобы я пришел в Круг к ним *сам* говорить об людех своих. И я, боясь твоего государева страху и за своею болезнью, к ним в Круг не пошел и есаулом их в том отказал, что в Круг нейдю о разореньи своем и о людех. Будет они не сыщут, буди милости просить у тебя, а не у них».

Ответ посла есаулами был передан Кругу.

«...И они тово ж часу в Круге закричали все, что за те слова мои любо меня убить; а и саблю войсковую, чем было меня казнить, выдали, а по меня прислали ис Круга (двух посланцев)..., а с ними многих Казаков и велели меня за ноги приволочь до Кругу... И после молебна, как назад пошел, в воротех есаулы их и казаки Василий Зевака с товарищи, взял меня к себе в Круг неволею, а сказал, что за мною твое, государево, великое государ-

¹ ДД. II. 754; 794.

² Эту уловку Сватиков называет «компромиссом»: компромисс есть добровольное соглашение двух сторон по спорному вопросу.

ственное дело и *войсковое*. И привели меня в Круг, что пленнова»¹.

Из этого факта требования явки самого посла на Круг и решимость в крайнем случае даже «приволочь его за ноги», нельзя видеть того, чтобы Донские казаки были равнодушны к своему суверенитету.

Крепкое сознание своей независимости от Москвы особенно сильно и ярко обнаружилось в одном трагическом случае, о котором сообщает Броневский.

В Царьграде при допросе Казаки, не боясь смерти, объявили, что они ходят войной сами собою, а царского повеления на то нет. Столь откровенное признание стоило им жизни, ибо все взятые в плен были преданы лютой казни².

А Казаки свободно и легко могли бы избежать и пыток и казни, свалив все на принуждение их Москвою к этим войнам и против Турции, и против Крыма.

В одной старинной казачьей песне также выражается сознание Донскими казаками своей независимости от Москвы:

Но и горд наш Дон, Тихий Дон, наш батюшка:
Бусурманину он не кланялся,
У Москвы, как жить, не спрашивался...

Да и сам застольный тост казачий — «Здравствуй царь в *Кременной Москве*, а мы, Казаки (разумеется — «будем здравствовать») на *Тихом Дону*»³, ясно указывает на то, что Казаки признавали себя независимыми от Москвы.

И московские люди, наравне с чужеземцами, на Войсковой Круг Казаками не допускались.

Это желание быть самим по себе, отдельными от Москвитян, сказывалось даже у служилых Ермаковских Казаков.

Так, однажды в Сибирь был назначен головой над Тобольскими Казаками «старой сотни» боярский сын Богд. Аршинский; это вызвало возмущение «старой сотни», и Казаки подали Московскому царю челобитную, что служат они в Сибири от Ермакова звать лет по 40 и по 50 с *атаманами*, а не с головами, и чтоб государь пожаловал их «за прежние службы и за кровь, велел ведать их по прежнему Гавриле Ильину (атаману), а не Богдану Аршинскому

¹ Против Лазарева Круг был настроен еще и потому, что он сообщал в Москву клеветнические сведения о Донских казаках, за что станце их в Москве было «большое утеснение».

² Броневский, I, 109.

³ В этой фразе, обычно, ошибочно делают логическое ударение на слове «здравствуй», благодаря чему смысл фразы несколько затемняется, тогда как логическое ударение надо делать на словах «в Кременной Москве» и «на Тихом Дону», слова, подчеркивающие отдельность одного от другого.

(голове) и чтоб им «государевы службы не отбыть и врозь не разбрестись».

* * *

Донские и Яицкие Казаки грозили неоднократно найти себе «другую реку», «другую воду», «новое море».

В юрту Крымских татар были захвачены лошади, овцы и другая животина и при этом было взято еще 15 человек Татар. В этом налете крымский хан Мурат Гирей обвинил Донских казаков и прислал к ним своего ближнего человека-агу с своей протестующей грамотой. На эту грамоту хана Мурат Гирея Донское Войско ответило своей грамотой, в которой ясно проводится сознание Донскими казаками отдельности Донского Войска от Москвы.

Как по своему содержанию, тону, стилю, некоторой характеристике тогдашнего международного быта и той бесподобной проны, которой она заканчивается, ее стоит привести целиком. Грамота адресуется в «Крымский юрт, Бахчи Сарай, салтанова величеству хану Мурат Гирею Донские атаманы и казаки Фрол Мияев и все Войско Донское».

«В нынешнем во 191 (1683) году прислал ты к нам лист свой с ближним своим человеком, с агою, а в листе твоём написано: будто мы, Войско Донское, послали от себя Казаков *своих* и Калмык *наших* под твой ханский юрт, животины и овец взять велели и после того будто мы же из Войска по присылке с тремя ста лошадыми с пятнадцать человек взять велели ж, и о том ты к нам пишешь несведомо. Не от нас, от Войска, и не наши люди к тебе под твой юрт приходили, а приходили к вам за Перекоп и в иные места и взяли скот, и овцы и с тремя сты лошадыми людей от Аюки и из улуса Солом-Серени дикие Калмыки Шатыр Кошка. И мы к тебе, хан Мурат Гирей, писали, что из Азова Сюин-бей азовских людей со многими прибывшими ногайскими людьми под *их*, государские, украинные города войною и под *наши казачьи* городки за миром посылает и многих *государских* людей под городами и по Дону под *нашими* юрты берут. А есть ли ты, хан Мурат Гирей, азовского Сюина-бея не уймешь и впредь он, Сюин-бей, под *их*, государские, города и под наши казачьи юрты азовских людей посылать будет, а и мы молчать не будем же.

И пишешь ты к нам, хан Мурат Гирей: есть ли взятое твое за Перекопом и в иных местах не пришлем, и ты хочешь к нам посылать запунников своих друг за другом беспрестанно и бить велить на тридцать два городка и упокою нам не хош дать ни весною, ни летом, ни осенью, а сам ты, хан Мурат Гирей, хочешь под наши городки итти многим собранием по льду, зимним путем, войною. И наши городки некорыстны — оплетены плетнями, а обвешены тернами, а надобно их доставать твердо головами, а стад у нас конских и животинных мало: даром вам в далекий путь забиваться». (Лист. № 72, 114; 1682).

Все эти вышеприведенные столкновения, препирательства, все эти «затевают», «бесчестите», «непригоже», «статьи переменять», «приволочь за ноги», «обезглавление» происходили в течение более полувека; сущность их ясно обнаруживает, не вызывая никаких сомнений, что Донские казаки отчетливо сознавали свою государственную независимость от Москвы и всякими ее домогательствам подчинить их себе оказывали упорное сопротивление вплоть до 1671 года, когда изменническими действиями войскового атамана Корнила Яковлева, по прозванию Черкес (а не Черкашенин), Дон, ослабленный сначала взятием Азова, потом сидением в нем, затем особенно ослабленный неудавшейся вооруженной интервенцией во внутреннюю московскую жизнь Степана Разина, Дон вынужден был принести против воли своей присягу Московскому царю.

Это сознание Донскими казаками своей независимости от Москвы сохранилось на протяжении веков; оно было сначала придумано вынужденной присягой Москве после поражения Степана Разина, потом неслыханной жесточайшей расправой Петра I, после защиты Булавиным независимости Дона и, наконец, медленным, но неуклонным уничтожением последующими Русскими правительствами казачьих свобод.

Но этот психо-политический момент — сознание Казаками своей независимости от Москвы, — несмотря на все эти меры, не был окончательно искоренен, он существовал в скрытом виде, залег в глубине подсознания казачьего народа и обнаружился в событиях, свидетелями и участниками которых является нынешнее казачье поколение.

Г Л А В А Ш.

Сознавала ли и признавала ли сама Москва, что Дон от нее был независимым?

И на этот вопрос надо ответить также утвердительно: Москва не чувствовала, не ощущала своего права на распоряжение Донскими казаками по своему усмотрению, как распоряжалась она своими войсками, она могла только учитывать эту силу, входя с Донскими Казаками в соглашение, в союз.

В своей грамоте от 1570 г., посланной Московским царем Иваном 4-м на «Донец Северной», он обращается к «атаманам казачьим и казакам всем без отмены» и просит их оказывать содействие его воеводе — «и тем есте нам послужили, а мы вас за вашу службу жаловати хотим».

Здесь две договаривающиеся стороны: одна — Московский царь, просящий о содействии, другая — Донецкие казаки, согласившиеся оказать ему помощь. Приказа, повеления нет, нет и подчинения.

В его же грамоте от 1571 г. уже «на Дон, Донским атаманом и казаком» говорится: «а как послужите нам... и вас пожалуем своим жалованием».

В 1584 г. грамота «От царя и великого князя Фёдора Ивановича всея Русии, на Дон, Донским атаманом и казаком, старым и новым, которые ныне на Дону и которые зимуют близко Азова»¹ тоже с просьбой об услуге.

Грамота от 1594 г. обращена «на Дон, Донским атаманом Миките Болдырю, да Степану Ершову, да Ивану Носу и всем атаманом и казаком, которые *ныне* на низу блиско Азова».

Того же числа была послана другая, отдельная, грамота «на Дон, Донским атаманом и казаком *верховым*», в которой говорится: «и вы б вместе с *низовыми* атаманы и казаки...»

Во всех этих грамотах Донским казакам предлагаются разные «службы» и обещается вознаграждение за них: «и мы за вашу службу жаловать хотим», «а мы впредь за вашу службу пожалуем своим царским жалованием».

Опять: предложение службы и вознаграждение (оплаты) за

¹ СГГД, II, 86.

нее и согласие другой стороны, — повеления, приказа нет, а, следовательно, нет и подчинения.

В 1600 г. Борис Годунов, правитель, желая сломить независимость Донских казаков, закрыл для Дона границы Московского царства.

Это распоряжение Годунова о закрытии границ¹ Московского царства и о преследовании Донских казаков «во всех городех» да еще с присущей Москве жестокостью ясно указывает на то, что и в глазах самой Москвы Дон был независимым от нее, ибо мера эта, закрытие границ, могла быть определена только по отношению к чужой стране, а не к части своей земли.

Странно было бы видеть, если бы Московский царь запретил бы жителям, напр., города Коломны или Серпухова, въезжать в другие города или места своего же государства.

В свои провинции Москва просто посылала своих воевод, не испрашивая на то согласия ее жителей. Однако, тот же Годунов, при всей своей агрессивности в отношении Дона, не мог послать туда своего воеводу, он только пытался было навязать Казакам в головы боярского сына Петра Хрущева, но на эту попытку получил решительный отпор: «служивали своими головами»... А когда Годунов прислал его на Дон во второй раз, уже при появлении лже-Дмитрия, то Хрущов был просто закован в кандалы и выдан Дмитрию.

Со Жд. Кондыревым, находившимся на Дону с приведенным им отрядом вольных охочих людей, был некто Петр Красников. Про этого Петра Красникова Московский царь пишет Кондыреву: «и вы б Петру Красникову сказали: будет он похочет остатца на Дону, и он бы на Дону остался и с атаманы и с казаки нам послужил бы. И атаманам и казакам о нем, Петре, сказали, будет он им на Дону надобен и они б ему на Дону с собой побыть велели».

Если Красников начнет проситься обратно, то «отпустить или атаманы и казаки его на Дону не похотят», то тоже отпустить. Красников был отпущен².

Из этого маленького, но характерного случая видно, что Московский царь не мог даже одного человека прислать на Дон без согласия казаков (3.000-й отряд приведен был и отдан в распоряжение самого Войска).

Если бы Московский царь считал Дон за часть своего государства, то он просто приказал бы Казакам совершить то или иное действие или, наоборот, заставил бы их удержаться от того или ино-

¹ Сватиков совершенно неправильно называет это **блокадой**: закрытие границ есть мера пассивная, производящаяся изнутри государства, тогда как блокада есть мера активная и производящаяся извне, не допускать ввоза в блокируемое государство.

¹ ДД, III, 905.

го поступка, напр., не нападать на город Азов. Но, входя с Казаками в постоянные переговоры, он тем самым считал Дон независимым от себя и призывал его, хотя бы де факто за государство и, следовательно, с волей Дона считался.

Постоянные походы Донских Казаков на море причиняли Москве неприятности в ее отношениях с Турцией и Крымом. По этому поводу Московский царь писал на Дон, но грамоты его оставались безрезультатными. Тогда он посылает туда специальное посольство с просьбой к Донским казакам, чтобы они не ходили на море.

Уговоры этих нарочитых послов ни к чему не привели.

В своей новой грамоте к ним в 1629 г. царь пишет: «а после послов наших посылали еся к вам с нашею грамотою Блохина, а после Афанасия Блохина боярских детей Венезина да Маслова с нашими грамотами, а после послали атамана Федора Родионова»¹.

Это пятикратное посольство Москвы на Дон ясно показывает, что Москва признавала независимость от нее Дона, и все это Донскими казаками было поставлено «ни во что», ибо Дон действовал в своих интересах и по своему усмотрению.

В расспросах Михаила Татарина в Москве в 1638 г. ему был поставлен вопрос — не нуждается ли Донское Войско в помощи воеводой и ратными людьми? На что он ответил, что об этом ему «бити челом не наказано».

Если бы Москва не признавала, что Дон от нее независим, то такого вопроса она и ставить бы не могла, а сама сделала бы то, что считала необходимым и нужным сделать.

Когда Ждан Кондырев привел на Дон вольных охочих людей, то все они по списку были отданы в распоряжение Дона, а не назначенному для этого Москвой воеводе.

Даже в 1675 г., уже после принесения присяги, когда Московский царь сделал Донским Казакам предложение построить на их территории крепости, на Казачьем Ереке и на Каланчинской протоке, то Казаки в этом ему иронически отказали: «Ради-де мы за великого государя и так помереть, без городков»².

Эти акты и факты непреложно свидетельствуют, что Москва давала себе ясный отчет о независимости от нея Дона.

Вмешательства Москвы во внутренние дела Дона до Петра I никогда не замечалось, давление же на их внешние сношения постоянно обнаруживалось, но от этого давления суверенитет Дона не уменьшался.

Такие давления на слабые государства, особенно своих соседей, со стороны более крупных, к тому же если одни были экономически сильны, а другие слабы, бывали во все времена и у всех

¹ ДД. I. 309.

² Сватиков. 117.

народов; примеров этому не мало дает нам и современная действительность: Англия, Германия, СССР с одной стороны, а с другой — Прибалтийские страны, и все Балканские, Арабские, и др. Хотя это давление и даже вмешательство во внутренние дела малых государств временами и заставляет их вести иную, чем бы они сами хотели, внешнюю, а часто и внутреннюю политику, однако от этого временного вмешательства юридическая независимость малого государства еще не исчезает: повеет иной ветер, и картина изменится.

Москва давила на Дон, но Дон умел и противоборствовать ей.

Перевод Москвою своих сношений с Доном в свой Посольский приказ не обозначает ничего другого, как признание уже *de jure* Дона за независимое государство: «а ведомы в том приказе (Посольском), говорит Котошихин, дела всех *окрестных государств*, и послов *чужеземских* принимают».

Когда сношения Москвы с Доном были переведены в Посольский приказ и по каким мотивам — мы этого точно не знаем. У Сватикова просто сказано, что в сентябре 1614 г., но без указания мотивов и источника откуда он почерпнул это. У Броневского же говорится, что перевод состоялся в 1623 г., тоже без указания мотивов, но со ссылкой на «Указатель законов», предисл. стр. XVI. Но ни тот, ни другой автор не выписали самого закона, а он имеет чрезвычайно важное значение в истории отношений между Доном и Москвой, ибо Москва что-нибудь да думала же, переводя свои отношения с Доном в Посольский приказ.

В Полном Собрании Законов его нет, так как законы там помещены только с 1649 г.

Есть грамота Московского царя на Дон от 18 марта 1614 г., и в ней он пишет: «...и которых вы *учнете* к нам с отписками посылать, и вы б тем велели являться и отписки подавать в Посольском приказе дяком нашим, думному Петру Третьякову да Саве Романчукову».

Слово «*учнете*» (начнете) показывает, что до этого времени Дон никаких отписок новому царю в Москву не посылал, и это указание его на подачу отписок в Посольский приказ и есть факт признания Дона за независимое государство со стороны нового царя Московского царства.

Однако, сношения Москвы с Доном через Посольский приказ начались не с этого нового царя, они были и раньше.

В 1606 г. июля в тринадцатый день был послан на Дон с жалованием Семен Молванинов, а раньше его был отпущен на Дон Донской Атаман Треня Котов. «А с чем тот Донской Атаман з Дону приезжал, и что ему дано государева жалования на приезде и на отъезде, и того в Посольском приказе не сыскано» (ДД I, 23-24).

Первые сношения с Доном начал Московский царь непосредственно, когда еще не было Посольского приказа и дела значились

у него самого, как он это делал и с другими государствами, а когда был учрежден Посольский приказ, то дела с иностранными государствами были переведены туда, там же ведались наравне с ними и дела с Донскими Казаками с самого начала его основания, поэтому о «переводе» дел с Донскими казаками в Посольский приказ говорить, собственно, не приходится, сношения чрез него были значала.

Первоначально между новым Московским царем и Донскими казаками были какие-то трения, но в чем они точно состояли, сказать трудно; о них можно судить по несколько различному тону двух грамот к Донским казакам от одной и той же даты, 18 марта 1614 г.

Обращают на себя внимание слова Дон. Атамана Игната Бедрищева в его челобитной Московскому царю: «... да меня же, холопа твоего, Игнашку, послали ото всего Войска к тебе, государю, в Москве с отниками; что мы, холопи твои, служим и прямым тебе, государю, по *твоему*, государеву, крестному целованию вправду».

Как понять эту фразу — «по твоему, *государеву*, крестному целованию»? По какому это «государеву крестному целованию» Донские казаки «служили и прямили ему»?

Донской атаман Игнат Бедрищев в своей челобитной несомненно намекал новому Московскому царю на какое-то крестное целование, на какую-то его присягу, данную им, ибо писать непосредственно самому царю о несуществующем его крестном целовании атаман Бедрищев не мог.

В вышеприведенной фразе темным местом представляется слово «по твоему»: «по твоему, государеву, крестному целованию», как его понимать: сам ли государь дал в чем-то Донским казакам крестное целование, или он сам представил Казакам крестоцеловальную запись, по которой они сами ему в чем-то обязались или же, наконец, это крестное целование было взаимным, обоюдным?

Первый и естественный смысл слов «по твоему» прямо указывает на то, что это Московский царь дал Донским казакам в чем-то присягу; если бы Донские казаки ее дали бы ему, то атаман Бедрищев так бы и написал — «по *нашему* крестному целованию», но тогда бы и Московскому царю и отцу его, патриарху Филарету, не было бы никакой нужды требовать от них крестного целования, однажды уже данного, и об этой их присяге царь и патриарх хорошо помнили бы, ведь это было 18-19 лет тому назад.

И сами Донские казаки в своей отписке от 26-5-1632 г. тоже не стали бы перечислять всех своих служб, начиная с похода под Казань в 1552 г. и кончая береговой службой при Годунове и сопровождать все эти перечисления словами — «не за крестным целованием», значит свободно, не по обязательству; так же незачем им было бы напоминать в той же отписке царю и патриарху и о том,

что «крестного, государя, целования на Дону, как зачался Дон казачьими головами, не повелось».

Эпоха Смутного времени в Московском государстве великорусскими историками изучалась под углом точки зрения, что преодолели они ее сами, одни Московитяны (Дворянское ополчение), а «Казакки если и не сочинили Смуту XVII ст., то значительно ее распространяли», как подчеркивает это казакофоб И. Забелин (Мин. и Пожар., 192).

Однако, есть, пока еще туманные, сведения о каком-то тайном предварительном соглашении Казаков с группой Московитинов во главе с рязанским епископом о возведении на Московский трон династии Романовых.

Подтверждением этому соглашению может служить то «писание», которое атаман Межаков положил на стол перед князем Пожарским, покрыв писание своею саблей.

Писание это было родословной записью Михаила Романова, «природного царя».

Могли ли сами Донские казаки составить эту родословную? Вне всякого сомнения нет. Для ее составления необходимо быть сведущим в делах подобного рода, располагать нужными материалами, следовательно, этот факт косвенно указывает на какой-то контакт Донских казаков с группой Московитинов.

И вот, в благодарность за это выдвижение и решительную поддержку своей кандидатуры, новый Московский царь и дал Донским Казакам в чем-то свое клятвенное обещание.

Все эти факты — Посольский приказ, титул «Великое», знамя — произошли одновременно, спустя год после возведения Казаками династии Романовых, и это наводит на мысль об исполнении ранее данных каких-то обещаний Казакам, подтвержденных потом крестным целованием нового царя, но документально доказать этого пока еще невозможно.

В Посольском приказе, т. е. в Московском Министерстве Иностранных Дел, было два отдела: в первом ведались дела чисто дипломатические — сношения с иностранными державами, прием послов и т. д., во втором же отделе ведались дела крупных областей московского царства, которые в прежнее время сами были самостоятельными государствами; так был приказ Великорусский, в нем ведались дела бывшего Московского царства, прозванного *Великой Россией* (Котошихин, 104), был «Малороссийский» приказ — дела Украины, Смоленский — *Белая Россия*, Новгородский — Господин Великий Новгород, Казанский — дела Казанского и Астраханского царств и т. д.

Однако, Дон ведался в его первом отделе, т. е. чисто дипломатическом, где ведались дела **окрестных государств**, следовательно, Дон признавался Москвою за «окрестное государство», а не за

часть своей московской территории, ибо тогда сношения велись бы через приказ Великорусский.

В грамоте от 18-3-1614 г. (в черновике) прямо говорится: «а то всего нашего государства и ото окрестных государств, честь и хвалу в том навеки получите». Правда, эти слова в черновике зачеркнуты, но они во всяком случае свидетельствуют о взгляде Москвы на Дон, как на отдельный и независимый от нее государственный организм.

И Григорий Котошихин, бывший подьячим Посольского приказа, прямо свидетельствует об этом: «а как они (Донские казаки) к Москве приезжают, и им честь бывает такова, как чужеземским нарочитым людям»¹.

Сознание и признание Москвою независимости от нее Дона видно и из следующих фактов.

От появлявшихся на Дону людей из Московии Казаки всегда требовали документов.

Вот интересная по этому вопросу выдержка из отписки Воронежского воеводы. Были посланы московские люди на Дон для «пробывания вестей», т. е. лазутчики.

«Сказал он, Степан, мне (что), по твоему государеву указу, как посылал ево кн. Сав. Козловский на Дон, а отписки к атаманам и казакам наказные памяти ему, Степану, не дал. И как де, государь, ехал он, Степан, рекою Доном верхними казачьими городками, и Донские де, государь, атаманы и казаки у него, Степана, спрашивали для какого дела послан и дана-ль к ним отписка и ему, Степану, наказная память. И ему де, государь, Степану, сказать было нечего, потому что отписки и наказныя памяти ему не дано было. И зато де, государь, называли его лазутчиком и хотели ево *убить*, а ныне де, государь, им без отписки или без наказных памяти от Донских казаков проехать не мочно: поставят им то в лазутчество и задержанья себе от них чаять большева»².

С другой стороны, когда атаман Старой со станицей в 11 человек приехал к заставе Московского государства, то их тоже не хотели пропустить.

«И мы, государь, им (атаману Старому со станицей) всем подвод дати не смели, потому что они нам войсковою отписки честь не дали и едут неведомо с какими вестьми и неведомо *куда*(?). А к нам, холопом твоим, от Войска з Дону с ними письма никаково нет»³.

Московский царь велел «отпустить их к Москве, подводы и корм дать; а отпустить после того, как послов Крымских отпустят, и того беречь, чтобы их послы Крымские *не видели* и про них *не*

¹Котомш. 111.

² ДД. I. 689; 1638.

³ ДД. I. 231; 1625.

ведом. А на Ливну встречу их послать дворянина Степана Хрущова, а велети их спросить с чем едут, с каким делом, а спрося, ехать с ними с Ливен в сторону на Переяславль Рязанский да на Коломну, а приехав на Коломну, отписать государю»¹.

Это был обычный «протокол встречи» иностранных посольств, различавшийся в этикете только важностью самих послов.

* * *

В 1641 г. Волуйский воевода получил из Москвы наказ, чтобы он отправил на Дон станичников, чтоб «они проведали *тайно*, что у них (Донских казаков) делается... и сколько человек их».

Ждану Кондареву, в бытность его на Дону в 1646 г., также было поручено «разведать *тайно* сколь велики те места и каковы крепости поделаны».

Свои места и свои крепости Москва знала отлично, тайно же разведывают только про чужие, иноземные, места и крепости, а крепости на Дону были; так, напр., Свиный уверяет, что на Дону «некоторые городки имели каменные замки и самые старинные круглые башни»².

Донские казаки со своей стороны предъявили требование к Москве, чтобы турецкие послы не ездили к Москве Доном, чтобы их не пропускать³, потому что Турецкие послы де Доном ходят и их казачих городков крепей высматривают⁴.

Даже в 1683 г. уже после принятия присяги «в Кругу имали слычанина (вероятно жителя города Ельца) Евсея Бехтеева и спрашивали — что он за дворянин, есть ли у него великого государя указ». В своих объяснениях Бехтеев запутался, «в речах разошелся», и его приняли за шпиона и хотели было посадить в воду.

За товары, вывозившиеся на Дон, Москва взимала вывозные пошлины, а некоторые товары были даже запрещены к вывозу туда, «заповедные», т. е. запрещенные — порох, свинец, селитра и др.; такое взимание вывозных пошлин делается только в отношении другого государства.

Но на этот предмет существовала «контрабанда». Так, Захарий Ляпунов, брат известного Прокопия Ляпунова, посылал на Дон всякие «заповедные» товары, — вино, зелье, серу, селитру, свинец, панцыри и железные шапки (каска). Когда Москва про это узнала (в 1603 г.), то Захария Ляпунова, по московскому обык-

¹ Там же, 232; 1625.

² Дружинин. Раскол на Дону, 6-7.

³ Донские казаки не столько провожали, сколько пропускивали через свою территорию Московских и Турецких послов. Царь однажды писал Донским казакам: «и посла нашего (иногда Турецкого) отпустили». след. могли задержать и задерживали: «...и Турска посла Степану (моск. послу) не отдали, неведо и задерживали: «...и Турска посла Степану (моск. послу) не отдали, неведомо для чего». (ДД. I. 567). Спустя пять лет после обезглавления Кантакузена был обезглавлен другой Турецкий посол () Мугамед Келеби. (Бронев., 146).

⁴ ДД. I, 342.

новению, высекали кнутом¹.

Такие противоположения как «на Дону и на Руси», «у вас и у нас», «между вами и нами», «и *вам* к *нам* николи не быти»² также укызывают на признание Москвою отдельности от нее Дона.

«Выходили к *нам* на Дон из Ногаю и из Азова Казаки наши и Русские люди», пишут *Донские казаки Москве*³.

«А на *наши* (Московского царя) земли не напали бы», увещевает Московский царь Донских казаков.

Грозя своею большою ратью, построением города на Раздорех и изгнанием с Дона, Борис Годунов пишет на Дон: «... и *вам* от *нас* и от Турского султана где избыти?»⁴.

Здесь Москва прямо противопоставляет Дон как Турции, что есть вне всякого сомнения, так и самой себе.

После разиновской интервенции во внутренние Московские дела один ярый соратник Разина, противник Москвы, бежал в Азов. По этому поводу Московский царь прибегает к посредничеству Дона: «... и вы б послали к Сулейман-паше в Азов говорить, чтобы он, желая меж *нами* (Московским царем и турецким султаном) наипаче видеть брацкую дружбу, а с *вами*, атаманы и казаки, в соседственной дружбе быть, того вора и изменника, Ларку Хренова, отдал»⁵.

И опять таки после принужденной присяги, когда Москва, казалось бы, уже могла считать Дон своим, как случилось то после присяги Украины, это различие между «вами» и «нами» попрежнему приводится: «...тогда и *нашим*, великого государя, сей стороны Днепра жителям, так же и украинным городом також разорение учинят и к *вам*, атаманы и казаки, на кровопролитие и на разоренье путь отворен будет».

Откуда могли зародиться эти противоположения, как не из ясного сознания самой Москвою об отдельном и независимом от нее существовании Дона?

Кроме того, Москва, считаясь с независимостью от нее Дона, признавала казачье «войсковое право», просила «учинить наказание по своему суду, как у *вас* на Дону повелось»⁶, «пущим заводчикам учинить *указ*⁷ по войсковому праву»⁸, не говоря уже о том, что Донские казаки за свои преступления, совершенные на самой московской территории, судились по своим казачьим зако-

¹ Русс. биографический словарь — Прокопий Ляпунов.

² СГГД. II, 125.

³ ДД. V, 710; 1660.

⁴ СГГД. II, 126 (№ 62).

⁵ Лш. I, 78; 1671.

⁶ ДД. I, 251-2.

⁷ Указ ость акт верховной власти.

⁸ Сухоруков, 272.

нам, что только подтверждало их право экстерриториальности. «Также будучи на Москве или в полках, кто что сворует, царского наказания и казней не бывает, а чинят они между собою сами»¹.

Сама Москва неоднократно отрекалась перед другими державами от Донских казаков.

«Российский двор, пишет А. Попов, чрез своих послов (в Константинополе) засвидетельствовал, что он в сей войне Порты с Войском Донским (осада Турками Азова), яко Российскому государю *неподвластными*, никакого участия не имеет, ибо оно даже царского посла Михайлу Зайкова, отправленного для унятия его от войны с нею, со всеми бывшими при нем людьми, истребило»²; очевидно за попытку вмешательства Москвы во внутренние Донские дела.

С нападениями Донских казаков на Крым и на Турцию Москва всегда лицемерила: то она отрекается от них, заявляя иностранной державе, что они ей неподвластны, то пишет ей, чтоб «хоть бы вы их и всех перебили, нам стоять за них не за что»³, то отрекается от посылки им знамени («знамени государь к ним никогда не посылал, это кто-то сказал, чтобы нас поссорить»), то она трусливо прячется от Татар — «а впредь на Волуйку приезжать не велеть, а на Воронеж, их на Волуйках видят Крымские послы, и за то в Крыме нашим посланникам бывает многая теснота»⁴, то на успех этих нападений на Крым она призывает «помощь Божию».

Но с другой стороны, как согласовать все эти слова с другими словами повидимости им противоположные: «холопи твои», «укажи где нам жить», «Дон-реку тебе очистим», «отчину твою Дон-реку», «везде, всегда за ваше царское имя стоим и помираем», и целый ряд других подобных им заявлений.

О словах «холопи твои», как об этикете, принятом при Московском дворе, уже говорилось, и этими словами совсем не выражается мнение самых Донских казаков об их происхождении, как не выражалось мнение князей и бояр московских, когда они подписывались теми же словами «холоп твой». Если же Казаки и предлагали Московскому царю «очистить Дон со всеми Запольными реками», то они также собирались «без крови Дону не покидывать». Смысл и значение всех таких письменных и словесных заявлений надо рассматривать сообразно с теми обстоятельствами, при каких они делались.

¹ Котош., 111.

² Попов А., 83.

³ Дружинин. 42.

⁴ ДД, I, 264; 1625.

Г Л А В А IV.

В обсуждении вопроса о независимости от Москвы Дона нельзя выходить только из одних слов, из отписок, из грамот, посылавшихся как Москвой, так и Доном, но надо опираться главным образом на *действия* Донских казаков, на реальность, ибо словесность не всегда отражает подлинные мысли и чувства, и в переписке между Доном и Москвой не все надо принимать за чистую монету, тут была и «политика» с обеих сторон; часто писалось для того, чтобы освободиться от того или другого неприятного обстоятельства.

Так, например, после обезглавления московского посла Карамышева Дон ожидал репрессий со стороны Москвы; чтобы предупредить их, он намекнул ей о возможности очищения Донскими казаками реки Дона со всеми Запольными реками «Крымским и Ногайским людям до *самых* московских городов». В этом предложении явно виден маневр их запугать Москву открытием границ Крымцам и Ногаям; и цель была достигнута: «репрессия» Москвы за обезглавление ее посла ограничилась только казнью нескольких ни в чем неповинных Донских казаков, бывших в то время в Москве.

* * *

При вывозе Донскими казаками из Московских пределов товаров, пограничные воеводы брали с них большие взятки, благодаря чему на Дону стал чувствоваться недостаток товаров. Донские казаки пишут Московскому царю: « а нам, государь, живучи в твоей государеве вотчине на реке на Дону в Войску, в Черкасском городе, от их воевод больших поминков и бездельной корысти голодную смертью не помереть, и твоей бы государевой вотчины не отбыть и розно не разбрытисья»¹.

Это сразу подействовало на Москву, ибо угрозой «розно разбрытисья» Москва боялась быть поставленной лицом к лицу и с Крымом, и с Турцией, и с Ногаями. Вследствие такой лишь одной угрозы Москва быстро («не мешкав») приняла все необходимые меры. Если бы Дон был зависимым от Москвы, то никаких вывозных пошлин не существовало бы, и Казаки не смели бы грозить Москве «розно разбрытисья».

¹ ДД. V, 24.

Сношения с Донскими казаками через Посольский приказ, посылка к ним посольств, обезглавление ими самих послов, независимая, иностранная политика, намеренный пропуск ими в московские пределы Татар, стремление к свободному выходу в море, отказ в помощи Москве, категорический отказ их от присяги, вот та реальность, которая подтверждает независимость их действий и, вследствие этого, просто их независимость. И это сознание независимости Дона от Москвы коренилось у Казаков до последнего времени и подтвердилось в 1918 г. объявлением Донского Войскового Круга, избранного всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, при том без всякой предварительной пропаганды, без всяких фокусов с избирательными округами, или партийными списками, подтвердилось провозглашением независимости Дона, и первая статья его конституции выражена так: «Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправства».

* * *

Что у Москвы было всегдашнее стремление подчинить себе Дон, и тем самым поставить службу Донских казаков в обязанность, в долг, а не в свободное соглашение с ним, в союз, это было несомненно, но это стремление к подчинению его является в то же время и подтверждением факта его независимости от Москвы, иначе ей не для чего было бы и добиваться этого подчинения; что она не считала Дон равным себе по рангу, то это тоже несомненно, но это непризнание равенства ранга вовсе не значит, что Дон не был независимым: Турецкий султан так же ведь не считал Московского царя себе равным и от этого его непризнания Московское царство еще не приходило в «ничто». Что Москве необходимо было иметь Донские силы на своей стороне, это тоже факт несомненный, но ей для этого надо было всякий раз с Доном договариваться. Если бояре «шумели» на легкие станицы и «сердито выговаривали» им, то и от этого независимость Дона еще не пропадала, ибо и сама Москва тоже подвергалась со стороны Крымского хана, а так же и со стороны Турецкого султана «большим вычетам» и «утеснениям».

«...И им (московским послам) в Крыме от царя и от калги были многие выговоры и неволя, и бесчестие, и утеснение было великое»¹.

«...И за то (разорение Донскими казаками вновь построенного города Кирасова) им (московским послам) в Крыме от царя, и от калги, и от нурадина и от ближних людей был шум великой и вычеты были большие и отпустить их из Крыма не хотели»¹.

¹ ДД. I, 247, 249.

² Там-же, 311.

Одним из способов морального давления на Дон было нежелание Московского царя, чтобы посол его являлся на Круг, так как это было бы «государеву имяни не к чести». Первый такой случай был с Нащокиным в 1593 г., когда он избежал этой явки путем уловки. Такой именно способ нельзя признать, чтобы он был «государеву имяни к чести».

После Смутного времени явка московского посла на Круг становится уже регулярной. Но в 1646 г. и в последующие годы явка московского посла на Круг опять стала «государеву имяни не к чести». После присоединения Украины Московский царь, видимо, особенно возгордился. Своему послу на Дон в 1656 г. он дает уже строгий наказ «к Казакам в Круг не ходить».

«...И Савостьяну (Протасьеву) приказать к атаманом и к казаком(...) что прислал его государь(...) и они б, атаманы и казаки, шли к нему на стан и речь у него выслушали. А будет атаманы и казаки к нему в стан не пойдут и прикажут к нему, чтоб он шел к ним в Круг *попрежнему* обычаю, как прежние государевы посланники, которые с государевым жалованием¹ присыланы, к ним в Круг хаживали, и Савостьяну говорить, чтоб они, атаманы и казаки, шли к нему на стан и речи у него, что с ним наказано им говорити, выслушали, а ему, Савостьяну, з государевым жалованием к ним в Круг итти не пригоже, то будет государеву имяни не к чести. И стоять на том крепко и к Казакам в Круг не ходить». Если же Казаки не пойдут «и откажут впрямь, а учнут к нему приказывать, чтоб шел к ним в Круг, а отговорить будет у них того никакими мерами не мочно», то пригласить их на молебен и там сказать.

До каких пор продолжалась эта неявка московского посла на Круг — неизвестно, но только московский посол стольник Арсеньев в 1683 году получает иной наказ: «да как ему, Михаилу, атаманы и казаки двор, где стоять, отведут и в Круг соберутся и ему, *пришед в Круг*, говорить: «Атаманы и казаки. Иван Семенов и все Войско Донское! Великие государи цари и великие князья Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея Великие и Малые и Белые Росии самодержцы, велели вас, атаманов и казаков и все Войско Донское спросить о здравьи»(...) и говорити атаманом и казаком не по один день прилежно и радетельно, великих государей указом и своими ласковыми разговоры...»².

И в ноябре того же года московскому послу также было наказано — «пришед в Круг, говорить».

¹ Московский царь допустил некоторую «неточность»: послы его хаживали на Круг не с одним только жалованием; Зайков, Карамышев, Влохин и много других хаживали с другими делами, напр., по делам внешней политики Донских казаков.

² Лпш., I, 114, 116.

Г Л А В А V.

Иностранные державы также признавали Дон независимым от Москвы.

Персидский шах посылает Донским казакам подарки, — впрочем по пути разграбленные горскими Черкасами; он присылает Донским казакам в Азов посольство в 40 человек, предлагая им свою помощь, т. е. союз против Турецкого султана, с которым Персидский шах был в войне, помощь не только материальную, но и вооруженными силами — 10-20 тысяч человек и более, сколько потребуется¹. Если бы Персы считали Дон зависимым от Москвы, то посольство их было бы направлено прямо в Москву, ибо Персы несомненно рассуждали, куда его им отправить.

Казаки отклонили это предложение, естественно опасаясь захвата Персами города Азова в свою власть.

О возвращении города Азова Крымский хан шлет своих послов не к Москве, а непосредственно на Дон, следовательно, и Крымский хан считал его независимым от Москвы. Представители Турецкого султана в Азове, имевшие право внешних сношений, также считали его независимым: с ними Дон мирился и «розмирялся», совершенно не считаясь с Москвой.

Тут вспоминается случай, когда Асман-паша (Кафинский) собирался итти против Астрахани, Керчи, и Черкасов, а не на Азов из боязни, чтобы Казаки, но не Москва, не объявили ему своего похода.

«Приходил к Благову астраханский стрелец и сказывал, Асман-паша ныне стоит в Костамане, а собирается с людьми, а собрався итти ему однолично под Астрахань, не на Азов, на Керчь да на Черкасы, а на Азов нейти для (из-за) Казаков, чтоб ему не объявили своего походу»², т. е. войны.

С Польским королем, даже после присяги Москве, Дон вступил в военный союз против Крымского хана, напав на его владения с целью воспрепятствовать хану в его войне с королем.

В грамоте царей Ивана и Петра Донскому Атаману Фролу Ми-

¹ ДД. II. 24.

² Караш.. X. пр. 113.

няеву об этом подробно говорится: «И что прислан к вам королевский лист о походном деле и вам де ныне итти неколи, весенняя и летняя пора прошла, и о том вы к Польскому королю писали ж».

«А ведая у него, короля, войну с неприятели (вы) войском с Азовцы размирились и ходили конницею в походы и мужиков брали, также и судами на море ходили тысячи с четыре и воинский промысл чинили, и суды брали, и на улусы били, и деревни разоряли и всякую помешку на войне с Польским королем чинили. Да и ныне судами на Азовское море для поиска над неприятелем и для *помешки* его ж королевским неприятельским людем и воинскому их промыслу для *остановки* идете ж».

«И потому оказалось явно ваше к нам, великим государям, нерадение и непостоянство и нашим государским указом *противность*; что вы того Енисейкова сына и товарища Грицка и Польского короля листов, каковы он к вам писал, к нам, великим государям, не прислали, а задержали их у себя в Войску неведомо для чего»¹.

Конечно, дипломатические сношения Москвы с Доном были проще, чем с другими державами, так как Дон был республикой и во главе ее стояло избираемое лицо, что мало вязалось с тогдашними представлениями о правовом государстве, так как все окружающие Дон государства были по существу деспотиями и тираниями, возглавляемые единоличной властью наследственных монархов, князей (великих), царей, ханов, султанов, королей.

¹ Ляш., I, 132; 1685.

П Р О Т Е К Т О Р А Т.

Находился ли Дон под протекторатом Москвы, как это утверждают некоторые историки?

И в данном случае вопрос все той же терминологии. Понятие протектората заключается в том, что когда какое нибудь государство, будучи не в состоянии само защищаться от внешних врагов, просит другое, более сильно государство, обычно соседа, защищать его. Если это последнее соглашается, то оно ставит условием, чтобы слабое государство отказалось от своего права внешних сношений, передав их покровителю, и в случае нападения на покровительствуемое государство оно должно помогать покровителю своими войсками.

Это и есть существенные элементы понятия протектората. Все другие условия в этом договоре будут только дополнительными, аксессуарными: они могут быть, но могут и не быть, и от этого понятия протектората не меняется.

Спрашивается, когда же Дон просил, чтобы Москва защищала его от внешних врагов, напр., от Крыма, Ногай, Турции? Когда Дон отказывался в пользу Москвы от своего права самому сноситься с соседними народами? Когда именно и в какой форме он отдавался под ее «покровительство»?

Вся история отношений между Доном и Москвой подтверждает, что никогда Дон не просил Москву защищать его от внешних врагов, а что наоборот, Москва всегда просила у Дона помощи для защиты ее от соседних народов.

«А ныне Казыева улуса, Ногайские люди», жалуется Московский царь в своей грамоте Донским Казакам от 22-10-1625 г., «на наши крайины приходят, воюют мало не ежелеть, а от вас к нам *помочи* нет некоторые». «Одинова есьмя к вам посылали, чтоб вы прислали к нам тысячу человек в *помощь* в то время, как есьмя вели войну с Польским королем(...). И вы в те поры нам *помочи* некоторые не учинили»¹.

«...И в то время (когда Турки и Крымцы пойдут войною) им своим войскам государевым украинным городом от войны пособити не мочно». «И они (Крымцы), пришед на наше государство за Озов-

¹ ДД, I, 250.

ское взятие, многое зло учинили, а от вас над ними промыслу никого не было»¹.

Этот последний случай особенно наглядно показывает, что Дон, имея свои интересы в Азове, московские интересы оставил в стороне².

Все грамоты Московских царей на Дон наполнены именно этими просьбами о защите Донскими казаками Москвы против соседей ее и эти просьбы повторяются иногда по нескольку раз в одной и той же грамоте.

Своего права на внешние сношения Дон не только никогда (разумея период до 1671 г., — года вынужденной присяги) — не передавал Москве, но всегда ревниво охранял его и очень часто вел такую внешнюю политику, которая шла вразрез с московитскими рекомендациями и интересами.

Ни из каких исторических, ни фактических данных нельзя заключить того, чтобы Дон был под протекторатом Москвы. Но если же слово «протекторат» толковать так сказать бы в «расширительном» смысле, то происходило как будто обратное, что сама Москва находилась под протекторатом Дона, даже после обезглавления ее послов, она просила Дон о защите ее.

В течение своей истории Дон только один раз действительно искал покровительства (протектората), но обратился он за этим протекторатом ни к кому иному, как к Турецкому султану, против единоговерного Дону Московского царя; это было во время Булавинской эпопеи.

В недавно вышедшем историческом романе Дм. Петрова (Бирюка) «Кондрат Булавин» приведена выдержка из письма К. Булавина к Кубанскому атаману Казаков-раскольников Савелию Пафомовичу, находившемуся под властью Турецкого султана (копия этого письма хранится в Государственном Архиве в делах Кабинета Петра I).

«А есть ли царь наш», пишет Булавин Савелию Пафомовичу, «не станет жаловать, как жаловал отцов наших, дедов и прадедов, или станет нам на реке какие *утеснения* чинить, и мы Войском от него отложимся и будем милости просить у Вышнего Творца нашего Владыки, а так же и у Турского царя, чтоб турский царь нас от себя не отринул».

И далее: «А буде у вас, Савелей Пафомович, из нашей стороны какие люди московские или украинские, из Азова или из Троицкого

¹ Там-же, с. 677.

² Москва упрекнула Донских казаков в неоказании ими помощи ей. свалив вину на них за набег на московские города Крымцев, которые будто-бы сделали это за Азовское взятие, на что Донские казаки очень резонно заметили Москве: «а тово он. Крымский царь, к тебе, великому государю, не пишет, что он и до Озовского взятия в Русь хаживал и твои государевы украинные города воевал». (Дд. I. 654; 1638).

или откуда нибудь русские люди при вас будут, и вам-бы пожаловать, про се письмо отнюдь им не явить и не сказывать, только ведать милость ваша про себя с Хасаном Пашею да с Сартланом мурзою и с иными многими мурзами. А по совету, Савелей Пафомович, с пашею и мурзами будет милость вашей и сие письмо угодно будет и вы извольте, будя мощно, списав с сего письма список, и списав оставя у себя в Ачюеве, а подлинное наше сие письмо послитя своему Салтану в Царьград.

По сем писании Войсковой Атаман Кондратей Афонасьев и все Войско Донское у тебя Турского салтана милости прося и челом бьют. А нашему государю в мирном состоянии отнюдь не верь, потому что он многие земли и за мирным состоянием разорил и ныне разоряет» (Дм. Петров (Бирюк), с. 432-3; М., 1951).

В А С С А Л И Т Е Т.

Некоторые историки склонны считать, что Дон был вассалом Москвы.

Классическое понятие вассалитета, как известно, заключается в том, что крупный землевладелец, феодал, дает определенному лицу, становящемуся его вассалом, какое-то количество своих земель (*lehn* в Германии, *fief* во Франции) и вводит его во владение им (инвеститура), обязывая вассала присягою верности и в уважении к своему сюзерену. Во Франции и Германии институт вассалитета был развит; там были выработаны формы его и моральные и материальные права и обязанности как сюзерена, так и вассала. Во Франции, напр., вассалы были двух разрядов: одни вассалы давали *l'hommage lige*, другие вассалы — *l'hommage simple*.

Первые являлись к сюзерену без шпаги и без ремня или материи, на которой висела шпага, а так же и без шпор. Представляясь в таком виде к сюзерену, вассал становился перед ним на колени, протягивал к нему, сидящему в кресле, руки, сложенные вместе ладонями, сюзерен таким же образом обнимает его руки, и вассал дает клятву верности.

Второй род вассалитета был проще: вассал являлся к сюзерену при шпаге и со шпорами и на колени не становился; секретарь сюзерен давал вассалу какой-нибудь предмет — или кусок земли, или перчатку, или пику, смотря по обычаю в данной местности; это являлось инвеститурой, введением во владение.

Взаимные обязательства сюзерена и вассала были разнообразны, в частности обязанность сюзерена *защищать* своего вассала.

И у Москвы были вассалы. Вел. кн. Димитрий Иванович передает кн. Трубчевскому Переяслав «со всеми пошлинами»¹. Абдыл Летиф приезжает из Крыма на службу к Ивану 3-му и получает Звенигород «со всеми пошлинами»². Абдыл Летиф, царь Казанский, дал шортную (присяжную) грамоту вел. кн. Василию 3-му по пожаловании ему во владение города Юрьева и в ней говорится о его *обязанности* в отношении к государю и поданным³. В Новом ле-

¹ Русс. лет., VIII, 34.

² Русс. лет., IV, 240; 1491.

³ СГГД, II, 138; 1508.

тописце есть такая запись: «по постановлению царства пожаловал царевича Казачия Орды Бурмаметя, посадил его на царство Касимовское и даде ему город Касимов с волостьми и со всеми доходы»¹.

Все это были вассалы Московских великих князей и царей.

Будучи единоличным собственником всех земель, входящих в его государство, Московский великий государь раздавал их боярам, дворянам, боярским детям, Казакам, жившим в пределах Московии, обязывая их, чтобы они являлись на войну «конны, людны и оружны». Это тоже по существу вассалы. Но когда и какие земли Московский государь давал, «жаловал» Донским казакам, и когда они приносили ему присягу (до 1671 г.) в верности и уважении к нему, как своему сюзерену?

«Пожалование» Иваном 4-м реки Дона, если оно только было, не имеет никакого ни фактического, ни юридического значения, так как он «жаловал» тем, что ему самому не принадлежало и что находилось уже во владении самих Казаков. О какой верности и о каком уважении Донских Казаков к своему «сюзерену», Московскому государю² могла быть речь, когда «вассалы» своих «сюзеренов» ставят «ни во что», когда от них, вместо уважения «опричь грубости никакой службы нет», когда они «повеления нашего («сюзерена») николи не слушают» и от присяги ему отказываются.

Донской Атаман *избирался* самим Донским Войском, и это избрание для своей действительности не нуждалось ни в чем утверждении, поэтому он не имел никакой нужды становиться перед кем бы то ни было на колени, как это делал некоторое время перед Крымским ханом посол Московского великого князя. Москва никогда и никаких земель Дону не давала, наоборот, она у него отнимала. Так, напр., земли по реке Цне, находившиеся во владении Казаков и где был их древнейший монастырь (1573 г.), при Алексее Михайловиче находятся уже населенными дворцовыми крестьянами, крестьянами бояр и других знатных лиц. Казаки со своих земель были оттеснены на юг. Попытки Москвы привести Дон к присяге, что является только одним из признаков вассалитета, кончались, как уже говорилось, ничем, и только в 1671 г., после неудавшейся интервенции Степана Разина во внутренние московские дела, Дон присягнул Москве, да и то не добровольно, как сделала то Украина, а принужденно: Дон был обессилен, на границе его стоял отряд московских войск, всякий момент готовый двинуться на Дон; на него и опирался Войсковый Атаман Корнил Яковлев, родом Черкес, по предательскому соглашению с Москвой. Корнил Яковлев был подкуплен Москвою: за выдачу Степана Разина он получил от Московского царя сверх обычного жалования деньгами, сукнами, камкой и тафтой, ему «пожаловали» еще 40

¹ Нов. лет. с. 52. § 68.

² Сват., 72.

соболей в 30 рублей (немалая по тогдашнему времени ценность) и серебряный позолоченный ковш в пол-два гривенка, а при отпуске на Дон — еще пару соболей в 10 рублей и сто золотых червонных из доходов Новгородского приказа. Получал Яковлев тайные подарки от Москвы и потом: «да Корнилу Яковлеву сверх той дачи тайно пару ж соболей в 15 рублей»¹.

— «Продали Дон за соболя», говорили тогда Казаки.

* * *

Как рассматривать получение Донской республикой от Московского царя денежного жалования, хлеба, материй и военных припасов и как это отражается на их государственно-правовых отношениях? Можно ли в этом видеть зависимость Дона от Москвы?

Присылки эти рассматривались обеими сторонами как жалование, как оплата Московским царем услуг, которые оказывали ему Донские Казаки. Никакой регулярности в получениях не было, да и платилось то оно «смотря по службе и радению». Донская республика сплошь и рядом жаловалась именно на эту нерегулярность и, следовательно, на неопределенность этих получек, на постоянное задерживание их Москвою, даже было закрытие для них московских границ. В 1625 г. Московский царь, указывая на свои присылки Донским казакам жалования, между прочим пишет, что прежде, до него, «коли было Московское государство и невоевано и всем было полно, и тогда им такого государского жалованья не бывало»².

В 1647 г. вольные люди, жаловальные, маложаловальные и нежаловальные, оставшиеся после Ждана Кондырева в числе 22 сотен³, запросили себе жалования; им было отказано в этом с пояснением, что «наперед сего старые атоманы и казаки на Дону жили без жалования и кормилися собой»⁴.

Подводить эти присылки под лен или фьеф или поместья, как это делает С. Г. Сватиков, было бы грубой и ничем неоправдываемой натяжкой. Казаки, жившие в пределах Московского государства, за свои государевы службы получали поместья и крестьян, но они от этой службы и отказывались, сдавая поместья обратно. Так как услуги Дона Москве были постоянны и выгодны обеим сторонам, то создается поверхностное, обманчивое впечатление, что Дон был «вассалом» Москвы и что якобы «служба Донских Казаков носила вассальный характер военной поддержки сюзерена»⁵.

¹ ДД. I. 241.

² Про этих вольных людей Московский царь в марте 1646 г. пишет на Дон: «а которые вольные люди со Жданом Кондыревым с товарищи придут к вам на Дон, и вы б тем людям велели быть у себе на Дону в нижних городках, а на Русь и в верхние города не отпущали». (Лич., I. 44). В 1648 г. в феврале про них сообщается: «а которые-де были вольные люди, и те-де, не хотя с ними служить, многие разошлись». (ДД. III, 790).

³ ДД, III, 734.

⁴ Сват., 66.

⁵ Дружинин, 53, пр. 48.

Но вассал, настоящий вассал, кроме военной поддержки своему сюзерену, обязан был помогать ему и материально, когда, напр., сюзерен выдавал замуж свою первую дочь, или когда старший сын его приходил в возраст и вступал в службу, то вассал помогал сюзерену в его снаряжении, сюзерен же в свою очередь, обязан был защищать своего вассала.

«Хоть бы вы их и всех перебили, а нам стоять за них не за что», так писал Крымскому хану Московский «сюзерен» про своего «вассала», Донских казаков.

Т И Т У Л.

В тревожных грамотах на Дон — одна от Московского царя, другая от Священного Собора за одной и той же датой — обращение было такое: «На Дон, в нижние и верхние юрты, атаманом и казаком Смаге Степанову да Епихе Родилову и всем атаманом и казаком Донским, низовым и верховым, и всему *Великому Войску*». В грамоте от 10-3-1623 тот же титул — «и всему Великому Войску», в грамоте 1627 г. — «все Великое Войско Донское»¹ в грамоте 30-4-1643 — *всевеликому*².

По поводу слов «все *великое* Войско Донское» С. Г. Сватиков пишет, что «некоторые историки думают, что это был *титул*, данный царями за отличия», сам же он считает, что «на самом деле Собор³ писал *всему* Войску, *всей* Донской колонии, а не отдельной части ее: верховым или низовым Казакам». «Все великое Войско», продолжает С. Г. Сватиков, «означало в XVII веке все Донское Войско, находящаяся в *сборе*»⁴.

Под «титолом» разумеют достоинство человека, — герцог, князь, граф и т. д., владение же его называется герцогством, княжеством, графством. Эпитет «великий», поставленный при названии государственной организации, связывается всегда с обозначением самостоятельности, независимости ее. Так, было просто герцогство, но было и великое герцогство, было просто княжество, но было и великое княжество. Был Господин Великий Новгород и т. д. Москва и ряд других соседних с ней княжеств Рязанское, Тверское, также имели титул «великих» и поэтому считались друг от друга независимыми; таких «великих», т. е. независимых, одно время насчитывалось до пятнадцати.

Или же слово «великий», в приложении его к одному лицу, является выражением внутреннего достоинства, высоты его мыслей, важности и значения совершенных им дел, и когда лицо это резко выделяется чем-либо среди других подобных ему лиц. Мещеряк, ближайший сотрудник Ермака, в летописи назван «Великим Атаманом». Англичанин С. Фильде выпустил книгу на

¹ Бронев. I. 110.

² Там-же. 148.

³ Не только Собор, но и сам царь.

⁴ Сват. 60 по***.

английском языке под названием «Великий Казак» (Степан Разин). Фридрих I, Людовик XIV, Петр I имеют при своем имени обозначение «великий». Московский царь и великий князь, в отличие от других «государей» на Москве, назывался «великим государем».

Слово «великий» прилагается не только к организациям и лицам, но и к обыкновенным неодушевленным предметам, когда они сильно, величественно выделяются из однородных им предметов: великие леса, великие горы, великие реки.

Есть ли слово «великий» в его приложении к «Войску Донскому» титул его или это есть только простое обозначение войска в *сборе*, как утверждает то С. Г. Сватиков?

Если бы слово «великое» обозначало только «все Донское Войско, находящееся в сборе», то и во всех других грамотах так же писалось бы с титулом «великое»; однако, в дальнейших грамотах этот титул начинает постепенно исчезать, хотя грамоты писались по прежнему «всей Донской колонии», как выражается Сватиков, а не отдельной части ее «верховым или низовым: так, напр., грамоты от 22-10-1625, от 3-7-1633 г. были посланы тому же всему войску в сборе, и на тот же Дон, в те же нижние и верхние юрты вместе и тому же «всему Донскому Войску», но уже без титула «великий», от которого Москва, видимо, начала уже отрезаться, так как особенно острая нужда в поддержке Донскими казаками Московского государства внутри его самого и поддержке династии Романовых уже миновала.

И если бы под словом «великое» разумеать только «все Войско Донское в сборе и нижние и верхние юрты», то для этого решительно не было никакой надобности употреблять слово «великий», ибо словом «все» уже выражается понятие и «в сборе», и «нижние и верхние юрты». Сами же Донские казаки, «все войско в сборе», т. е. войско в прямом смысле слова, как боевой единицы, они обозначали словами «**большое войско**».

При расспросе Михаила Татарина в Москве он сказал: «а как де Турского посла убили, и он, Михайло, с Донскими казаками и со всем большим войском в те поры стоял под Азовом»¹. Но «Войско», как государственную организацию, сами Казаки обозначали как «великое», в своих внутренних сношениях.

«От Донских Казаков, отаманов и молотцов от Тимофея Яковлева и ото всево великого Войска Донского во все верхние городки отоманом и молотцом челобитье»².

Приведенные на Дон Жд. Кондыревым вольные охочие люди также называют Войско «великим»: «И пришли мы, холопи твои, с Воронежа и из иных твоих государевых розных городов на твою

¹ Дд. I, 706.

² Там-же, 809.

государеву службу в Великое Войско на Дон, к атаманам и к казакам со Ждан Кондыревым» (ДД III, 579; 1646), но сам Кондырев в своем донесении в Москву Войско Донское не называет «великим». «И приехав с теми вольными людьми с Воронежа на Дон в Нижней казачей Черкасской городок, Донским атаманом и казаком и всему Донскому Войску по списку их отдали».

Обозначение в грамотах всего Донского Войска «великим» обуславливалось сознанием как у самого Московского царя, впрочем не столько у царя, тогда еще юноши, сколько у самих фактических правителей государства, так и у Освященного Собора, сознанием того, что спасение Московского государства и всей земли и поставление там царя в 1613 г. совершено было собственно только Казаками, главным образом Донскими; сознание это было тогда еще живо, оно всеми ясно чувствовалось и нелицемерно признавалось. И все русские люди сами тогда видели и сознавали всю важность, все значение дела Казаков — «и Божиею милостию, а казачьей службой опять зыскалось государство и государь учинился»¹, говорится в помете на грамоте 18.3.1614.

Это великое значение для Московского государства казачье-го дела засвидетельствовано еще и в таких патетических восторженных словах: «А от всемогущего Бога, Творца и Содетеля нашего и от Пречистые Его Богоматери, крепкие наши надежи и заступницы, и(от) великих чудотворцев, просиявших в нашем Российском царьствини, здесь и в будущий век милость, а о(то) всего нашего государства и от окрестных государств, честь и хвалу в том на веки получите»².

Эти слова, в черновике, впрочем, зачеркнутые, показывают действительно великое значение для Москвы казачьего дела, совершенного ими в Смутную эпоху и выведших Москву на «путь спасения», а себе... на погибель.

Руководители Дворянского ополчения сами признали, что «без Казаков нам ничего не сделать», ибо «настоящие, лучшие русские люди» к этому времени уже разъехались с поля брани по домам (дезертировали).

Слово «великое» есть подлинный и признанный Москвою титул Войска Донского: оно есть выражение признательности и уважения как со стороны самого Московского царя, так и со стороны Освященного Собора и всей Земли, ибо измученные и истощенные как тиранией предшествующих царей (Ивана 4-го, Бориса Годунова), так и многолетней междуусобицей, а также и вторжением внешнего врага, население почувствовало всю благодать вооруженной казачьей интервенции.

И с другой стороны, почему слово «великое» в отношении Дон-

¹ Там-же, 69.

² ДД, I, 79.

ского и других казачьих Войск Москва стала прилагать только *после* Смутного времени, до этого-же времени она его не употребляла?

Из *надписи* на грамоте от Донских казаков в 1614 г. к Волжским, Терским и Яицким казакам, гласившей — «Великия Росийския Державы и Московские области оберегателям» — это только в единственной грамоте, из этой простой надписи Соловьев С. уже торопится, а за ним и Сватиков поспешает вывести заключение, что казачество «*сознавало* свое значение *оберегателей* России», другими словами, что они не считали себя независимыми от Москвы, а были ее «оберегателями».

Эта надпись была сделана *на* грамоте, как бы в адресе, но не в самом титуле, что имеет весьма существенное значение. Грамота была написана в 1614 г., когда на Москве не были еще уверены в прочности сложившегося порядка, что решающая роль в установлении этого порядка принадлежала исключительно им, Казакам, и сами Казаки тоже ясно сознавали это спасение, сбережение ими «Великия Росийския Державы и Московския области», почему писавший адрес со вполне основательной гордостью и употребил это выражение *оберегателей*, т. е. Войск, которые в тот момент спасли *оберегли* от гибели эту державу.

* * *

Титул «всевеликое», приданный Донскому Войску атаманом П. Н. Красновым в 1918 г., надо считать несомненно удачным ни в грамматическом, ни в политическом отношении. Такой ясный и точный титул, как «великое», титул принятый в государственных отношениях и указывающий на независимость, им оставлен без внимания.

Что значит «всевеликое»? Соединение в одно слово «все» и «великое» с грамматической и логической точки зрения недопустимо. Если существуют такие сочетания как «всемогущий», который все может, «всевидящий», — который все видит, «всеведающий», — который все ведает, все знает, то здесь «все» сочетается с причастием глагола и оно имеет смысл. Понятно это сочетание и в словах «всероссийский», «всеукраинский», «всеказачий». Но если «все» соединить просто с именем прилагательным «всебелый», «всекрасный», «всемалый» или прибавить «все» к титулам лиц — всевеликий Фридрих, всевеликий Петр, то такие сочетания не вяжутся ни с грамматикой, ни с логикой и даже носят несколько пролический характер. «Великое», но не «всевеликое» употреблялось и самими Казаками старого времени.

Есть описание Смирновым¹ поездки его на остров Мада, на озере Байширок, в Малой Азии, где живет часть Некрасовских казаков. Проживая там совершенно обособленно от местного населения (Турок), они во всем сохранили все особенности прежнего духа и быта Донских казаков. Вероятно по просьбе этого посети-

¹ «Живая Старина», Быт. I. 1896. с. 19.

теля они устроили заседание Круга, ритуал которого несомненно сохранился древний. Вот как он описывает это:

«Когда нужно «становить» Круг, эсаул ходит по селению, крича по всем четырем или пяти улицам: Атаманы-молодцы, идите на Круг вестей слушать, а кто не придет, на том войсковой приговор (столько то) левов!» и объявляет сумму штрафа: сто левов или 20-10, смотря по значению вопросов, подлежащих обсуждению на Круге, или нужде полного или нет сбора Казаков.

На месте сбора сидит атаман и «по боку его» старики: атаман спрашивает эсаула «можем ли мы Круг становить», а эсаул обращается к старикам: «Старички Вожи, время ли Круг становить?»

«Время, время», отвечают те.

Тогда атаман встает и держит перед собою наклонно, уперев концом в землю «насеку» (т. е. жезл) Игната Некрасова, а эсаул также держит свою меньшую насеку таким образом, что концы их стоят вместе. Разняв концы насекомых, атаман говорит: «Ну, господин эсаул, станови Круг». Тот кладет свою шапку и насеку, кланяется в землю «атаману и по все на крылы», т. е. на три стороны и, встав, говорит: «Извольте, господа атаманы-молодцы в Круг становиться». Он говорит это также на три стороны, кланяясь в пояс. А затем провозглашает: «Помолчите-ста, государи атаманы-молодцы, все великое войско Кубанское»... и излагает дело.

Тут Войско названо «великим», а не «всевеликим».

Сами Донские казаки в своих обращениях к другим Войскам также писали титул «всеу великому», но не «всевеликому».

Если в московских грамотах иногда может быть и писалось «всевеликое», то это происходило или от небрежности переписчиков, или от малограмотности, но когда это слово употреблялось в московских грамотах в родительном или дательном падеже, то никогда не писалось «всевеликого», или «всевеликому», но всегда раздельно — «всего великого», «всеу великому».

З Н А М Я.

Значение посылки Московским царем Михаилом Федоровичем знамени на Дон великорусскими историками несколько преувеличено.

«Царь прислал Дону знамя, и это было первое знамя, принятое Войском от царей Московских. Это была своего рода *инвеститура*», торжественно уверяет С. Г. Сватиков¹.

Об этом «принятии» и об этой «инвеституре» говорится в грамоте самого Московского царя от 18-3-1614 г., и дело оказывается гораздо проще и прозаичнее, чем об этом пишет С. Г. Сватиков.

«Да вы ж писали нам с атаманом Игнатом Бедрицевым», пишет Московский царь на Дон, «чтоб нам вас пожаловати прислати к вам свое царское *жалование*, знамя, с чем против ваших недругов ходити». Москва имела хорошее обыкновение передавать в своем ответе точное содержание отписок или просьб, а затем уже сообщать, что было нужно по этим просьбам и отпискам.

Ответ о присылке знамени был начерчен согласно присланной просьбе Донских казаков — «с чем против *ваших* недругов ходити»; однако эти три последних слова в черновике зачеркнуты, а вместо них написано: «наших недругов стоять и на них ходить»². Таким образом ловкостью подъячих рук слова «против *ваших* недругов» обратились в «против *наших* недругов» — разность смысла огромна.

По изготовлении, знамя было послано на Дон с дворянином Опухтиным.

Донские казаки хотели иметь у себя знамя, как внешний символ их независимости; они хотели бы с ним ходить против своих врагов; но ни соответствующих материалов, ни в особенности мастеров для строения знамени они у себя в тот момент не имели, поэтому они сами по своей инициативе и обратились к Московскому царю с просьбой о присылке им «царского жалования» — знамени, точно так же, как они просили и о присылке всякого другого рода царского «жалования»: пороху, серы, селитры, свинца и иных предметов, в которых они были «нужны»: «...а Донской Войсковой атаман Михайло Татарин с товарищи нам били челом, что-

¹ Сват.. 65.

² ДД. I, 60.

бы нам, великому, государю, вас *пожаловати*, велети вам о зелье, и о свинцу, о хлебных запасах указ учинить»¹.

В грамоте Московского царя (5-7-1645) к Донским казакам говорится тоже о «пожаловании», но о пожаловании другого рода, за которое Донскими казаками было щедро заплачено Московскому царю. В своей челобитной ему Донские казаки просили, чтоб царь *пожаловал* их, велел написать 8 икон и на это иконное письмо прислали денег 6 руб. 15 алтын 4 деньги, да 17 золотых, да 20 ефимков, да ломаного серебра и ефимков и с турецкими деньгами 5 фунтов 15 зол.²

Присылка прошеного знамени ни в каком случае не может служить даже подобием инвеституры, которая совершалась в особой обстановке и с объявлением во всеобщее сведение о вступлении вассала во владение леном.

В конце царствования того же Михаила Федоровича, в 1644 г., Донские казаки опять таки сами просили («били челом») о знамени.

Первое знамя сгорело в часовне, где оно хранилось, когда Азовцы 1643 г. напали на Монастырский городок и весь его сожгли, поэтому Донские казаки и просили того же Московского царя Михаила Федоровича о новом знамени вместо сгоревшего.

«Пожалование знамени было повторено в 1646 г. Алексеем Михайловичем», говорит Сватиков. Мотивы «пожалования» этого знамени Алексеем Михайловичем были особенно курьезны. Имевшееся знамя было очень велико: 4,5 арш. вверху, 6,25 арш. внизу и 4,25 арш. шириной; знамя тяжелое и для Казаков не всегда удобное, поэтому они просили, чтобы «государь бы их пожаловал, велел им дать знамя *полегче* того, чтоб одному человеку носить мочно. И государь(...) пожаловал, велел к ним знамя послать, а каково знамя послать и о том допросить Донских станичников»³.

Из самих надписей на знаменах вовсе не видно, чтобы они были пожалованы как *награда* за отличие, что Москва не преминула бы сделать. На первых трех знаменах было написано «Повелением великого государя царя и великого князя(...), *писано* сие знамя на Дон, Донским атаманом и казаком», следует дата. Только на четвертом, полковом, знамени, данном Федором Алексеевичем в 1679 г. уже после присяги 1671 г., надпись такова: «Сие знамя великий государь пожаловал атаману и всему Донскому Войску на победу врагов Божиих и противящихся нам», дата.

Когда все эти знамена в 1687 г. сгорели, то Донские казаки вновь просили о знаменах и им на это ответили: «...что соизволением Божиим в прошлом в 195 (1687) году государское к вам

¹ Лш., № 11. с. 23.

² Там-же, I. 40.

³ Лш., I, 146.

жалованье, знамена, как горел Черкаской, все погорели, чтобы мы, великие государи, *пожаловав* вас, атаманов и казаков и все Войско, велели вам дать знамена из нашии государские казны. И мы, великие государи, вас, атаманов и казаков и все Войско, пожаловали, указали вам дать нашего, великих государей, жалованья на строение знамен тридцать рублей»¹.

Таким образом все эти просьбы о присылке знамен не выходят из ряда обычных просьб о «пожаловании», с которыми Донские казаки обращались к Московскому царю, поэтому утверждать, чтобы факт посылки знамен мог иметь какое-либо символическое значение подчиненности Москве или зависимости от нее или как награда за «отличие», совершенно не приходится.

* * *

Из сказанного выше вытекает непосредственно, что до присяги 1671 г. Дон не был ни под протекторатом Московского царя, ни тем более не был его вассалом — Дон был независимым.

О том, что Донские казаки подписывались «холопами», уже говорилось². К пояснению этого приведем еще слова Григ. Котошихина, которые дают исчерпывающее разъяснение смысла употребления Казаками этих слов в своих отписках Московскому царю.

«Вопрос. Для чего царь Московский пишется в христианские государства полными большими титлами(...) — государем Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей(...), а в *бусурманские* государства теми титлами не пишется? Что есть тому за причина».

«Ответ. Иверское, Карталинское, Грузинское государства лежат под властью и наибольшим послушеством под Персидским шахом, а в иные государства пишется он, царь, для славы своей, ни по *чему*; а из тех государств обычай писатися к царю себя низити, а его высити и называтися холопами его, яко и в иных государствах *обычай* писати господину к господину, отдаючи себя слугою повольным: и они по тем их униженным письмам разумеют, будто и правда тому есть, что они вечные подданные, а то несть правда»³.

Москва, когда не могла брать напором, брала казуистичностью.

Пользуясь обычной на востоке формою вежливости, принятой и самой Москвою, Донские казаки в своих отношениях с ней употребляли именно этот оборот речи, а Москва, а больше всего сами Великорусы, пользуясь этим, делают предвзятый вывод о якобы подчиненном или даже больше, подданном Москве состоянии Дона. «А то несть правда».

¹ ДД, III, 92-93; 1646.

² ДД, III, 92-93; 1646.

³ Котошихин, гл. III, 31, § 17.

Надо заметить, что на 1614 год, т. е. на непосредственное время после одоления Казаками московской Смуты, падают три важных факта: а) обозначение Войска Донского «великим», в) установление своего знамени, и с) продолжение сношений с ними чрез Посольский приказ в его первом отделе.

КОЛОНИЯ И МЕТРОПОЛИЯ

Можно ли рассматривать Дон как колонию, а Московское государство, как его *метрополию*?

Под колонией, в ее классическом смысле, разумеется тот случай, когда значительная группа лиц выходит из одной страны и живет вместе в другой, ненаселенной или малонаселенной иным народом, стране, обычно удаленной от их родины. В бывш. Российской империи, напр., были немецкие колонии («колонки»). В основе же понятия «колонии» лежит элемент добровольного отрыва более или менее значительных групп населения от своей родины.

Московская колонизация вообще не представляла из себя колонизации в настоящем смысле этого слова: Москва просто *захватывала* соседние с ней земли, подчиняла, а чаще всего попросту стогняла¹ живший на ней народ, затем строила там свой город, т. е. крепость, а вокруг этой крепости под ее защитой населяла своих крестьян, а потом, с увеличением числа их, появлялись и ремесленники, посадские люди, так что отобранные и вновь заселенные места являлись простым *продолжением* пределов Московского царства, находясь под управлением его *центральной* власти.

Это не есть ни колония, ни колонизация в подлинном смысле этого слова. В таком движении не было ни подъема духа, ни риска, ни отваги, столь свойственной всякой подлинной колонизации; московские же «колонисты», когда их перевозили за казенный счет на новые места, часто попросту разбегались оттуда или даже вымирали, будучи сняты с насиженных старых мест. Вот несколько примеров московской «колонизации», приводимых проф. Платоновым, Флечером, Герберштейном.

В 1468 г. большая рать вел. кн. Ивана Васильева опустошила всю Черемисскую землю... Летописец резкими чертами рисует разорение Черемис: «много зла учиниша земле той: людей иссеко-

¹ Суздальские власти рассуждали. «...где город поставити и распространить княжение Суздальское на Низовской земле за Волгою и за Окою, где были леса векие и жила поганая Мордва», которых они отогнали, и земли их населили Русью. (Нижегор. лет., 1422, cit. Карамзин, V, пр. 322.)

Про эту Суздальскую «колонизацию» проф. Годубовский говорит, что тут происходило скорее истребление местного населения, чем борьба». (Годубовский. Унив. изв. №10, окт. 1883 г., с. 565. Киев).

ша, а иных в плен поведоша, а иных изожгоша, а кони их и всякую животину, чего нельзя с собою имати, то все иссекоша; а что было живота их, то вся изыша; и повоевали всю землю ту, досталь пожгоша»¹.

«Василий 3-й предпринял против Литовцев вторичный поход; он перебил и увез с собою три части жителей из четырех, коих после того отдал или продал Татарам, служившим ему на войне и вместо них поселил столько своих Русских, сколько могло быть достаточным для оселения оставшихся туземцев вместе с его же военным гарнизоном»².

«И отец и дед Грозного, следуя старому обычаю, при покорении Новгорода, Пскова, Рязани, Вятки и иных мест, выводили оттуда опасные руководящие слои населения во внутренние московские области, а в завоеванный край посылали поселенцев из коренных московских мест. Это был испытанный прием ассимиляции, которым московский государственный организм усваивал себе чуждые общественные элементы. В особенности крут и ясен был этот прием в Великом Новгороде и на Вятке; при самом Иване Грозном в несколько лет Казань была превращена в русский город, из которого Татары все были выведены в «татарскую слободу»³.

«...За один только раз в 1488 г.», продолжает Платонов, «привели из Новгорода более 7.000 людей на Москву. Тот же прием видим одновременно и на Вятке, когда воеводы вел. князя Вятку всю развели»⁴.

О такой же колонизации говорит и Герберштейн.

Последний из Рязанских князей Иоанн, отправился по приглашению Московского князя в Москву, где был схвачен по повелению князя и отдан на поруки. Вслед за тем князь изгнал из Рязани его мать, заключил ее в монастырь и овладел крепостью и княжеством. Для того, чтобы рязанцы не сделали какого либо восстания, он распределил значительную часть их по разным колониям: этим обессилено было все княжество»⁵.

Эти методы московской колонизации не изжиты и до настоящего времени, они остаются все те же. Так же как и тогда происходила, так и теперь произошла «колонизация» земель Казаков Дона, Кубани, Яика, Терека, земель Крымских Татар, Кавказских Ингушей и Чеченцев, Немцев Поволжья; все они были согнаны самым бесчеловечным образом со своих мест, земли сделались «пустынными» и заселили их все тою же «Русью». Оставшееся же иму-

¹ Платонов. Прошлое севера Руси, 52.

² Флечер, 61.

³ Платонов. Иван Грозный, 101.

⁴ Платонов. Иван Грозный, 101.

⁵ Герберштейн, Московские дела, 100.

щество их — дома с обстановкой, сельско-хозяйственные орудия, весь скот, хлебный запас — передано «колонистам».

В словах «колония», особенно «колонизация» чувствуется простая игра слов в устах Великорусов, чтобы прикрыть всю неприглядность их действий, так же, как и в словах «собираательной» и «объединительной» их политике.

Другой характер носили колонии Новгородские, напр., гор. Хлынов (Вятка), построенный вдаль от самого Новгорода. Поселившиеся там Новгородцы, живя самостоятельно, соблюдали заветы и законы своей страны, а они были совершенно отличны от заветов и законов московских.

«Колонизация» Великорусами казачьих земель происходила и до революции, но она облекалась в хитрую форму: Крестьянскому Поземельному Банку было предоставлено Русским Правительством так называемое «право преимущественной покупки». Оно состояло в следующем. Если на публичных торгах продавался какой-нибудь выгодный участок земли и кто-нибудь из торгующихся, дав за него наивысшую цену, оставлял продаваемый участок за собою, то присутствующий на торгах представитель Крестьянского Позем. Банка делал заявление, что за эту же цену он оставляет проданный участок за Крест. Позем. Банком. Затем Банк делил купленный участок на небольшие участки и продавал их крестьянам.

Донское Областное Правление создало свой Войсковой Земельный Совет, в задачу которого входило приобретение за счет Донского Войска своих же земель.

И когда на таких торгах представитель В. З. Совета давал наивысшую цену и оставлял участок за собою, то представитель Кр. Позем. Банка у него перебывал и таким образом исконные казачьи земли уплывали в чужие руки. Несмотря на неоднократные просьбы Войска к Русскому Правительству об отмене этого права, преимущественной покупки в отношении Донских Земель, ему в этом всегда отказывали.

Эта манера, взята Великорусами у Немцев, которые таким же способом забирали польские земли и заселяли их немецкими крестьянами.

Но если под «колонией» разуместь последующее высасывание Московю сил и средств из Донских и других Казаков, что было всегда, то в этом случае Дон действительно является типичнейшей «колонией» Москвы.

* * *

В своих обостренных великодержавных чувствах С. Г. Сватиков особенно настойчиво, даже до назойливости, временами смакуя, напирает на то, что Дон был колонией, а Москва метрополией. Его утверждение о том, что беглые холопы якобы собирались построить на Дону «государство на иных началах» — пустозвонная

фраза, не больше. Можно даже подумать, что это была настоящая конференция сбежавшихся на Дон со всех концов Руси холопов — собрались, обсудили и единогласно постановили: «учредить государство на иных началах...»

С Москвы не уходили, а больше бежали, в одиночку или небольшими группами, и притом не в неизвестную даль, а бежали, «сходили» туда, где уже ранее этого бегства было основано что-то, т. е., где было особое население, в место, про которое они уже знали или по крайней мере слышали, где можно было найти приют и безопасность. Приходя туда, беглецы-эмигранты *сливались* с местным населением, теряя при этом слиянии свои прежние навыки, воспринимая дух новой для них среды, усваивая ее быт, нравы, обычаи, ее духовное мировоззрение, а заветы и законы Дона были во всем совершенно противоположны заветам и законам Москвы.

* * *

Идея колонии (Дон) и метрополии (Москва) привела С. Г. Сватикова к необходимости отвергать независимость Дона, относя ее только до 1549 г., но существовавшую в действительности до присяги в 1671 г., а так же привела и к необходимости утверждать, что якобы «от начала и до конца Донской республики верховная национальная гегемония (Москвы) является *непререкаемой* для граждан этой колонии и других казачьих демократий. Из этого то чувства по отношению к царю, наряду с энергичной защитой Казаками их республиканского устройства и вытекает всегдашнее желание Казачества видеть во главе Руси царя народного, казачьего и крестьянского. Отсюда ряд самозванцев, поддерживаемых Казаками (с. 52). И далее: «Донские казаки всегда *помнили, знали и выражали* во всех актах, что царь является *национальным* вождем *всего* русского народа (52) и что, наконец, было «право» метрополии направлять общую политику».

Понятие гегемонии предполагает федерацию, в которой один из членов ее берет перевес над другими ее членами и накладывает на остальных свою волю: Спарта и Афины, напр., оспаривали друг у друга гегемонию над Грецией. В Германском союзе гегемония принадлежала Пруссии. В СССР, несмотря на предохранительные статьи ее конституции, фактически гегемония принадлежит Ветеранам.

Но если Дон по Сватикову был вассалом Москвы, то здесь и речи никакой не может быть о гегемонии, так как в силу своей вассальности Дон обязан был бы беспрекословно следовать за своим сюзереном. Если же Сватиков считает Дон республикой, а он его считает ею, то тогда Дон от Москвы был независимым, — и в этом случае тоже не может быть речи о гегемонии, хотя бы и «верховой национальной».

Казачество не только *желало* видеть во главе Руси царя, но оно его и поставило там (1613 г.)¹, зная то, что тогдашняя Московия без царя обойтись никак не могла. Казаки якобы «всегда помнили, знали и выражали во всех актах, что царь является национальным вождем всего русского народа», но тут спрашивается — считали ли себя тогда Донские казаки «русскими» в том смысле, как это понимается теперь?

Однажды они писали Московскому царю, что «Казаки наши и Русские люди...» Трудно допустить, чтобы Казаки считали себя «Русскими». Ригельмон писал 1750 г., что Донские казаки терпеть не могли, когда их называли «Москалями»: «Я де не Москаль, но Русской и то по закону и вере православной, а *не по природе*». И в эту же эпоху они любили говорить по-татарски». В приговорной книге Черкасской станицы есть такая запись: «1788 г. 6 дня (?) на оном сборе наказан был станицы нашей отставной казак Данила Качергин за поругание зятя своего Федора Кастрикина и за название его *русским человеком*»².

Основание Донскому Войску было положено Тюркскими народами (Сары-Азман). Кроме того, среди Донских казаков было много Черкесов, оставшихся на Дону, а так же и днепровских Черкас, которые в отношении Москвы считали себя *иноземцами*. Было немало и Калмыков.

Из каких именно актов Сватиков сделал заключение, что царь являлся *национальным* вождем всего русского народа, неизвестно. Но вот факты, из которых уж никак нельзя заключить того, чтобы Московский царь был «национальным вождем» и что было «право метрополии направлять общую политику».

Общей политики у «колонии с метрополией» никогда не было. Москва лишь пыталась вмешиваться в нее, но безрезультатно. Так, напр., московской политике крайне необходимо было, чтобы между Доном, «ее колонией», и Азовом (Турцией) были мирные отношения и чтоб Донские казаки не ходили на море. Тогда Московский царь, «национальный вождь» по терминологии Сватикова, отправляет к ним своего посла, чтобы уговорить их не делах этих морских походов. Миссия посла не удалась. После этого, как уже говорилось, он посылает со своей грамотой Афанасия Блохина. Эта миссия так же не удалась. Затем посылает один за другим боярских детей с грамотами и тоже безрезультатно. Наконец, шлет туда атamana Федора Родионова, и тоже безрезультатно, ибо все это «колонией» было поставлено «ни во что».

Вот еще яркий пример о «праве метрополии направлять общую политику».

«А как были у нас, великого государя, на Москве Донские

¹ Поляки называли его «казацким царем».

² «Казачье Дело». Март 1937. № 11.

атаманы Иван Катаржный да Тимофей Яковлев с товарищи и того вашего умышления, что вам под Азовом промышляти без нашего царского повеления и Турского посла со всеми людьми побити до смерти ничего не *сказывали*.

Когда на Дон прибыл посол Московского царя Михайла Зайков, посланный туда для «унятия» Дона от войны с Турцией (осада Азова), то это посольство царя было просто истреблено.

Из выше изложенных отношений, а также из многих других отношений между «колонией и метрополией» можно усмотреть, что Донские казаки, когда это им нужно было, вовсе не считались с «общей политикой метрополии», а вели свою собственную политику. Они отказывали Москве в помощи войсками, а своими независимыми действиями, своей иностранной политикой ссорили ее с соседними государствами, убивали ее, Москвы, людей, нападая и на ее земли, расхищая ее караваны и обезглавливали послов ее.

Из этих фактов только при некотором шовинистическом возбуждении воображения можно вывести заключение и о «тегемонии», и о «руководстве общей политикой» со стороны «метрополии».

Странно только одно, что С. Г. Сватиков, так утверждая, не придал должного значения тому, что царь, стоя «вождем всего русского народа», со своей «колонией» сносится чрез Посольский приказ, да еще чрез его первый отдел, где ведались «дела окрестных государств и чюжеземских послов принимают».

С Л У Ж Б А

Как же квалифицировать те постоянные отношения, какие фактически существовали между Доном и Москвой.

Московские войска до Петра I-го были небоеспособны, и Москва не могла сама защитить себя от таких могущественных соседей, какими были в то время Турецкий султан и Крымский хан, а этот последний к тому же считал Москву своей данницей¹, и Москва, чтобы спасти себя от них, предохранить себя от их постоянных набегов, должна была опираться на какую то другую силу, на союзника, который мог бы реально помогать ей.

Эта действительная небоеспособность Москвы подтверждается фактами и сообщениями не только одних иностранных путешественников, но и самими Русскими. Против иностранных путешественников Великорусы настроены только потому, что иностранцы сообщают о Москве много отрицательных или не очень лестных сторон, но ведь им, иностранцам, приехавшим в новую для них страну, сразу бросались в глаза все пороки и дефекты как самого государственного режима, так и его администрации и самого населения, а замалчивать об этих недостатках и пороках им не было никакой надобности.

Небоеспособность Московитян давно была известна и их соседям.

«Друзья, говорили Рязанцы между собой: «нам нужны не щиты и копья, а только одни веревки, чтобы вязать пленников, слабых, боязливых Московитян». В 1480 г., год «свержения» татарского ига, боя на реке Оке между войсками Московского вел. князя Ивана 3-го и войсками хана Золотой Орды Ахмата, не было, так как мо-

¹ По поводу постоянной вражды между Крымским ханом и Московским царем Флечер пишет, что «Татары утверждают, что кроме Астрахани и Казани (древнего владения восточных Татар) вся страна от их границ, на север и на запад до города Москвы, не выключая и самой Москвы, принадлежит им. Такое показание кажется справедливым, судя по словам самих Русских, которые рассказывают об особенном обряде, который русский царь должен был повторять каждый год в знак своего подданства Великому хану Крымскому, и который заключается в том, что Русский царь, стоя подле Ханской лошади (на которой тот сидел), должен был кормить ее овсом из собственной шапки, что происходило в самом Кремле Московском. Этот обряд (как говорят) продолжался до времени Василия III». (Впоследствии обряд был заменен данью мехами).

сковские войска разбежались, а темник (главнокомандующий) Ахмата, подкупленный Москвой, отсоветывал ему преследовать их под тем предлогом, что это они дескать не бежали, а «заманивают» их.

В Устюжском летописном своде говорится, что Московские войска «ходили под Орну, под Метиславль, под Кричев (Кривичев), под Полотск, полону бесчисленно, а города не взяли ни одного», — пронычески поясняет летописец. Герберштейн говорит, что «при набеге Татар в 1521 г. Московитяне не могли им дать никакого отпора, а просто бросились в постыдное бегство»¹. В 1571 г. крымские Татары дошли до Москвы с 250-ти тысячным войском без всякого боя или сопротивления от того, что тогдашний царь (Иван 4-й), выступивший против них со своей армией «збился з дороги»².

Карамзин пишет, что в 1559 г. «воеводы, не занимаясь осадой больших крепостей Вендена, Риги, а подступали *единственно* к маленьким городкам. Немцы уходили из них. Один Шмельтин не сдавался». И московские войска (воеводы) не могли его взять. Тогда «Казаки»³ наши разбили ломами каменную стену его и долго резались в улицах с отчаянным неприятелем»⁴. Английский посол Флечер сообщает еще, что русский царь надеется более на число, нежели на храбрость своих воинов, или на хорошее устройство своих сил.

Русский солдат, по общему мнению, лучше защищается в крепости или городе, нежели сражается в открытом поле»⁵. Особенно ярко проявилась эта небоеспособность, а также и отсутствие патриотизма большинства русских ратных людей в Смутное Время, когда они попросу дезертировали («дома женки им милее», ядовито замечает летописец).

Василий Шуйский, чтобы поднять боеспособность московских войск, не нашел ничего другого, как обратиться к *шаманам* и по совету их приказал «вырезать младенцев из чрева беременных женщин, а также убивать коней, чтобы достать их сердце, и все это зарывать в землю, около того места, где стояло царское войско, и будто бы оно оставалось невредимо, пока не выступало за черту»⁶.

В гор. Кромах засел отряд Донских казаков в 600—800 человек под командой атамана «колдуна», «волшебника», Карелы: этот город осаждала 80.000 московская армия под командой Милославского и Шуйского. Город (посад) был сожжен, занят даже вал, остался один острог; его надо было брать прямой атакой, но эта 80-ты-

¹ Герберштейн. Записки об Московии, 105.

² Флечер, 64.

³ 500 человек, ходившие своею охотою за воеводами: «...и город взяли, а живых Немцев 20, да 200 латышей».

⁴ Архив. лет., л. 332 об., cit. Карам.

⁵ Флечер, 58, 60.

⁶ Наовайский. Смут. Время, 103, М. 1894.

сячая армия не смогла этого сделать, даже не создано ударной группы, чтобы взять хотя бы из простого воинского самолюбия эту маленькую крепость.

Великорусские историки, желая смягчить эту тяжкую неслучайность для русской рати, пытаются теперь объяснить эту неудачу, то нерадением осаждавших воевод, то их изменою, то отказом сражаться, или дезертирством ратных людей², а то и просто замалчиванием огромной цифры осаждавших. Маржарет же, наблюдавший осаду этой маленькой крепости, говорит, что «воеводы занимались делами, достойными одного смеха»³.

Или же великорусские историки в этом случае теперь выдвигают на первый план в защите крепости не атамана-волшебника Корелу и Казаков⁴, а некоего Аверькиева с жителями, а то просто и совсем не упоминают о Казаках: «в Кромах засели приверженные Лжедмитрию великороссийские люди»⁵.

Стремление выдвигать на первый план Аверькиева с жителями стало особенно заметно в последнее время, когда уже Великорусы привели в исполнение заветы Ивана Карамышева, «чтобы их, донских атаманов и казаков, на Дону и по Запольшю везде имя казачье не именовалось».

Как на характеристику небоеспособности Московских войск можно указать и на следующий факт. В своей отписке Московскому царю кн. Хованский дает отчет о произведенном им «смотре войск» в Полоцке в 1660 году. Приведенный в некоторую систему его отчет дает такую картину.

<i>Казаки:</i>	<i>Числ. состав</i>	<i>Налицо</i>	<i>Убитые</i>	<i>Сбежавшие</i>
Псковские	39	23	9(23%)	7(17,5%)
Опоченские	35	14	8(23%)	13(37%)
Гопорские	74	44	25(34%)	5 (6,6%)
Семерские	31	14	17(55%)	(0%)
Лужские	187	20	20(11%)	120(64%)
Новгородские	96	75	21(22%, в посллк.)	(0%)
<i>Драгуны:</i>				
Полк Форота	219	11	0(0%)	208(95%)

¹ Там же, 31.

² Учебн. ист. СССР, I, 155. Городские поселения. «Кроммы».

³ Соловьев, гл. 2, с. 765.

⁴ В СССР есть общее задание вывести из употребления слово «Казак», перенести его на казахов в Средней Азии и, наоборот, раздуть слово «русский». (См. об этом последнем «Комментарий» к «Повести врем. лет» С. Д. Лихачева, изд. Акад. Наук СССР, 1950). Стали появляться в некоторых исторических книгах карты, где на казачьих землях уже стоят слова «южные Великорусы», тогда как следовало бы поставить «северные Великорусы», потому что по изгнанию казаков, туда всадили Великорусов с севера.

⁵ Жукович. «Христ. Чтение». 1903 г., апрель. 574.

⁶ А. М. Г., III, 118; 1660 г.

Солдаты:

Полк Гульца	281	49	0(0%)	232(82%)
Полк Водова	361	128	0(0%)	232(67%)
Полк Росформа	501	169	0(0%)	332(66%)

Бросается в глаза сочный процент сбежавших драгун и солдат, особенно процент убитых среди них — он равен нулю. Ясно, что некого было убивать, тогда как у Казаков процент убитых иногда доходит до 55.

Пуффендорф так отзываясь о великорусском войске в своей книге, выпущенной им в 1723 году: «Впрочем к прямому бою или ко осаде градов малоугодны (негодны) суть воины: ибо тотчас в распорядке путаются, потому что в воинском деле *воображают* себя более искусными, чем неприятель; однако когда бывают в осаде, в местах *огражденных*, то жестоко защищаются, и нападения противника терпят до тех пор, пока не придут к последней нужде»¹.

Как некоторый отголосок, традицию этих качеств тогдашней малоспособности московских войск к открытому бою, можно видеть из случая, когда в октябре 1917 г., во время восстания большевиков в Москве, тамошнее Алексеевское *военное* училище не выступило на улицу для борьбы с восставшими, как сделали то Казаки в Петербурге 4—7 июля 1917 (и одержали победу), а оно предпочло запереться в стенах училища и... сдалось.

Посошков в своем «Сочинении» прямо скорбит об этой небоеспособности русских войск.

«...И всем сие ведомо, пишет он, как кн. Вас. Вас. Голицын под Перекоп ходил, и с ним, сказывают, было больше 300 тысяч служилого люду, а Татар выехало тысяч всего с пятнадцать, а наши от великого своего множества, бою с такими малыми людьми не смели длить. И сие, государь, не явно ли наше бесчестие, что те Татары одною конницею и одним лучным боем полк думного дьяка Емельяна Украинцева порубили, и пушек, сказывают, с 20 отбили, и в полон взяли; а наши из большого и из меньших полков и из обозу вытти и выручить их не смели, все устрашились от малыя горсти»².

И далее оно пишет: «Сие, государь, многим известно, что Низовые люди (донские Казаки) Татар и Калмыков всегда от жилищ своих отгоняют и побивают»³.

Этот поход русских войск под Перекоп на ряду с Кромами является как бы высшим пунктом бесславия русских войск.

Да и при самом Петре I-м далеко не все его воинские подвиги

¹ Пуффендорф. Введение в Историю Европейскую, 838; СПб. 1723.

² Посошков. Сочинения. 280-281.

³ Там-же. 282.

были покрыты блеском и славой, разве за исключением Полтавской битвы, в которой, может быть, последнюю роль сыграло в поражении Шведов ранение самого Карла XII, руководителя боя, происшедшее накануне самой битвы. А история, ведь, знает не мало таких примеров, когда подобного рода неблагоприятные случаи сильно действуют на войска, подавляя их психику: затмение в «Слове о полку Игореве».

В 1696 г., при Петре I-м, Азов был взят, собственно Донскими и Запорожскими казаками, а не Великорусами; в этом взятии великорусские войска делали только диверсию, лишь показывая вид, что атакуют крепость.

Неудача «нешасного» Прутского похода тоже свидетельствует о небоеспособности великорусских войск, и если бы не подкуп¹ турецкого визиря, то и сам Петр I-й вместе с супругой попался бы Туркам в плен, так как он со всей армией был окружен ими.

Взятие Нарвы было весьма незаческим подвигом великорусского командования: в осажденной Нарве, которую великорусские войска не могли взять прямой атакой, Шведы с часу на час поджидали подкреплений: тогда великорусское командование переделало часть своих войск в шведские мундиры и рано, на заре, под шведским барабанным боем стали приближаться с распущенными шведскими знаменами: осажденные Шведы приняли их за прибывшее подкрепление. Дело не обошлось и без насилия над пленными шведами, которых заставили под страхом смерти выступать в качестве делегатов от прибывшего «подкрепления».

Ворота крепости открылись... Нарва была взята.

Эта небоеспособность широких великорусских масс, а также и отсутствие у них подлинного патриотического чувства обнаружилось и в войну 1914 г. в виде 15% дезертирства Великорусов, тогда как процент дезертирства Казаков был равен нулю, закончилась же война оставлением Великорусами своего фронта в 1917 г., Казаки же оставались на нем столько, сколько им было возможности держаться там и потом Казакам пришлось уже силой пробиваться к себе через взбаламученное российское море.

Вследствие такой небоеспособности своих войск, Москва всегда нуждалась в хорошей боевой силе, каковой было Казачество.

«Казаки Донские, Волжские, Яицкие, Гребенские и Сибирские», говорит в Древ. росс. Вивлиофике², « по покорении Малороссии Запорожские, Малороссийские и Слободские, а также Башкирцы и Татары и иноземцы, служившие в Российской службе(...) составляли *исправнейшую* часть войск».

¹ Этот подкуп визиря Великорусы также стараются замалчивать и объясняют освобождение русской армии из окружения тем, что якобы янычары «взбунтовались», и визирь не мог атаковать Русских, но почему, при таких блестящих успехах, янычарам потребовалось «бунтовать», остается неизвестным.

² Т. XX, 213.

Отсюда и происходит всегдашнее стремление Москвы привлечь Казаков к себе на службу и их удерживать на ней.

* * *

В этом слове «служба» и заключается главный пункт отношений Дона и Москвы; поэтому необходимо выяснить сущность слова «служба», его содержание, которое вкладывалось в него в те времена, а не в нынешние, и как оно тогда воспринималось обеими договаривающимися сторонами.

Для большей ясности и точности определения этого понятия необходимо провести грань между следующими понятиями того времени «царь и великий князь», «государь-господарь», «государство» и «земля».

Некоторые историки или исследователи часто делают тут ошибку, что придают нынешний смысл тем словам, которые употреблялись и раньше, тогда как прежде они имели несколько иное, иногда даже противоположное значение, чем теперь. В настоящее время принято считать, что «государь» и «царь», или царь и великий князь, суть одно и то же, тогда как в прежние времена эти понятия считались совершенно различными, смысл их был неодинаков.

Первоначально московские и другие великие князья, а потом и цари называли себя «господарями», а не «государями». На чаре одного из князей была такая надпись: «А се чара кня(зя) Володимерова Давыдовича (1139—1151), кто из нее п.(ет), тому на здоровья, а хваля Бога и *осподаря* великого князя»¹.

В грамоте к еврею Скарье (Захарю), таманскому князю, Иван 3-й титурует себя так: «Божиею милостию *Господарь* Русские земли, великий князь Иван Васильевич, царь всея Руси»². Тут он именуется в трех состояниях: господарь, великий князь и царь³.

Скарья же в своем ответе величает его только «осподарем»: «честнейший осподарь ваше осподарство, к осподарству твоему»⁴.

Василий 3-й, сын Ивана 3-го, не титулирует себя «господарем», а «государем» и притом уже горделиво — «един правой государь». «Василий, Б. м., един правой *государь* всея Руси и иным многим восточным северным государь и великий князь»⁵.

И с тех пор московские великие князья, а потом и цари в *грамотах* своих именуют себя «государями».

Но на *печатях*, которыми пользовались те-же московские великие князья и цари, они всегда обозначались словом «господарь»: «господарь всея Руси и великий князь» (1504 г.) и в 1625 г. —

¹ «Повесть врем. лет», ред. Д. С. Лихачева, 3. изд. 1950, стр. 33.

² Д. Крым., 169; Карам., VI, пр. 595.

³ Одно короткое время Иван 3-й владел Казанским царством, почему и титулуется себя «царем».

⁴ СРЮ, т. 41, с. 72; 1487.

⁵ Там же, т. 95, с. 84; 1513.

«великий гсдрь (под тилой) царь и великий князь(...) и многих господарств господарь и обладатель»¹.

Таким образом, Московские вел. князья и цари, называя себя в грамотах «государями», на печатях-же, которые они прикладывали к этим грамотам вместо своей подписи, именовали себя «господарями».

И сама Москва тоже называлась «господарством», т. е. хозяйством, а не государством. В Уложении царя Алексея Михайловича (1649 г.) говорится так: «а кто побежит из Московского *господарства* в другие господарства»...

Какой-же смысл можно придавать словам «государь» с одной стороны и «царь и великий князь» — с другой?

Мне думается, что исчерпывающий смысл этим словам дал Иван 3-й в его переговорах с Новгородцами. Когда в 1478 г. к Ивану 3-му явилась делегация от новгородского духовенства, то она обратилась к нему со следующими словами: «Господине *государь*, князь великий Иван Васильевич всея Руси, яз, господине, богомолец твой и архимандриты(...) тебе, своему государю, великому князю, челом бьют»².

Ведя далее переговоры с Новгородцами и указав им, что они назвали его себе «государем», он потребовал, чтобы «наша отчина, Великий Новгород, дали нам *волости и сел*, а понеже нам, великому князю, *государство* свое держати на своей отчине, Великом Новгороде, без того нельзя»³.

Из этих переговоров вытекает, что Иван 3-й точно проводит границу между понятиями «государь» и «великий князь» и что «государство» его составляли бы те волости и села, которые он требовал себе от Великого Новгорода, а Новгородцы сделали различие между «господин» и «государь».

Из следующего нападения Ивана 3-го на Новгородцев и в переговорах с ними он разъяснил им, что по московскому смыслу значить «государство».

«Что это и за государство? спрашивает он и далее заявляет: «вечу, колоколу не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати».

Из этого разъяснения непосредственно вытекает, что «государство», «государь» в московских понятиях того времени не есть учреждение публично-правовое, которое характеризуется существованием веча, колокола, посадника, а частно-правовое, т. е. просто хозяйственное.

Смысл этого термина «государь» в частноправовых отношениях между жителями Московии удерживался долгое время. Со-

¹ Снимки древних русских печатей. вып. I; М. 1882.

² Симон. лет., 1478.

³ Времен.. кн. I, 5; 1849.

хранилась «запись во крестьяны» от 1685 года. Некто Сергей, Федоров сын, дал на себя ссудную запись Василию Григорьевичу: «жити мне, Сергею, за ним, *государем* своим, Василием Григорьевичем... Пашню пахать, (...) и *великих государей* подати и ево помещиковы оброки с ево же крестьяны вместе платить»¹.

Частный владелец назван здесь «государем» и, как отголосок этого частно-правового понимания слова «государь», сохранилось у нас до последнего времени; в письмах, в обращении, писалось «милостивый государь», но не «милостивый царь», а в подписи значилось «покорный слуга», но не «покорнейший подданный».

В одном документе 1497 г. говорится: «А холопа полонит рать татарская, а выбежит из полону, и он слободен, а старому *государю* не холоп»².

Таким образом в прежние времена *всякое* лицо, владевшее каким-то количеством земли и имевшее рабов или наемную силу, называлось государем, будь то царь, (великий государь), великий князь, боярин, дворянин; владение же этого лица называлось «государством».

Следовательно, в Московии слово «государь» не имело политического смысла; оно имело смысл хозяйственный, подобный тому, как в недавнее время были «помещики», поэтому и государство имело смысл частного владения. Под словом же «земля» разумеалась территория и население, издавна независимо живущее на ней со своими князьями, т. е. то, что мы теперь называем «государством».

В русских летописях иностранные государства также всегда назывались «землями»: «и вся Половецкая земля, «немецкая земля и много разных земель».

Донские казаки, описывая состав турецкой армии, осаждавшей Азов, перечисляют те народы, из которых она состояла: «Турская и Крымская земля(...), Волоския, и Мутьянская, и Арапския, и Французския, и Черкеския, и Лаския земель многие воины»³.

Эта «Земля» приглашала иногда к себе вооруженную силу, чтобы защищать ее; в отношениях между вооруженной силой, дружиной, возглавляемой обычно каким-нибудь предприимчивым князем, и общиной (земщиной) со стороны последней главным обязательным условием была уступка некоторой части земли для содержания князя и его дружины; так было, напр., в Великом Новгороде.

Но большею частью происходило иначе: извне появлялась какая-то вооруженная сила, покоряла местное население, облагала его данью и отбирала у него лучшие земли, заводя там свое хозяйство и распоряжалась как у себя дома: так случилось в Суздали («прогнали поганую Мордву»), в Ростове (Отяки, убежавшие

¹ Чтения, V, 23.

² Акты Ист., I, 155.

³ Дон. Дела. I.

от русского крещения), убийство и ограбление владетеля Москвы, местного князя Степана Кучки, и так в очень многих других местах.

Нечто подобное со стародревними дружинами представляла в нынешние времена из себя Добровольческая армия в 1918—1920 годах. Ее первоначальный молодой состав устремился из Великороссии, находившейся уже в горячечном бреду, на казачьи земли, но командный состав ее («старшая братия») сумели создать из них «дружину» и повели работу против самой же казачьей «земли», великодушно давшей ей приют.

В очищении Терского Войска от большевиков в армии приняло участие 85% терских казаков и 15% Великорусов. По очищении Войска, Добровольцы захватили во свое владение важнейшие города — Владикавказ, Пятигорск и Грозный, а Терцам оставили Гизляр да Моздок — две, так сказать, деревни.

На требование Терского Правительства возвратить ему захваченные города, ему ответили: «О, нет, это наши города, это мы их завоевали». На Дон была послана Терская делегация с просьбой о содействии к возвращению захваченных городов; по настоянию Дона, они были возвращены.

Один из «богатырей» этой русской дружины стал даже требовать, чтобы ему за дешевую цену продали городской доходный дом гор. Пятигорска.

На Кубани было отделано чище: под таинственным покровом в Ростове был убит Председатель Кубанской Рады Рябовол, потом повешен депутат Рады Кулабухов, а двенадцать депутатов ее высланы за границу и затем вооруженной силой заставили Кубанскую Раду изменить ее конституцию в желаемом для «дружины» смысле.

Стала подбираться она и к Всевеликому Войску Донскому, но на этот раз уже «тихой сапой»; это — «Договор Донского Атамана А. П. Богаевского с Главнокомандующим генералом А. И. Деникиным о Сенате» от 25 апреля 1919 г. К счастью договор этот сказался «клочком бумаги» ввиду грубейшего нарушения им Основных Законов В. В. Д. (ст. 1, 4, 9, п. i и 23).

«Дружина» захватила в свои цепкие руки гавани, принялась печатать тысячерублевые картинки («колокольчики» по тогдашней насмешке), на них скупала все, что можно было скупить в «земле» и все это вывозила за границу, вырученные же суммы оставались бесконтрольной ее собственностью¹.

История, как видим, повторяется.

Это деление на «дружину» и на «землю» существует давно. Владимир в Киеве, имевший свою дружину, думает о «строе землянем», т. е. об устройстве земли, об устройстве местного населения.

¹ См. «Трагедия Казачества».

Московский вел. князь решил «итти для своего *государева* дела и *земского* дела ко Пскову»¹.

Это разделение на «государство» и на «землю» реально существовало и в эпоху Смутного Времени. Так, избранием в Московские цари Василия Шуйского были недовольны потому, что «немногими был избран грады, но единым Московским *государством*, а не всею *землею*»², или «а на Московское *государство* выбрати нам государя всею *землею*, собрався со всеми городами»³.

В своих отписках Московскому царю Донские казаки также производили это разграничение и писали: «для твоего *государева* и *земского* дела», «ради царского и земского строения», или «и как бы твоему *государеву* делу да и *земскому* было прибыльнее»⁴.

Казаки же ни в «государево дело», ни в «земское» себя не включают и смотря на эти дела со стороны.

«Царь и великий князь приговорил для *своего* дела и *земского* итти на Коломну по вестям»⁵.

Это деление на дружину и на землю сохранялось до революции в виде «бюрократии» и «земства». Да как будто оно сохраняется и теперь.

Первоначально власть тогдашнего «государя», хотя бы и «великого», распространялась только на его рабов или на служащих у него, и такая власть, по юридической терминологии, была *частно-правовой*, но царь и великий князь являлся уже представителем *верховой* власти, распоряжения которой были обязательны для всего населения, и такая власть *верховная* носит название *публично-правовой*.

* * *

Со временем *частно-правовой* термин «государь» стал проникать и в политические сферы и постепенно, естественным порядком, понятия *частного* и *публичного* на Москве стали смешиваться в одном лице пока царь и великий князь не обратились в *государя*, хозяина «всёя Руси».

В качестве такого хозяина *государь-царь* мог «записать» за собою любое место и любого «гражданина». Как красочную иллюстрацию такого порядка проф. Платонов приводит такие примеры:

Под 1463 г. в Ермолинской летописи говорится, что в Ярославле появился «чудотворец» великий князь Федор Ростиславич Смоленский с детьми, но «явились не на добро всем князьям Ярославским, так как *исцелили* или освободили последних от их родового имущества: простились со своими отчинами на век»⁶.

¹ Времен., I, 45, 1849.

² Псков. л., л. 26, об. cit. Карам., XII, стр. 564.

³ СГГД, II, 389.

⁴ Др. Рос. Вив. т. XIII, 252; 1556.

⁵ ? Платонов. Прошлое севера Руси. 38.

⁶ Др. Рос. Вив. т. XIII, 252; 1556.

Он говорит далее: «а после того в том же граде Ярославле появился новый чудотворец Иван Огафонович, сущий созиратай (соглядатай, лазутчик) Ярославской земли: у кого село добро, он отнял; а у кого деревня добра, он отнял да отписал на великого князя: а кто будет сам добр боярин или сын боярский, ин его самого записал»¹.

Борис Годунов «пожаловал» каргопольцев всех, посадских и волостных крестьян, велел записать их на свое *государево*, *царево* и великого князя Бориса Федоровича, имя»².

Как хозяину, Московскому государю принадлежала и вся торговля, все питейные заведения в его государстве³. Он и войны вел на собственный счет, не давая никому никакого в этом отчета, даже облагая самих воинов по три деньги, якобы для «учета».

Поэтому крестное целование давалось, чтобы служить не только государю своему — царю и великому князю, но также давалось оно, чтобы служить государю своему просто — Василию Григорьевичу.

Среди этих многочисленных государей, московский царь и великий князь обладал особенно крупными владениями и, в отличие от менее крупных владетелей, он назывался «великим государем».

И сама сдача управления областями Московского государства воеводам из 10% дохода («на прокормление живота своего») указывает на этот частно-правовой характер управления «государством», над чем смеялись Турки, узнав об этом.

Если продолжить различие между «царем и великим князем» с одной стороны, и «государем» с другой, то получается, что у «царя и великого князя» были *подданные*⁴, у «государя» — слуги; круг деятельности «царя и великого князя» — политическая жизнь, а у «государя» — его личное хозяйство; но эти два понятия со временем слились до такой степени, что они стали уже неразрывными.

Это слияние особенно ярко выразилось в грамотах, посылавшихся на Дон от Ивана 5-го, Петра и Софии в 1688—1689 гг., где слова «великий государь» выдвигаются уже на первый план перед «нашим царским величеством».

«Указывали мы, великие государи, наше царское величество, быть на нашей, великих государей, службе, в нынешнем крымском походе»⁵, или: «и мы, великие государи, наше царское величество, вам, атаманы и казаки, на нашу, великих государей, службу...»⁶.

¹ Там же. 39.

² СГГД. II. 143.

³ «Царские кабаки»: «при сих воеводах с 1618 г. в Сибири и в Тобольску первые почали быть кружечные дворы и продажа *государского* горячего вина» (Древ. Вивл.. III. 132).

⁴ Лш. I. 81; 1662.

⁵ Лш. I. 149.

⁶ Там-же. 150.

«Служба» в те времена всегда имела смысл воинский, помощь воинскими людьми одной из воюющих сторон; это можно проследить с довольно давних времен и можно видеть из предшествующих цитат.

Исковитянам было предложено, чтобы «на конь всели на его службу на Великий Новгород»¹.

Перед Куликовской битвой «князь великий, сочтя вои своя 100.0000, а князи, которые ему *служат* (т. е. которые стали в данной войне на его сторону), тех сочли 200.000».

Василий 3-й в наказе послу своему пишет: «... и ты донеси речь до салтана, чтоб салтан казаком своим Озовским и Белгородским ко государя нашего недругу к Жигимонту королю на пособь на наем ходити не велел»³.

Крымский хан требовал, «чтобы был уплачен пенсион, который Республика Польская давала хану за *службу*, оказываемую им Польше»⁴.

Никакой другой «службы», кроме воинской, Крымский хан не мог оказывать Польскому королю.

В распорядке московских войск указаны Казаки ногайские и крымские, «которые государю *служат*»⁵.

Служили Черкесы «кафинскому»⁶, служили Швейцарцы, ландскнехты, Запорожцы; служили Половцы, Татары, средне-азиатские Казаки.

В те времена «служба» имела для всех некоторый смысл «отхожего промысла» и на нее был спрос. Та служба не создавала зависимости или потери самостоятельности. Все эти народы, окончив службу, возвращались с нее к себе домой. Так Иван 3-й писал Схарье, которому он предлагал службу у себя: «а похочешь нам служити и мы тебя жаловати хотим, а не похочешь у нас быти, а всхочешь от нас опять в свою землю поехать, и мы тебя отпустим добровольно, не издержав»⁷.

И на самой Москве служба *государю* не являлась обязательной, и служивший всегда мог от нее отказаться. При разборе (мобилизации) в 1621 г., часть боярских детей и поместных Казаков, «не *хотяча* государевы службы служить, поместья свои и вотчины подавали»⁸, за которые они служили⁹.

Тот же воинский смысл имела служба Донских казаков.

¹ Русс. л. V, 35.

² Устюж. л. 59; 1380.

³ СРПО, т. 95, с. 128.

⁴ Чтения, т. 5, т. 1. Шевалье, 1848.

⁵ Русс. лет. XIII, 34.

⁶ СРПО, т. 41, с. 357.

⁷ СРПО. 41, с. 71; 1487.

⁸ СГГД, III, 244.

⁹ П.С.З. гл. XVIII, 50.

«Да они же (Донские атаманы и казаки) как поехали з Дону, и в степи сошлись с ними Татаровя, и они с ними бились и языки поимали. И им государева жалования дано за службу, что они служили государю на Дону и в дороге»¹.

Есть и другие выражения: «служили тебе на Дону и в Поле». В этих словах, что служил и на Дону, и в Поле, и в дороге, ясно виден этот воинский смысл службы Казаков и никакой другой, кроме воинской, службы не было.

* * *

Теперь спрашивается — и вопрос этот не праздный — кому же служили тогда Донские казаки — «царю ли и великому князю всея Руси» или «Московскому великому государю»?

В ту эпоху, начиная с 1571 г., Донские казаки имели дело с «царем и великим князем всея Руси», т. е. на началах политических. Это есть исходный пункт отношений между Доном и Москвой.

Первые грамоты на Дон так и начинаются: «От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси».

Сын его, Федор Иванович, в 1594 г., так же адресует свои грамоты: «От царя и великого князя Ивана Федоровича всеа Руси, на Дон» и заканчивает: «А мы вас впредь за вашу службу пожуем своим царским жалованием»².

И таким же образом все последующие грамоты на Дон всех парей писались от «царя и великого князя всея Руси», но никогда не посылались они только от «великого государя».

Но в грамоте от 1614 г. уже проскальзывает выражение и «великому государю»: «так бы есте и совершали нам, великому государю, служили и прямили по нашему царскому велению и по своему обещанию». «И вы в те поры нам помочи никоторыя не учинили; ино толь ваша к нам служба и раденье: в отписках своих пишете к нам всегда, что вы нам служите, и впредь хотите служить, а повеленья нашего николи не слушаете и с сторонними государями, которые с нами в ссылке и в дружбе, нас ссорите»³.

Эти слова показывают, что Казаки «служили и прямили» не по одностороннему царскому велению, но и «по своему обещанию», а это «веление» с одной стороны, и «обещание» с другой, является актом двусторонним, т. е. договором, но не указом, а этот договор есть ничто иное, как союз.

Слово «веление» не следует понимать в смысле нынешнего «повеления», «приказа», оно означало тогда только выражение «желания», «просьбы», что подтверждается последними словами фразы «и по своему обещанию», т. е. царем было высказано «пожелание» и на это пожелание последовало «обещание», т. е. согласие Казаков.

¹ ДД, I, 968; 1638.

² Лист., № 4.

³ ДД, I, 250, 1625.

Москва должна была всякий раз просить их об этой службе или отдельной грамотой, или посылать отдельных послов, как, напр., посылка Дашкова и Полухтова, потому что служба их была свободной и Дон был независимым.

В дальнейшем же Москва уже стремится обратить отношения с «царем» в службу «великому государю». Это ясно видно, напр., из текста присяги, присланной на Дон в 1632 г., от которой Донские казаки решительно отказались; в ней говорится так: «целую сей святой животворящий крест Господень *государю своему*, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси».

Тут частно-правовое «государь» слито с публично-правовым и политическим «царь и великий князь» столь плотно, что уже трудно разобраться, где кончается «царь» и где начинается «государь», как просто хозяин.

И сами Донские казаки в своих отписках уже не делают строгого различия между этими словами: «и при твоём царском величестве тебе, государю царю, и отцу твоему(...) патриарху(...) многие твои государевы службы полявья против всякова государьскаго недруга за вас, государей, служим без крестного целования».

Донские казаки предпочитали служить Московскому царю, о чем они сами и пишут: «ни к Турскому, ни к Крымскому, ни к Литовскому, ни к иному которому царю и королю служить не ходим кроме вас, великих государей».

Из этого видно и то, что Донские казаки могли ходить служить и действительно ходили, напр., к Литовскому королю.

«Донские и Яицкие казаки в нижних и в верхних городках говорили, токо де к нам на Дон нынеча на весне не будет государева жалования(...) и мы де пойдем з Дону все в Запороги к Литовскому королю на службу, токо де от него к нам письмо будет, а прежде сего нас, Донских казаков, ходило к Литовскому королю на помочь 700 человек, как де был бой у Литовского короля с Турским»¹.

Дон был независимым и свободно распоряжался своими действиями и силами; хотя он и служил Московскому царю, тем не менее Казаки «приходили и побивали» и его людей, ибо Донские казаки служили Москве не по долгу.

«А вы б, атамны и казаки, видя к себе такую нашу государскую милость, сами нас служили и всему войску приказывали, чтоб они потому же нам служили, а на *наших* бы людей не приходили и не побивали, тем бы службы своей к нам не *теряли*»².

Москва скоро распознала всю важность для нее Донской казачьей силы и в смысле ее боеспособности, и в смысле выгодного ее расположения, как в отношении самой Московии, так и в отно-

¹ ДД, I, 340; 1632.

² Липш., № 8. 1633 г.; 24.4.1638; 18.3.1648.

шении других соседних земель, враждебных Москве, почему Московский царь всегда усиленно старался приглашать и всеми силами удерживать их у себя на службе.

Сколь важна была для Москвы эта служба видно из того, что для достижения этой цели Москва не брезгала никакими средствами: и жалование, и подарки, и подкуп, и особенно интриги, и льстивые грамоты («жалуем и милостиво и премилостиво похваляем»), и угрозы («и вам к нам николи не бывать, и пошлем на Низ Доном к Раздорам большую свою рать и поставить велим город на Раздорех и вас стоним з Дону»¹, или же: «или того себе чайте, что мы, великий государь, не сможем с вами управитца»²) и т. п.

Даже обезглавление Казаками трех послов Московского царя, акты, составлявшие «оскорбление величества», и за которые надо было бы объявить войну Донскому Войску, не останавливали Московского царя и он все это претерпевал и не рвал с ними своей связи. Надо заметить то, что несмотря на все свои словесные угрозы, тем не менее Москва никогда, даже при Годунове, не отваживалась открыто выступить против Дона, так велико было значение Казачества, и только Петр I-й, и то уже опираясь на «регулярство» и слободские полки, дал полный и безудержный выход накопившейся вековой злобе против Донского Войска.

Донские казаки на эту службу шли, но служили они *лично* Московскому царю и великому князю, а не Руси; они были в непосредственной связи с самим царем, выполняя то, что исходило прямо от царя, а не от бояр, вмешательство которых Дон категорически отвергал, и всякий раз требовал непременно указа самого царя: «и они (Донские и Яицкие казаки) меня не слушают, без твоего государева указа на твою государеву службу под Смоленск не идут»³.

Предпочтение служить Московскому царю обуславливалось еще и тем, что окруженные с юга и с востока Крымцами, Турками и Ногаями, не имея у себя никакой промышленности, никаких материалов, Донские казаки, естественно, тянули на север, к Москве, где все это имелось. Кроме того, в этой службе они видели для себя и известные выгоды, правда довольно скромные, потому что помощь была и нерегулярна и в общем малозначительна, а бывали годы, когда ее даже и не бывало. Котошихин об этом сообщает, что «посылается к ним на Дон царское жалование негораздо по многому и не всегда»⁴.

На эту нерегулярность жалуются и сами Казаки: «А нам сего году твоего царского жалования, пороху и свинцу, не бывало»⁵;

¹ СГГД. II. 125.

² ДД. I. 275.

³ Акты Моск. Г-ва. I. 548. 584. 591; 1638.

⁴ Котош., 111.

⁵ ДД. I. 232. 241; 1625.

«А в прошлом, государь, во 144 (1636) году, твоего государева жалования денежного, и сукон, и запасов, и вина, и свинцу не бывало»¹.

Главная же выгода Дона служить преимущественно Москве состояла в том, что Дон получал от нее боевые припасы, без которых ему было бы труднее держаться. «А свинцу, государь, и зелья, и ядер железных пушечных не стала у нас, а делать, государь, ядра у нас некому и невчем»².

Служба эта для Донских казаков, как и для многих других народов, имела, как сказано, смысл отхожего промысла, но не основного источника жизни, ибо «старые атаманы и казаки на Дону жили без жалования и кормилися собою»³.

* * *

Служба Донских казаков Московскому царю ущербляла ли она суверенитет Дона?

Тут необходимо поставить предварительный вопрос — является ли *служба равносильной подданству*?

Служба есть договор двух сторон на определенные действия, которые одна из договаривающихся сторон должна совершать в пользу другой, соглашение, предусматривающее известный срок и вознаграждение, жалование; по истечении срока стороны становятся свободными; это есть служба в ее чистом виде. Но когда договор касается того, чтобы одна сторона *воздержалась* в пользу другой от известных действий (напр., не нападать на Азов), то в этом случае характер службы теряется, это уже *политика*, и в этом случае *заставить* другую сторону нельзя, с нею можно или договариваться⁴, или же ей самой объявить войну, чтобы ее принудить к такому воздержанию, тогда как подданство есть *безусловное и одностороннее* повиновение верховной власти или власти ею поставленной.

Сама Москва, как видно из ее же актов, точно различает эти два понятия — служба и подданство.

Запорожские казаки (по тогдашней терминологии и Донской и Московской, — Запорожские Черкасы)⁵ служили и Московскому царю, и Польскому королю, и Крымскому хану, и Турецкому султану, но подданными этих государств не были. И только после того, как «учинился в *подданстве*(...) гетман Богдан Хмельницкий и все Войско Запорожское и вся Малая Русь со всеми городами и землями», — только с этих пор Москва стала считать и называть их своими подданными.

¹ ДД. I. 533, 1636.

² ДД. I. 533; 1636.

³ ДД. III, 734; 1647.

⁴ В 1625 г. Донские казаки обещали Москве не мешать дружбе Московского царя с Турецким султаном и Крымским ханом (ДД, I, 240).

⁵ СГГД. III, грам. 1620 г., П.С.З., 1751 г., №

В грамоте на Дон Московский царь пишет: «ходили вы, атаманы и казаки, с воеводою Яковом Хитрово и с нашими ратными людьми под Каланчинские башни(...) и с вами, атаманы и казаки, и с подданными нашего царского величества с Запорожскими Черкасы»¹.

Здесь различаются три категории войск: «*наши* ратные люди», «вы, атаманы и казаки», и «*подданные* нашего царского величества Запорожские Черкасы».

Тут Запорожские Черкасы именуются уже подданными, тогда как Донским казакам этого наименования нигде и никогда не приписывалось, даже и после того, как они уже присягнули служить Московскому царю. Сношения с ними производились по-прежнему через Посольский приказ. Нельзя найти ни одного акта, где бы Донские казаки именовались подданными Московского царя. Да, собственно, на основании каких данных Москва могла считать, что Донские казаки должны быть ей подчиненны, от нее зависеть, быть ее подданными?

Население, жившее по реке Дону от низовьев его и по его притокам до пределов Рязанского княжества, находилось в пределах Золотой Орды, след., до окончательного ее падения ни о каком притязании на население и земли в ее пределах и речи не могло быть, это тем более, что и сама Москва-то освободилась совсем от власти Татар вовсе не в 1480 г., как об этом учат в русских школах, а гораздо позднее, ибо еще в 1535 г. и даже 1553 г. сами Московские вел. князья выплачивали Татарам «выходы», т. е. просто дань², а Крымский хан считал Москву своею данницей и в 1685 г. он требовал с нее уплаты 200.000 руб. накопившейся дани...

У калмыцкого тайши Аюкай были убито Донскими казаками и Запорожскими Черкасами при переправе его войск через Дон 67 человек в то время, когда он возвращался со своего набега на Крым.

«Аюкай», пишет Московский царь на Дон, «поставя то себе в досаду, на нашу, великого государя, *службу* под Азов не пошел(...), у нас, великого государя, в подданстве учинился для того, чтоб ему ни от кого обид не было»³.

Из этого вытекает, что Аюкай первоначально находился на свободной службе у Московского царя и по своему желанию под Азов не пошел, как по своему желанию он делал набег на Крым и уже потом он «учинился в подданстве».

В другой грамоте на Дон же Московский царь пишет «и вы б, атаманы и казаки, нам, великому государю, служили и на наше царское жалование были надежны, ни в какую смуту и прелесть

¹ Лист. I.171; 1662 г.

² Лист. I. 85.

³ Там же. I. 36; 1648.

не прельщался, со старых своих мест с Дону не сходили, тем бы прежней своей славы и чести не теряли».

Здесь явно бросаются в глаза опасения Москвы как бы Дон на что либо не «прельстился» и не покинул бы Москвы, перейдя на службу к кому либо другому. Эти опасения несомненно подтверждают, что Дон в подданстве Москвы не был, иначе она говорила бы другим языком и ввела бы на Дону свои управления, как она сделала это на Украине.

Таким образом, служба Донских казаков Московскому царю была совершенно свободная, «за вознаграждение», а не по какому либо долгу, ни в каком случае не обязательной, поэтому ни в какой мере и не уменьшала его независимости, его суверенности.

Встречающиеся в официальных документах такие выражения, как «число на Дону не живет», «Донские казаки народ вольный и в неволю не служат» и такой тост, как «здравствуй царь в Кременной Москве, а мы, Казаки, на Тихом Дону», подтверждают, что Донские казаки подданными Московского царя себя не считали и ими не были. Попытки же царя заставить Донских казаков служить ему за «крестным целованием», т. е. быть в военном отношении в распоряжении Москвы, кончались, как известно, решительным отказом Казаков.

И служба иностранцев также заключала в себе срок и право *отхода*, если это была более или менее значительная группа, или же право *ухода*, если это были отдельные лица или маленькие группы.

В прежних частных договорах о службе отдельных лиц обязательно включался пункт: «а бояром и слугам межи нас вольным воля».

Донские казаки имели свою отделенную территорию («казачьево присуду»), на ней они охотой формировались в отряды во главе с отдельными атаманами, когда им посылалась грамота о службе от Москвы или от Польского короля или же когда они о ней просто слышали, на эту же территорию они и возвращались к себе по окончании службы.

* * *

Первый официально известный контакт Дона с Москвой был в 1571 г. и касался он именно военной помощи Москве со стороны Донских казаков, которую Московский царь своею грамотой просил оказывать его воеводе.

В грамоте от 3.7.1594 г. Московский царь пишет на Дон, предлагая Казакам службу, и обещал: «а мы вас впредь за вашу службу пожалуем своим царским жалованием»¹.

¹ Лш., I. № 4.

В грамоте от 18.3.1614 г. он так говорит о службе ему Донских казаков: «и *обещали* нам, великому государю, служить и прямиать во всем, как и прежним великим государем Российским, предкам нашим служили»¹.

Слово «обещали» явно указывает на добровольный характер этой службы.

В 1633 г. по указу царя «посланы на Дон к атаманам и казакам кн. Иван Дашков да я, холоп твой (Полухтов), говорить, чтоб шли на твою государеву службу под Смоленск».

Из этого донесения дьяка Полухтова видно, что Казаки на службу шли по приглашению, по объявлению и добровольно, а не по приказу, и на этот раз их вышло только «с 400 человек и больше»².

В 1638 г. атаман Устинов при расспросе говорил про Донских казаков, что «а как де будет государева служба, и они де, атаманы и казаки, государю служить готовы»³, т. е. согласны, но могло быть и то, что они и не согласны служить.

В отношении этой добровольной (за вознаграждение) службы характерной представляется челобитная ат. Павлова: «били челом Донские казаки атаман Терешка Павлов с товарищи: «слыша, государь, про твою государеву службу, шли с Дону, от Донского Войска, вверх по Дону, к тебе, государю, на твою государеву службу *охочие* люди(...), а собирались мы на твою государеву службу из разных городков»⁴.

Ранее этого, 20 апр., на Воронеж коньми с Дону вышло Казаков 120 чел., 1 мая в судех 400 чел., 3-го мая — атаман Беляя Васильев — 200 чел.

Если служба была на юге, то на этой службе Донские казаки были совершенно отдельной частью и не для того, чтобы только повиноваться распоряжениям Московских воевод: Казаки требовали совместных с ними совещаний, что воеводам и предписывалось самим царем.

Это видно из следующих фактов.

Когда Донские казаки осаждали Донецкий городок, построенный Крымским ханом на Донце, то во время приступа к крепости Московского воеводы Ивана Хитрово на месте не было, он стоял за Донцом версты за три. И когда Казаки «на стенах были и на башнях кровли взломали(...)», то он прислал от себя из табора приказ, чтоб от города отступили».

Такое распоряжение воеводы Казакам показалось столь неслучайным, что они обжаловали эти действия воеводы Хитрово Московскому царю. В своем ответе на эту «жалобу», царь пишет Ка-

¹ ДД, I, 63.

² Там же, 387.

³ Там же, I, 668, 678: 1638.

⁴ АМР, II, 415; 1655.

закам: «Да он же, стольник наш и воевода Ив. Хитрово, называл изменниками, и с вами, атаманы и казаки, ни о каких наших государевых делах не *советует* и вам с ним на нашей, великого государя, службе *быти нельзя*»¹.

Упоминание об «измене», любимейшем слове московских шовинистов, указывает на неисполнение распоряжений воеводы, сидевшим за три версты от атакуемой крепости и даже незнавшим, что делается на месте атаки. Действия Хитрово были расследованы и осуждены.

В другой грамоте к Донским казакам Московский царь уже сам заранее пишет им «а велено ему (Ив., большому, Хитрово).. приход на Дон, с вами, войсковым атаманом и с старшиною поговорить, чтобы атаманы и казаки, служа нам, великому государю, им, думному дворянину и воеводам, мысль свою войсковую объявили... А по нашему, великого государя, указу ему, думному дворянину и воеводе, о том же войсковом промысле никакой своей мысли таить на велено ж»². Или же: «С Донскими атаманы и казаки обо всяким делах советывать и их к себе призывать, и мысль свою, что пристойно над неприятели, им объявлять». (Сухоруков. Ист. опис., 292, 298, 1674 г. cit. Сват. 121).

Из этих данных можно видеть, что требования Казаков и предписания Московского царя своим воеводам быть с ними, Донскими казаками, в *совете*, ставит Дон и Москву в положение *союзников*, а не подданной воинской части, лишь повинующейся приказам Московских воевод.

* * *

Указы и повеления Московского царя являлись ли они для Донского Войска обязательными?

И на этот вопрос надо ответить также отрицательно: Дон находился с Московским царем в политических, а не частно-правовых отношениях.

Сетования Московских царей на Донских казаков за их неисполнение указов и повелений встречаются в очень многих грамотах, ибо распоряжения эти выполнялись Казаками постольку, поскольку они соответствовали тем или другим интересам самих Казаков. Из инцидента с атаманом Старовым в 1625 г. это можно ясно видеть. В том документе об инциденте с ат. Старовым говорится: «а они, атаманы и казаки, Московскому государству помощи никакия не учинили, а живут все *самовольством*» (по московитской терминологии)³. «А они, атаманы и казаки, то все государское жалование ставят себе ни во что, и государского повеления не слушают». (ДД, 242; 1625).

¹ Дит. I. 65; 1661.

² Там же. 82; 1678.

³ ДД. I. 338.

В 1627 г. опять жалоба, что «сложились с Запорожскими Черкасы, а сами ведаете, что Запорожские Черкасы служат Польскому королю, а Польский король нам неприятель».

В 1629 г. указ Московского царя Казаки «поставили ни во что». В 1630 г. категорически отказались идти с Турецкими пашами против Польского короля. В 1632 г. Донские и Яицкие казаки грозили уйти «з Дону в Запороги к Литовскому королю на службу».

Постоянные указы и повеления Московского царя, как видно, надоели Донским казакам и они решили показать Москве, что значит действовать по «указу».

Об этом мы имеем такое сведение в отписке Московскому царю от Царицынского воеводы Л. Волконского от 27.3.1632. Он сообщает, что Азовские люди с Донскими казаками в миру и что за этим миром сначала в декабре, а потом в январе «многие Азовские люди пошли под твои, государевы украинные города войною(...)», а на переходе де, государь, они, Донские казаки, Азовских людей за миром без твоего государева указу громить *не смеют*.

Видимо, что тут был стовор Казаков с Азовцами. Ведь отношения между ними были не только одни военные, но они жили и мирно: вместе ловили рыбу, в лесу рубили дрова и торговали между собою. Казаки предупредили Азовцев, что они не будут отражать их набегов на Москву, чем Азовцы и воспользовались.

В грамоте от 26.11.1632 на это прямо так и указывается: «а вы, атамань и казаки, над Крымскими людьми, когда они пошли на наше Московское государство войною, не промышляли, а войной на наше государство *пропустили*». Эти последние слова в черновике зачеркнуты, а вместо них написано: «и поиску над ними никакова не учинили»¹.

Другими словами, дали Москве наглядный урок, и там это так и было истолковано.

После этого факта у озлобленной Москвы и появилось намерение сделать службу Донских казаков обязательной, так как вскоре после этого случая была прислана (26.5.1632) к ним крестоцеловальная запись.

Что с «повелениями Московского царя» Донские казаки мало считались и вели свою самостоятельную политику, доходившую даже до задержания у себя посла Турецкого султана Кантакузена, ехавшего к Москве, а потом и обезглавленного ими за шпионаж, особенно ярко видно из грамоты от 20.7.1637 г. В ней говорится: «А к вам писано в наших грамотах, велено вам Турского посла отпустить с дворянином нашим с Степаном Чириковым честно (с почетом), а с Азовцы *велено* быть в миру, за то вам послано наше жалование, и вас, атаманов и казаков, на Дону Ст. Чириков не

¹ ДД. I. 613.

застал, а пошли есте под Азов до его приезде и Турскова посла Степану *не отдали*, не ведемо для чего. А писали есте к нам с атаманом с Потапом Петровым с товарищи, что вы до наших грамот меж собою учинили приговор, чтоб *однолично* над Азовскими людьми промышлять»¹. «А как были у нас, великого государя, на Москве Донские атаманы Иван Катаржный да Тимофей Яковлев с товарищи и того вашего умышления, что вам под Азов промышлять без нашего царского повеления *ничего не сказывали*; а отпущены на Дон, пожаловав нашим царским жалованием, чтоб Турского посла з Дону отпустили к нам без задержания и с Азовцы б были в миру»².

Из этой, а также из других вышеприведенных грамот с неопровержимой ясностью видно, что Донские казаки с «повелениями» и «указами» Московского царя, когда им это надо было, мало считались, ставили их по признанию самого царя «ни во что», действовали совершенно самостоятельно, *однолично*, в силу своих Войсковых непосредственных интересов, шедших в прямой разрез и с рекомендациями самой Москвы и с ее интересами.

* * *

Будет уместно остановиться немного на словах — жаловать, пожаловать, жалование, слова, которые проходят красной нитью во всех грамотах и отписках.

Слово это встречается в русской летописи еще под 1330 г., когда пожалование исходило не от Московского царя и не Донским казакам.

«Того же лета пожаловал Азбяк царь (Узбек, хан Золотой Орды) Сарайского владыку, даде ему вся по прошению его»³.

В данном случае смысл этого слова есть тот, что Азбяк (Узбек) — царь *удовлетворил просьбу* Сарайского владыки; этот же смысл, удовлетворить просьбу, а потом также и смысл *заплатить вознаграждать*, слово «пожаловать» сохранило впоследствии и в грамотах Московских царей.

«А нам за такие ваши грубости *жаловать* будет не за что»⁴.

«И государь их (Донских казаков) *пожаловал*, велел того Ивашку Поленова сыскать, для чего он Донским казаком называется»⁵.

«...Чтоб *пожаловати* вас, атаманов и казаков, велети написати 8 икон»⁶.

* * *

¹ ДД, I, 567.

² Там же. 569.

³ Патриар. л., 203.

⁴ ЦД. I. 251.

⁵ Там же, 979.

⁶ Лист., I. 40; за написанье этих икон Донскими казаками было щедро заплачено Московскому царю.

Итак, первые, дошедшие до нас, грамоты Московских царей датированы с 1571 г. В них Донским казакам предлагается служба по оказанию военной помощи Московскому царю, за что он обещает «пожаловать» их своим царским жалованием. В последующих грамотах и размер этого жалования (т. е. платы) ставится под условием — «смотря по вашей службе и радению».

По мере того, как служба Донских казаков становится все более и более существенной, то помимо жалования, и любезности ее становятся шире: «и служба ваша впредь у нас, великого государя, николи в забвении не будет».

Служба Казаков Московскому царю выражалась, судя по его грамотам, главным образом *в защите* Московского государства от его внешних врагов.

Великорусские историки, а вместе с ними и широкая великорусская общественность рассматривают эту службу Донских казаков Московскому царю только как «охрану границ» Московского государства.

Это мнение в этой среде широко распространено и без основания твердо укоренилось, поэтому разубедить их в этом трудно, тем более трудно, что усвоено оно и поддерживается не без затаенной корысти: границы, дескать, ушли далеко, и если Казаки хотят оставаться Казаками, то их надо туда (на границы) переселить, а оставшиеся их земли передать во владение Великорусов.

С таким взглядом на Казаков, как на «охранителей границ», согласиться нельзя.

Хотя в понятии «охрана границ» (служба в прямом смысле слова) и «защита государства» (союз двух государств) и имеется некоторое внешнее сходство, однако понятия эти по существу глубоко отличаются друг от друга.

Охрана границ есть действие более мелкого и поверхностного характера и она не выходит за пределы границ охраняемого государства. Такая охрана выражалась в том, что Донские казаки (отдельные группы, охочие) «лежали на перевозах», промышляли в дороге, и на сакмах, и на реках, и по бояракам на перелазях стояли для языков.

Но когда дело касалось того, как пишется в грамоте Донскому Войсковому Атаману Михайле Татарину, чтоб «в наше Московское государство Крымских и Ногайских людей не пропустить и наших украинских городов и уездов не повоевать, и сел, и деревень жечь, и людей побивать, и в полон имати не дати»¹, или, как в грамоте к Донскому Войсковому Атаману Корнелию Яковлеву писалось: «и вам б, атаманы и казаки(...) обослався меж собою во всех верхних казацких городках ведомостью(...), как лед вскроется, на море по

¹ Липш. I. 25; 1638.

пережнему на стругах выходить, и в которых местах мощно, разоренье чинить, чтоб таким вас, Донского Войска, промыслы хан *ко-нечно* (окончательно) войска свои от *войны отставил*»¹, или же, перечисляя города и места своего государства, на которые «турские, крымские и азовские люди собранием и частыми наступлениями и подбегами» причиняли большой вред Московскому государству. Московские цари Иван 5-й и Петр I просят Донского Войскового Атамана Фрола Миняева, чтоб Донские казаки(...) «собрался всем войском над неприятели всех христиан Турского султана и Крымского хана, под Крым и на иные города, и села, и деревни(...) шли *войною и воинский* промысл над ними *морем и сужим* путем чинили и побивали, и корысть себе и вольный проход на море по прежнему получали, сколько вам всемогущий Господь Бог помочи подаст, и буде те крымские, и турские и азовские люди и ногайцы придут на наши, великих государей, украинные города *войною*, и вам б, атаманы и казаки, потому ж их на переправах, и на перелазех остерегать и воинским промыслом *отвратить* и до украинских городов *не допускать*»², то в этих случаях дело шло уже не об охране границ, деятельности несколько пассивного характера, а именно о защите Московского Государства и притом путем нападения на самих врагов его, уже на его территории, т. е. о своего рода «превентивной войне», на которую сама Москва идти не отваживалась, а отважившись однажды (Перекопский поход кн. В. В. Голицына), потерпела позорнейшее поражение. Необходимость такой превентивной войны подтверждается и тревожным, опасливым тоном («от чего Боже сохрани!») самой грамоты Московских царей.

Поэтому отношения между Доном и Москвой надо рассматривать как *союз*, а не службу (в теперешнем смысле этого слова), ибо самостоятельно защищать войною другое государство может только *союзник*.

Эту форму союза Москвы с Доном заметил и немецкий ученый Коль; он пишет, что «в течении трех веков Россия успешно борется с номадами. Но успехи ее сделались замечательными с момента первого *союза царя с Казаками*»³.

Конечно, этот союз не походил на теперешние союзы, это был союз неписаный, со своеобразными и более простыми отношениями, союз фактический в интересах и Дона, и Москвы, но союз.

Надо принять во внимание и то, что с просто «охранителями границ» не сносятся через Посольский приказ, где «ведались дела окрестных государств и послов чужеземских принимали», и просто охранителям границ не делают чести, как нарочитым чужеземским людям (послам); просто «охранителей границ» (на Москве такие

¹ Лш., I, 80; 1672.

² Там же. I, 142, 144; 1686.

³ Kohl. Reisen in Russland, II, 247, 436, 446; cit. Schnitzler, L'Empire..., 472.

были), царь трижды в год не сажал с собою за свой царский стол, так обходятся только с ценными союзниками.

* * *

Какие же изменения в государственно-правовых и политических отношениях между Доном и Москвою произошли после принужденной присяги в 1671 г.?

Стали ли Донские казаки с 1671 г. «подданными» Московского царя, а Донская «колония» вошла ли она, как это полагает Сватиков (107), в состав Российского государства?

Главным пороком этой присяги был ее несвободный характер, принужденность, лишаящая ее всякого юридического значения.

Четыре дня Донской Круг противоборствовал, не соглашаясь на присягу Москве, но обессиленный интервенцией Степана Разина во внутренние Московские дела, интригуемый частью войсковой старшины во главе с Корнилием Яковлевым и Самарениным, а также угрожаемый московским вооруженным отрядом, находившимся на Донской территории, Круг принужден был сдать.

Наиболее чуткие к своей независимости Казаки, знавшие к тому же и подоплеку дела, так тогда и говорили: «продали Дон за соболя».

* * *

В определении отношений, установившихся между Доном и Москвою после присяги, надо обратиться к тексту самой присяги, подписанной *против своей воли* Донскими казаками в 1671 г.

Мы не имеем полного текста этой присяги, в изданных «Донских Делах» она почему то не помещена, а по выпискам мы судить о ней не беремся. Присяга 1671 г. не была общей, на подданство, она была по всей видимости специальной; на Москве бывали такие специальные присяги, как напр., для спальника, для стольника и для других чиновников царя; давались специальные присяги также и иноземцами, приходившими на Москву служить царю.

Что она не была общей, на подданство, это видно из того, что и после этой присяги сношения с Доном попрежнему продолжали вестись чрез Посольский приказ, а потом чрез Коллегию Иностранных Дел, Приказ заменившую, т. е., все время чрез Министерство Иностранных Дел, говоря современным языком.

Если сравнить что случилось с Украиной после ее вступления в подданство Московскому царю в 1654 г., то последствия присяг Донской и Украинской резко обнаруживаются: появление на Украине постоянных московских воевод с войсками, взимание налогов и даже назначение гетману Украины определенного местожительства под охраной... московских войск.

Об инкорпорировании Дона, т. е., о вхождении его в состав Российского государства, можно говорить лишь с того момента, как

сношения с Доном из Коллегии Иностранных Дел были переведены в Коллегию Военную и Донской Атаман стал назначаться центральной властью (т. е. только после разгрома Дона Петром), до этого же времени Дон был отдельной, самостоятельной Казачьей Республикой.

Стала ли Донская Казачья Республика после принужденного принесения ее гражданами присяги в вассальное положение у Московского царя?

О превращении Донской казачьей республики в вассала Москвы также речи быть не может — нет главного элемента вассалитета — лена, ибо «Дон зачался казачьими головами», т. е. власть его была производной и на земле своей, но эта принужденная присяга 1671 г. тем не менее была первым ущемлением суверенитета Донской Казачьей Республики.

Хотя Республика и продолжала еще некоторое время действовать самостоятельно и независимо от Москвы и вести свои сношения с другими государствами (союз с Польским королем 1685 г.), однако эти действия совершались уже больше по инерции, чем по праву, и на основании присяги 1671 г. Москва могла уже требовать прекращения таких сношений. И она и стала требовать их.

ОТНОШЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫЕ

Рассматривая церковно-религиозные отношения между Доном и Москвой, не следует смешивать церковно-административных отношений, связь чисто внешнего, так сказать формального порядка, с отношениями *духовно-религиозными*, связь порядка внутреннего, духовного.

* * *

Была-ли у Дона *религиозная*, внутренняя тяга к Москве?

У Дона с Москвой связь была только чисто формальная, церковно-административная, да и то характера поверхностного, обуславливавшаяся лишь единством церковного управления.

Дон долгое время не имел своего особого епископа; его территория в разные времена находилась в разном подчинении: сначала она входила частью в Рязанскую епархию (Черлениый Яр и Хопер с Вороной и до Дону), а частью в Сарайскую, потом и верхняя часть Дона вошла в Сарайскую и, наконец, эта спорная верхняя часть его вновь и надолго вошла опять в Рязанскую епархию.

Впоследствии территория Дона была патриаршей областью, т. е., она находилась в непосредственном ведении самого патриарха, не будучи подчиненной какому бы то ни было епископу. С какого именно времени началось это подчинение патриарху, — сказать трудно.

Начатки единства с Москвой в смысле церковного управления надо отнести к тем временам, когда между Доном и Москвой начались более или менее регулярные политические отношения, и тогда Дон стал патриаршей областью, т. е. после возведения Донскими казаками на Московский трон династии Романовых, а вернее всего с возвращением митр. Филарета из Польского плена. Быть патриаршей областью считается выше, чем если-бы Дон был в ведении епископа.

Дон обращался по своим церковным нуждам непосредственно к самому Московскому патриарху и притом обязательно через Посольский приказ, чем Казаки подчеркивали свою политическую независимость от Москвы.

Дон просил патриарха то о рукоположении в священники лиц,

ими самими избираемых, то о написании икон¹ или о поправке обветшалого переплета евангелия, то об отлитии колоколов, о присылке антиминсов, церковных книг, то о разрешении восстановить храм (напр., в Азове, после его взятия), или-же просили субсидий на постройку их; вот, собственно, круг тех церковно-административных отношений, которые существовали между Доном и Москвой.

Постепенно уничтожая Донскую независимость, сводя Дон сначала на положение провинции, а потом и области, в 1718 г. в церковно-административном отношении он целиком был подчинен Воронежскому епископу и тем самым он стал частью обычной епархии, и только в 1829 году была учреждена самостоятельная Донская епархия. При открытии ее, в нее вошли Черноморское Войско и Кавказская область с титулом архиерея Новочеркасского и Георгиевского, название по городам, согласно церковной традиции.

Само-же духовенство на Дону, вероятно, не особенно многочисленное, в противоположность духовенству на Москве, не вмешивалось в политическую жизнь, но оно и не было политическим орудием в руках Круга, как на Москве оно было орудием в руках вел. князя или царя; духовенству предоставлены были дела веры, а материальные заботы о церкви и все ходатайства о церковных делах исходили непосредственно от самого Круга; церковь, вернее религия, была отделена от государства.

О Борщевском м-ре в Воронежских актах под 1696 г. говорится: «Боршов Троицкий м-рь, а строили тот м-рь Донские казаки и был под властью Донских казаков Атамана Фрол Миняева с товарищи». (Звериновский, 680).

Насажденные в России Синодом церковно-приходские школы, в том числе и на Дону, после революции 1917 г. Донским Кругом были обращены в «министерские», т. е. образование сосредоточили в светских руках, оставив в школах нетронутым образование религиозное.

* * *

Что-же касается *религиозной тлги* Дона к Москве, то ее никогда не было. Да ее, собственно, и быть не могло ввиду диаметрально противоположного воззрения у Дона и у Москвы как на религию, так и на само ее восприятие. Это обуславливалось сущностью их духовной природы: Великорусы (Московитины) — ма-

¹ Интересен перечень икон: Иоанна Предтечи, очевидно, в воспоминание Азовского Сиденья, Архангела Михайла, покровителя военного искусства, Николая Чудотворца — олицетворение казачьего гуманизма, Алексея, человека Божия, Тихона, чудотворца и архидиакона Стефана, но нет ни одного имени из «великих чудотворцев, просиявших в Российском царствии. Казакам они, видимо, были совершенно чужды.

териалистичны¹ и формальны², а потому эгоистичны и жестоки, Казаки-же более духовны, почему и альтруистичны, и им присущ реальный гуманизм, Москве-же идею подлинного гуманизма всегда прививались очень туго.

Соловьев упомянул, что Разин понимал, что «церковь на Дону является одной из важнейших связей Дона и России». Но это мнение Соловьева поверхностно и ошибочно; если Разин и вез с собою на Москву опального патр. Никона и царевича Алексея (в то время уже умершего), то это вовсе не служило выражением религиозной тяги Дона к Москве, а то было просто его политическим маневром; самого-же Разина тянуло к Соловкам и он их посетил (не указывает-ли это на то, что предки его были Новгородскими выходцами, в семье которых сохранялась жгучая ненависть к Москве²); туда-же, в Соловки, почему-то ушли и остатки его армий.

Лавров утверждает, что у Донцов духовная связь все-же крепче была с Киевом, чем с Москвой (Лавров, 14), и это его мнение подтверждается тем фактом, что *массовое* народное паломничество Донского населения всегда было ко святым местам в Киеве, но не к Москве, куда его никогда не тянуло.

С Дону было паломничество и к Соловецкому м-рю, так ска-зать через голову самой Москвы.

Сохранились Войсковые отписки, в которых Войско Донское просит Московского царя дать Казакам «проезжую грамоту» (иностранный паспорт) на проезд в Соловки, потому что «оброчники они итти к Зосиму и Советею Соловецким начальником помолитца, и оброк з души своей свесть они хотят»³. (ДД, 911; 1639). Очевидно, находясь в каких-то трудных боевых обстоятельствах, Казаки давали обет, обрекали себя почему-то именно на это далекое и трудное путешествие к Соловкам, а не к Москве.

Когда они возвратились оттуда, то просили дать им другую проезжую грамоту, ибо «обещанье-де их помолитца Живоначальной Троице в Тамбовском да в Шапком уездах, в Чернееве монастыре Николе Чудотворцу». (ДД, 928; 1640).

Этот монастырь, как уже упоминалось, один из старейших известных казачьих монастырей, основанный около 1573 г. Донским казаком иеромонахом Матвеем.

¹ Как пример скаредности Московских вел. князей Карамзин приводит такую выписку: «и кн. великий послал против (на встречу) Ногайского посла Юшка Юдьячего, а велел ему давати послу корм на стану по два барана, а овчины назад отдавать». (Карам., VI, пр. 308).

² Анна Кашинская за свою благочестивую жизнь и добрые дела была канонизирована; но как только заметили, что на иконе она изображена двуперстным знаменем, ее расканонизировали, и вся ее святость и добрые дела полетели прахом.

³ Маршрут им был дан такой: Переяслам-Залесский, Ростов, Ярослав, Вологда, отсюда рекою Сухоною, через Тотьму, Великий Устюг, затем Северною Двиною через Холмогоры, Архангельск и морем в Соловки.

И у казачьих монастырей, находившихся уже в пределах Московского царства, связь была опять таки с Доном, а не с Москвой; это подтверждается тем, что в случае какой либо нужды их, они обращались не к Москве, от которой зависело удовлетворение этих нужд, а непосредственно на Дон к Войсковому Кругу, а Круг уже от себя чрез Посольский приказ просил патриарха удовлетворить эти нужды.

Четыре из удаленных от Дона монастыря обратились в 1625 г. с просьбой к Кругу, чтобы им дали меди на колокола. «А иные пушки поимали (у Азова) розбиты, и они тою медь послали по убогим монастырем на Воронеж, в Шацкой, на Лебедянь и к Святым Горам на колокола; а были из тех монастырьков им о том челобитчики, что им взять негде». (ДД, 236).

Три первые монастыря были расположены гораздо ближе к Москве, чем к Донскому центру, однако они обратились к Дону, что свидетельствует об их тяге к нему, а не к Москве.

Эта тяга к Дону объясняется ничем иным, как отрицанием характера церковной жизни на Москве: это есть пока, может быть, еще смутные и неофициальные стремления к автокефальности Дона.

Сватиков, как и пр. Соловьев, утверждают, что «религиозная связь колонии с метрополией духовно была одной из самых крепких». (93).

Однако в этом утверждении в дальнейших своих рассуждениях он уже противоречит сам себе, указывая на стремление Дона к автокефальности, что само собой понятно опровергает «крепость» религиозной связи Дона с Москвой.

Дальнейшие рассуждения Сватикова по этому вопросу очень ценны и мы их приводим целиком.

«В 1680 годах раскольничьи вожди на Дону проповедывали, что — «отпадшие веры (суть) Рим, Польша, Киев с товарищи. Греки, Москва; только осталася благочестия мала ветвь на Дону; и от той ветви расцветет многое благочестие». ...Тогда же «умышляли» на Дону: «учинить на Дону особого патриарха или епископа».

«Подобное стремление было логическим выводом из положения церкви на Дону. Тесная связь клира с населением, выборность всех священно- и церковно-служителей, эта своеобразная самостоятельность церковного управления — естественно увенчалась-бы созданием особой епархии или даже автокефалией Донской церкви».

«Автономистские стремления, продолжает Сватиков, Донского казачества в области духовного управления были весьма сильны. В XVIII-м веке Дон был подчинен в духовном отношении епископам Воронежским, но прошло около полутора века, пока удалось подчинить Донское духовенство непосредственно ведению епископа, изъявши его окончательно из-под власти Войскового начальства. Весь XVIII-й век наполнен довольно бесплодной борьбою епископов Воронежских с Войсковым начальством из-за власти над ду-

ховенством. Население-же Дона, казачество, заявляло: «мы и вашего архиерея не боимся для того, что не у него в команде...» Верхне-Чирской поп укорял присланного в монастырь, по назначению епископа, управителя: «Ты к нам в управители определен без нашего выбору; нам ты негоден, делай по нашему, что нам угодно, а не по твоему. Нет, здесь — Дон, Донщина». (93-94).

Такую духовную и церковную независимость Дона Москва почувствовала уже в конце XVIII века и начала борьбу с ближайшего к себе объекта, именно казачьих монастырей, расположенных в пределах самой Московии.

По поводу ходатайств Донского Круга о нуждах казачьих монастырей, находившихся на Московской территории, в 1685 г. последовала от Ивана 5-го и Петра 1-го на Дон довольно грубоватая грамота: «и вы б впредь в такие ненадлежащие вам дела не вступались и к нам, великим государем, не писали(...) для того, что такие дела вам, атаманам и казакам, не подлежат», с самими-же монастырями и монахами было поступлено совершенно грубо.

И в настоящее время в эмиграции, вне действий московитинского гнета, в казачьей остроочувствующей среде воскресает идея прежнего стремления Дона к автокефальности.

Это стремление Казаков к автокефальности заслуживает-ли оно осуждения и от кого?

В свое время Единая Апостольская Соборная Церковь раскололась на-двое: на кафолическую и на католическую; от кафолической церкви, центр которой был в Константинополе (Царь-граде), откололась Москва, став автокефальной, тем самым углубя раскол в единой Христовой церкви; создавшееся было во Флоренции единение этих двух крупных церквей, кафолической и католической. Москва грубо отвергла.

Здесь, за границей, Московская церковь раскололась еще на три клана, след., идя за ней, Казаки, а так-же и Украинцы тоже должны разбиться между собою на три клана, а они этого не хотят: в самой-же Москве церковь стала с богоборческой властью более чем в примирительные отношения.

Видя такое нестроение в Московитинской церкви, к тому еще мнящей себя третьим Римом, и помня, что «только осталась благочестия малая ветвь на Дону», вправе-ли Казаки добиваться своей, казачьей, автокефалии и вправе-ли теперь Москва, сама отложившаяся и установившая свою автокефалию, вправе-ли она осуждать других за их стремление к автокефальности?

Несколько непонятной представляется таинственная тяга Донских казаков к Соловецкому м-рю, лежащему на весьма далеком от них севере. Что тянуло их туда, подобно птицам, инстинктивно поднимающимся с теплого юга и летящим на далекий, холодный и неуютный север?

В этом случае, естественно, пока могут быть одни предположения.

Основателем Соловецкого м-ря был инок Белоозерского м-ря, Саватий, пришедший на Соловки в 1429 г. и никому не сказавший ни о своем происхождении, ни о месте своего рождения.

В грамоте от 1395 г. относительно дел Белоозерского м-ря, тогда еще совсем малолюдного, говорится: «а монастырский люд был Иван Кощев да Олюша Филипов, да слуг (послушник) монастырский *Казак*». (Срезневский, слово «Казак»): всего три человека; из них двое названы по имени и фамилии. Возможно предполагать, что третий, Казак, и был Саватий; промежуток времени в 34 года от 1395 до 1429 г., когда он появился в Соловках, в данном случае не имеет особого значения, так как Саватий был в то время человеком еще молодым; кроме того он был и на Валааме.

В районе оз. Лача, недалеко от Белоозера, находятся города Каргополь, Турчасов, Усть-Моша, Мехренга; во времена Бориса Годунова там было много Казаков, называвшихся так не по профессии, не по занятию, как любят то подчеркивать Великорусские историки, каковой профессии тогда и не было, а по своему *народному* имени: «...а держати таможенником в Каргополе и Турчасове Казаков¹ по штидесяти (60) человек, или сколько будет им надобе, а опричь тех Казаков соли никому не передельвати; а хто мимо их учнет соль передельвати опотаи (тайно) ...с тех полагался штраф (СГГДП, 135; 1598).

Второй основоположник Соловецкого м-ря, Зосима, был Новгородец, из села Толвуй, название то-же тюркское, как и Каргополь, и Турчасов².

Разогнанные ужасающими погромами вел. князей Московских Ивана 3-го и Ивана 4-го, Новгородцы разбежались по разным местам; насильственно-же выведенные из Новгорода и поселенные на окраинах Московского государства, бежали на Дон, Терек, Яик, причем бежали лучшие люди; на Дону было построено немало деревянных храмов в чисто Новгородском стиле, как об этом свидетельствует акад. Ознобишин. Вот эти-то бежавшие на Дон Новгородцы, ставшие Казаками, а вернее всего бывшие ими в самом Новгородском гос-ве, и сохранили память о «начальниках (основателях) Совете и Зосиме», им близких и родных по духу.

¹ Если полагать, что слово «казак» значит работник, наемник, которым мог быть всякий и Московитин, и Финн, и Лапонец, то тогда почему-же говорится «опричь Казаков» соли никому не передельвать? Несомненно, что доверие было только к Казакам, как особому народу, жившему там, (особенно если вспомнить, что Новгород некогда был занимаем Турецкой нацией), а не коренному населению, так как оно при «переделке» соли ее, как монополизированный товар, разворовывало.

² Слово «карга» тюркское и значит «ворона»; Турчасов — корень слова — «түрк»; звук «к» смягчен в «ч», как и в словах — казак-казачий, бижук-бижучий и т. д.

Такие факты, как паломничество Донских казаков в Киев и в Соловки, а так-же и существование отдельных от Москвы казачьих монастырей, указывают на особое от Москвы отношение Казаков к самой религии и на особое восприятие ее ими, а это подтверждает, что первоначальный источник казачьего христианства лежал в каком-то другом месте, чем Москва.

Уместно будет напомнить, что у «Киргизов», т. е. Средне-Азийских Казаков, а так-же у Уйгуров, Найманов, вошедших в Казачью Орду, христианство (несториане) существовало.

Донские казаки часто бывали на Москве и знали то, что творилось в тамошних монастырях, знали и то, что духовенство на Москве было только прислужником режима, почему они чуждались их, основывая свои казачьи.

Казаки были народом подлинно религиозным, вопреки всяким инсинуациям на них, особенно некоторых Великорусских историков: тех антирелигиозных неистовств, которые прокатились по всему лику «святой» Руси, у Казаков не было, и в настоящее время казачьи храмы разрушены или обращены в склады, или в синагоги, не Казаками, а Великорусскими.

Когда дворяне, помещики, прослышав о приближении войск Степана Разина или Емельяна Пугачева, покидали свои поместья, то часть ценного своего имущества прятали в церквях; крестьяне и холопы про это знали, и как только приближались казачьи войска, то крестьяне, еще до прихода их, разграбляли это имущество, а слава об этих «грабежах церквей» ложилась на Казаков.

* * *

Христианство было воспринято в Киеве в тот период, когда оно в самой Греции было уже разложившимся; в этом виде оно перенесено было и в Москву (Федотов), где оно подверглось еще влиянию и шаманства; в Подонском-же населении господствовал дух восточного чистого православия, тогда как на Москве возобладали свой дух — дух гордыни¹ и внешнего обряда и все это выродилось в чванство и материалистичность, глубоко проникшие в сознание и самого духовенства и правящей верхушки.

Сравнивая эти два духовных мировоззрения — казачье и московитинское — можно видеть ту глубокую пропасть, которая лежала между ними, и правы были те казачьи старцы, которые видели, что только на Дону осталась малая ветвь благочестия.

Христианство на Дону существует гораздо раньше, чем в Киеве и в Москве. В Киевской Руси оно введено в 988 г., хотя частично оно существовало там и раньше этой даты, на Москве-же оно стало распространяться с 1200-х годов, тогда как на Дону оно было уже давно.

¹ «В последний свой век она (Русь) горделиво утверждала себя, как святую, как единственную христианскую землю». (Федотов, 204).

Еще в 547 и 787 гг. Готы, жившие на берегу Черного моря, в Крыму и частично в низовьях Дона, имели свою епископию, и в Крыму образовалась Готфская епархия, возведенная при имп. Андронике Палеологе (1283—1328) в степень митрополии; титул ее сохранялся в Крыму еще в 1721 г., там был Парфений, именованный митр. «Готфийским и Кафайским». Екатерина 2-я писала на имя Игнатия, именуя его так-же митр. Готфийским и Кафайским. (Бутков, 266).

Кроме того, на юге были митрополии Аланская, Команская, Цихийская, Зихийская), Русийская, след., христианство на юге было довольно распространено с древних времен.

Карпин и Рубруквис говорят о многих христианах и в Азии. Найманы, впоследствии вошедшие в состав Казачьей Орды, были христиане (несторянцы); Уйгуры и соседи их Хакасы, а эти последние были ядром средне-азиатских Казаков, будучи сами язычниками, частично исповедывали христианство, то-же несторянцы. Хозары занимали Волгу и Дон; их коган, первоначально и сам принявший было христианство, но потом переменявший его на иудейство, просил Византийского императора прислать христианского проповедника, и туда, как известно, был послан Кирилл, который и вел там проповедь.

Таким образом корни восприятия идей христианских и отношении к нему у Казаков были иными, чем у Великорусов.

По покорении финских племен и по принятии ими христианства, обычно насильственное, просто «метали в воду», очень отразилось и на самой религии и на отношении к ней со стороны самих Московитинов, в нее вошло многое от язычества (шаманство)¹.

Это особое восприятие христианских идей обратилось у Донских казаков в *реальный гуманизм*², как противоположность московитин-

¹ Обращение Московского царя Василия Шуйского (в «Смутное Время»), христианина, к языческим шаманам за советом, как поднять боеспособность московских ратных людей, есть факт чрезвычайно характерный для московского православия.

² Автору самому пришлось испытать этот гуманизм в случае не «великом», но очень характерном.

Во время войны 1914 г. автору было поручено и распределение по казачьим хозяйствам прибывавших военно-пленных. Порядок мной был установлен такой: если в семье был кто убит, или находился на войне или был в плену, то эти семьи получали военно-пленного вне всякой очереди, а оставшиеся затем распределялись по жребию.

У одной казачки сын был в плену; зная, что она получит пленного вне очереди, она привезла с собою всякой едн, в которой тогда уже чувствовалось некоторое стеснение. Получив пленного, Казачка стала подчивать его и притом с такою радостью и сердечностью, как будто это возвратился из плена ее сын.

Я подошел к ней и потихоньку сказал ей, что неудобно делать так, он все-таки враг, а она мне с легким укором в голосе отвечает: «И-и, родимый а там мово хто нибуть покормить».

Признаюсь откровенно — я отошел от нее пристыженным.

скуму материализму, в чистое благочестие, как противоположность московитинскому ханжеству.

Московский царь в своих династических интересах в 1630 г. предложил Донским казакам идти под командой турецких пашей (магометан) воевать землю Польского короля (христианина) его, Московского царя, недруга, на что Казаки с большим достоинством ответили ему, что они от Божией милости неотступники, что истинную православную христианскую веру они помнят и крепко держат и что они никогда, как прежде этого, так и ныне не хотят и не желают вместе с магометанами делать между христиан кроворазлития.

На нравственность Московитинов христианство влияло туго.

Флечер, как и много других писателей, все они единогласно указывают на крайне невежественное состояние московитинского духовенства: это подтверждают и такие видные великорусские историки, как Карамзин, Ключевский, Платонов.

Так Флечер говорит: «Впрочем о последнем (о половом невоздержании) я и говорить не стану, потому что оно так грязно, что трудно найти для него приличное выражение. Все государство преисполнено подобными грехами¹. И удивительно-ли это, когда у них нет законов для обуздания блуда, прелюбодеяния и других пороков».

Тогда как в ту-же эпоху у Казаков, напр., в отряде Ермака, у этих «грабителей и разбойников» — «блуд и нечистота в них в великом запрещении», и если кто согрешит, то того «обмывали и три дня держали на цепи». (Сибир. Л., 315—316), все таки была санкция, наказание.

И откуда на Москве могло появиться истинное благочестие и законы о блуде?

На каком низком моральном уровне находились московитинские монастыри (монастыри!) видно из ст. 49 Стоглава, цитированной Карамзиным: «а по келиям-бы молодых робят голоурых однолично не держали; (...) а у которых попов или черньцов увидят или вымут жонцу или девпу в келии и тем изверженными быти». (Карам., IX, пр. 824).

К религии и к самому богослужению на Москве не было даже внешнего уважения.

«Около 9 ч. утра идет он (Московский царь) в другую церковь в Кремле, где священник с певчими отправляет полное богослужение(...) и в это время царь обыкновенно разговаривает с членами Думы своей, с боярами или военачальниками, которые о чем либо ему докладывают, или же сам отдает им свои приказания. Бояре также рассуждают между собою, как будто бы они находились в Думе». (Флечер, 105).

¹ Флечер утверждает, что мужики и бабы, выходя из царского кабака, тут-же на улице предавались непотребству.

Петр 1-й с его «всешутейшим Собором» и с его знаменитым дикирием, выточенным им самим, еще более углубил неуважение к религии и церкви.

Елизавета Петровна вынуждена была издать закон (1749 г.), в силу которого на всякого, невзирая на то, какое-бы он высокое положение не занимал, на всякого разговаривающего в церкви, приказано было надевать железные ящики с цепями. (Рус. Стар., 1877 г., XVIII, кн. III, 530).

Иное отношение к храму было у Казаков.

Когда Донской Круг постановил привести посла Московского царя Лыкова на заседание Круга, то посланные узнали, что посол находится в часовне на молебне. Посланные не позволили себе войти в часовню и объявить ему об этом, они ждали его выхода и только в воротах ограды часовни, при выходе его, они объявили ему об этом.

«...и после молебна, доносит посол в Москву, как назад пошел в воротах есаулы их и казаки Василий Зевака с товарищи, взяли к себе в Круг неволею». (ДДIV, 242).

Русскую небрежность к религии подтверждает и Посошков: «...и так было до нынешнего 1723 г. в церквах пусто, что и в недельный (воскресный) день человек двух-трех настоящих прихожан не обретається» (9). Объясняет это он «пресвитерским небрежением».

Оно и понятно. Флечер про это пишет: «Что касается до объяснения в проповедях слова Божия, поучения или увещаний, то это у них не в обычае и выше их знаний, потому что все духовенство не имеет совершенно никаких сведений ни в других предметах, ни в слове Божием». (Фл., 82).

Он передает свою беседу с одним епископом. Заметив его круглое невежество, он задает ему вопрос: «Сколько было евангелистов нового завета?». Не знает. «А апостолов?» — По моему мнению двенадцать, отвечает епископ. «Зачем вы постриглись в монахи?» спрашивает удивленный Флечер. «Для того, чтобы покойно есть хлеб свой». (87).

Об этом-же невежестве московитинского духовенства говорит тот-же Ив. Посошков, спустя 125 лет после Флечера.

«Видел в Москве пресвитера из знатного дома боярина Льва Кириловича Нарышкина, что и Татарке против ея задания ответу здравого дать не умел, что-же может рещи сельский поп, иже и веры христианские, на чем основана, не ведает». (с. 10).

Другой взгляд на церковно-служителей был у Казаков. При выборе себе священника они руководствовались христианскими качествами своих кандидатов; та краткая характеристика их — «духовен, смирен и неупоец» — лучше всего подходит к их взгляду на священно-служителей, и характеристика эта, видимо, является резким антиподом московитинскому духовенству.

«Будучи сами невеждами во всем, продолжает Флечер, они ста-

раются всеми средствами воспрепятствовать распространению просвещения, как-бы опасаясь, чтобы не обнаружилось их собственное невежество и нечестие. По этой причине они уверили царей, что всякий успех в образовании может произвести переворот в государстве, и, след., должен быть опасным для их власти»¹(83).

Это сознательное держание народа в невежестве стало как-бы традицией великорусской верхушки.

Соловьев говорит, что архиереи из Великорусов закрывали школы, открытые на Руси архиереями из «Малорусов»; в другом месте он упоминает, что Сенат принужден был отказаться неволить к тому (чтобы крестьяне учили детей) и горожан, потому что в эти годы горожане начинают заниматься торговлей, и от приневоливания к учению может быть ущерб податям. (Публ. чтения, 1075, 1111).

В начале 1880 г. на Дону закрываются казачьи гимназии и прогимназии. Когда Воронежское губер. Земство постановило ввести в течении десяти лет всеобщее в губернии начальное образование и об этом проэке доложило Николаю II-му, то он положил резолюцию: «Надеюсь, что Воронежское губ. земство трезво отнесется к своему проэктору». Проэкт, разумеется, был похоронен.

* * *

Особенно выпукло обнаруживается разница в восприятии и осуществлении идей христианства у Дона и у Москвы в отношении к Московитинам-полоненникам.

Крымцы, Ногайцы, Азовцы своими постоянными набегами увозили из украинских городов Московского государства много жителей; своими контратаками Донские казаки их часто освобождали; кроме того к ним-же приходили из Ногаев и других мест вырывавшиеся полоненники: приходили к ним и «скудные (бедные) люди от Хмельницкого».

Этих несчастных полоненников Донским казакам приходилось отправлять за собственный счет, собирая деньги «с братья своей, себя оскудя».

Но этого мало. «Да они ж де, государь, Донские казаки», допосит парицинский воевода, «отпущают з Дону Казаков с русским полоном(...) до украинских городов провожать (для охраны), которые, государь Русские полоненники выходят из полозу на Дон из Азова, и из Малова Ногаю, из Козыева улусу, и тех, государь, Донских казаков, *провожаютых*, по украинным городам воеводы велеть *сажать в тюрьму*, а иных де, государь, отдавали за *приставы*»². (ДДІ. 339: 1632 г.).

¹ Устроенную Иваном 4-м типографию, которую он привез из Польши, ночью сгорела. Вся Москва обвиняла в этом варварстве духовенство.

² «Отдавать за приставы» означало надеть кандалы или колоду.

«И твоей, государские отчины», пишут Донские казаки в 1637 г., «украинных городов в том граде Азове пленных православных крестьян (христиан) тысячи с две освободили и покаместо, государь, у нас наша мочь была, и мы их на Русь, покупая запас и наимуя суды, отпускали, а иных пленных людей мочь наша в твою государеву отчину в украинные города отпустить не взяла, и разобрали тот русский полон по своим домам и с ними, государь, голодом измираем, запасов нету». (Лип. I, 17; (1637).

«А хлебные запасы блудем»¹, пишут Донские казаки, «для ради невольников, которые невольники выходят ис Турской, из Крымской земли, из Ногаю, и от Хмельницкого² приходят скудные люди, и мы, государь, тем невольником хлебной запас даем. И которые Запорожские казаки от Хмельницкого приходят и тем Запорожским казакам тем же запасом дуваемся» (ДДУ, 25; 1655).

Когда Московский царь осаждал гор. Смоленск, в 1655 г., то Донские казаки, чтобы предупредить подъем Крымского хана на помощь Польскому королю, бросились на Крым и Тамань и привезли оттуда много невольников как Русских, так и Черкасов; и они их кормили и поили от Войска из тех-же скудных запасов, отпуская со своими провожатыми в Киев и в Полтаву (ДДУ, 47; 1655), но там провожатых за приставства не отдавали.

Иное отношение к тем-же полоненникам было со стороны самих Московитинов.

Стрелецкий сотник Федор Есипов, посланный для принятия полоненников, побросал у Монастырского Яру и русский полон и суда, которые Казаки хотели отправить на Москву.

Московитинское черное духовенство обладало почти третьей частью лучших земель Московского государства; однако мы не видим, чтобы черныцы беспокоились о полоненниках и вообще о народе, за весьма редкими исключениями: монахи в массе были оборотистыми купцами, но проповедью слова Божия и культурной работой не занимались.

На Москве от всех бед освобождались Доном и монастырем: какое-бы ни было совершено преступление (кроме измены) за монастырскими стенами оно оставалось безнаказанным, уйдя-же на Дон, даже и от наказания за преступление, там он находил суровую и часто опасную жизнь, в московитинском-же монастыре такой человек мог жить с некоторыми «удобствами», но все то чистое, светлое и возвышенное, что было в некоторой части московитинского монашества, а оно было в малом числе и вело борьбу, оттуда изгонялось, заковывалось в кандалы или сожигалось на костре, как «еретики». «Грешника и еретика руками убити или молитвою едино

¹ Запасов было прислано очень мало и Казаки их недували, а положили «в казну».

² Очевидно о тначавшегося московитинского хозяйничества в Украине, так как это было в 1655 г.

суть», так проповедывал Иосиф Волоцкий, трижды канонизированный «святым».

Тунеядство, лень, пьянство и разврат были общей характеристикой московитинских монастырей.

Федотов охарактеризовал это в точной и сжатой формуле: «на Руси жестокость, разврат и чувственность легко уживаются с обрядовой строгостью». (Федотов, 203).

Учреждение Казаками своих отдельных от Москвы монастырей имело другие цели, чем на Москве. О них говорится в отписке Донских казаков Московскому царю; они жаловались ему на разорение своих монастырей и на хищения в них русскими игуменами.

В этой отписке сказано, что строили они омастырь «своею Войсковою козною», и что у них «исстари х тому твоему царьскому богомолью, к великому Чюдотворцу Николе в Чернев монастырь войсковые наши вклады и строенье многое, и при старости и при болезни и от ран увечным только, государ, у нас и прибежища з Дону *постригитися*, что тот Чернеев монастырь (ДДУ, 137 и 147; 1656).

Цели построения отдельных казачьих монастырей оправдывали свои христианские и чисто гуманитарные назначения: старым, больным и от ран увечным надо-же было где-то преклонить свою голову, и таким людям едва-ли требовалось присутствие в кельи других элементов, посторонних монастырю.

На Москве религия воспринималась внешне, формально; она мало возвышала сердце и не подымала нравственности. «У русских ничего нет высшего (возвышенного), все для себя», так охарактеризовал их Максим Грек.

Отказ от принятия в залог священных предметов, принесенных Троицкими старцами за неуплату жалования, обнаружил у этих босых, нагих и голодых Казаков более тонкое, чистое и возвышенное чувство религиозности и уважения к предметам культа, чем у самих старцев, непостеснявшихся обратить эти священные предметы в полукоммерческую сделку, и этот отказ от залога еще более подчеркивает отсутствие подлинной религиозности и грубую материалистичность и у самой дворянской рати, так называемого «Земского» ополчения, у этих «трапезолюбителей», знавшей о том залоге и непожелавшей внести только 1.000 рублей, сами-же Ополченцы располагали большими денежными средствами и другими материальными возможностями.

Котошихин тоже неслестно отзывается о своих соотечественниках: «Российского государства люди породю своею спесивы и необычайные (неспособные) ко всякому делу, понеже в государстве своем научения никакого доброго не имеют и не приемлют, кроме спесивства и бесстыдства, и ненависти и неправды» (с. 42).

Крижанич («стрыженный поп») столкнувшись с Русскими, вынес о них самое грустное впечатление.

«Огорченный всеми этими недостатками», пишет о нем проф. Ключевский, «Крижанич готов отдать преимущество перед Русскими даже Туркам и Татарам, у которых он советует Русским учиться трезвости, справедливости, храбрости и даже стыдливости» (Ключ., III, 323).

Любостяжание, корысть были могучим двигателем в церковной иерархии, составлявшейся из черньцов. Святой Алексей не чужд был сребролюбия. «Черкизово село купил на свое серебро», так своеручно записал он сам о себе и притом не без претензии на стихотворный размер и рифму; предшественник патр. Никона имел 10.000 крепостных крестьянских семей, сам-же Никон обладал 25.000 семей¹, Троицко-Сергиевская лавра имела их 100.000.

Когда Нил Сорский на Соборе 1503 г. потребовал, чтобы «у монастырей сел не было, и жили-б черньцы по пустыням, а кормились бы рукоделием», то против него поднялась буря и ему в конечном счете пришили ересь.

(У Московитинов создалось нечто вроде традиции: когда с кемнибудь из светских лиц надо было свести счеты, то ему обычно пришивали измену, в духовной-же среде — ересь).

Во время атаманства Кондратия Булавина на Дону в Черкасском, скопилось много бедноты, и церковь дала ему всю свою наличность, 20.000 руб., сумма по тем временам значительная, которая была роздана нуждающимся.

Подлинного смирения в Московитинском духовенстве не было, чванство-же было не менее могуче, чем любостяжание. Митр. Иона, то-же «святой», сделал выговор Полоцкому владыке за то, что он назвал Иону в своем послании к нему «братом»; большинство поступков — даже таких, как сомнение в его (Ионы) чудотворной силе, при его жизни, или умолчание о его видении — наказывалось смертью: не спасало и покаяние. (Федотов, 119)².

Но высшее проявление чванства Московитинского духовенства это — в летнюю жару ездить в церковь на санях.

Котельников, по сказаниям стариков и собственным наблюдениям, пишет, что у Казаков «в частных обидах и жалобах друг на друга миротворение было главным делом. Атаман и старики сами кланялись в ноги тяжущимся, чтоб помирились, а не ездили б судиться в Черкасск». (Чтения, 1863 г. № 3, с. 19).

Дальше он пишет, что «Есаулы, Сотники и Хорунжие выбирались в полковом кругу...; по приходе-же из службы домой счи-

¹ «Особенно широко жил сам Никон, выстроивший себе дворец исключительной роскоши. У него были свои золотых дел мастера, портные, кузнецы, каменщики, столяры, живописцы и 25.000 крестьянских семей. И до того весело проводил свое время среди этой роскоши патриарх всеа Руси, что даже сам царь вынужден был ставить стрелецкие караулы к его покоям, дабы держать святителя в пределах хотя некоторой пристойности». (Наживин. «Казачья», 231).

² Более подробные сведения у Федотова.

тались наравне с прочими Казаками». (27).

«А отличные наездники славились по полкам под именем «царских слуг», кои и полковыми старшинами быть не соглашались». Когда им предлагали чин Донского полковника, они отказывались, «уходя в отставку Казаками». (т.-же, 27).

Объясняет он это «по смиреномудрию не превозносить себя тщеславием». Как это далеко от Московских святителей.

* * *

Помимо низкого уровня великорусского духовенства и низкого морального состояния самих монастырей, у Донских казаков не могло быть расположения и, след., не могло быть и духовной тяги к московитинско-великорусской церкви, еще и по напористому стремлению черныцов к захвату казачьих земель и угодий, а так-же и по постоянным клеветническим доносам на Казаков со стороны некоторых представителей московитинского духовенства.

До нас дошли некоторые факты таких напоров, правда, уже после принесения Донскими казаками присяги (1671).

Самые рыбные места на Дону были и есть его гирла. Донские казаки извлекали оттуда выгоды, дававшие им возможности снаряжаться на службу; но в эти места, что называется, влипли черныцы, отчего Донским казакам стала «чиниться теснота»: «...и им-де, Донским казакам, без тех рыбных ловель прокормиться и на его, вел. государя, службу впредь подняться и ружья и всякие збруи купить будет нечем и питались-де они всегда теми рыбными ловлями» (Лист. I. 212; 1703 г.).

Потребовалось вмешательство самого Петра, чтобы прекратить это своеволие: «А которые черныцы ниже того города Лютика на гирлях селятся без нашего, вел. государя, указу самовольством и от того вам, атаманы и казаки, чинитца теснота, указали мы, вел. государь, с тех мест сослать и впредь на том месте поселения им не давать» (Лист. I, 207; 1703 г.).

Архимандрит Предтечева м-ря в Азове, Сергей Ступин, ложно донес на Донских казаков, что от них чинится «смертное убийство»; Казаков заковали в кандалы, а по допросе оказалось, что они были совершенно невиновны, и что наоборот, на них нападали жители Азова, так-же как перед этим, в 1685 г., жители гор. Коротояка нападали на вотчину казачьего м-ра Фаросань.

«И за ложное челобитье тому старцу ничего не учинено», жалуются Донские казаки.

Были и другие ложные доносы духовных лиц на Казаков.

«Военная Коллегия приказали: присланного от вас с Дону иеромонаха Киприана, который допросом показал на ваших Донских казаков в воровстве и во взятках, отослать для исследования в побегах его из Новоспасского м-ря и учинения указу в Прав. Синод с доношением, а вышесказанное дело, что он показал, уничтожить». (Листь. I, 310; 1724).

Тамбовский епископ захватил земли и угодья Донских казаков, по Хопру, сдав их в аренду некоему гостинной сотни Анкундикову, что вызвало резкий вооруженный протест их. Епископ, укрываясь от ответственности за захват этих земель, просил Петра I-го, чтобы он записал эти угодья на свое имя, что Петр и сделал и тем самым покрыл захват епископом казачьих земель.

Эта раздраженность Донских казаков против монастырей московитинского духа вызвала в 1750 г. такое постановление Мигулинского станичного сбора: «...чтоб отнюдь к себе, Казакам, монастырских трудников в дом не пущать, а ежели кто к себе в дом показанных из монастыря будет принимать и того поймают, то хозяина и совсем таким пойманым в колодках к старшине отослать для ответа, в том сию запись написали». (Сб. О.В. Д. Ст. Ком., II, 176).

Таким образом в этом напоре на Донских казаков помимо властей предрержащих, приложило руку и московитинское духовенство и с юга, и с запада, и с севера, и ныне уже самим народом, Великорусами, благополучно завершен: накопившаяся зависть к казачьей земле разразилась во всю, даже чудовищный погром Великого Новгорода, Пскова, Вятки обратились только в жалкое подобие того, что делается ныне.

* * *

Московитинское духовенство было и крайне ксенофобно. Карамзин приводит слова из сказания о Максиме Греке, весьма культурном греческом монахе, пытавшемся, было, привить гуманитарные идеи Московитинам.

«Злонамеренный враг (диавол) воздвиже некоторых небратолюбцев на зависть, яко *иноплеменный* человек в толику высоту воздвигся, забыша апостольское слово: несть Иудей, ни Еллин, ни варвар, ни Скиф: вси бо о Христе едины есте. И сего Максима оклеветали еретиком и преступником и врагом земли Русской(...), лжесвидетельством украшаху клевету(...) И пад ниц трижды пред Собором, прощения просих(...) и вместо прощения оковы паки дасте ти». (Карам., VII, пр. 345).

Соловьев также нелестно пишет о великорусских иерархах: «...архиереи из великороссиян с *ненавистью* отзывались о своих предшественниках малороссиянах, об этих, по их словам, *черкасниках* никуда негодных, и от людей переносили свое нерасположение к делу, к *школам*, заведенным архиереями-малороссиянами». (Солов. «Публ. чт. о Петре I, с. 1042).

И в этом отношении между Доном и Москвой была такая-же противоположность, как и в религии: двери на Дон были широко открыты всем иноплеменникам, и в какую бы высоту он ни воздвигся, зависти в Казаках он не возбуждал.

От этого тяжелого влияния Москвы впоследствии не освобо-дился и Дон, т. е., собственно Низовое Войско. Основательно войдя в орбиту московского влияния, благодаря вынужденной присяге, серебряным ковшам, камкам, тафтам и особенно соболям, оно стало по указанию Москвы преследовать старообрядцев, бежавших в верх-ние городки, где они укрывались от московитинских преследова-ний: туда «Войском» посылались «добрые молодцы» для разгрома старообрядцев, и за это получали от Москвы похвальные грамоты, где говорилось, что за эти дела «милостиво и премилостиво по-хваляем».

Не боролась церковь и еще с одним пороком, сильно укоренившемся на Москве — с ложью, со лжесвидетельством.

Еще при Иване 3-м русские гости (купцы) жаловались, что в Кафе от местного населения к русским послухам (свидетелям) нет никакого доверия за их лживость: «а русаков колько ни буди послухов, и то русаком не послухи, тем русаков винят». (СРИО, т. 41, с. 404: 1501).

Из вышеприведенного отрывка из Сказания видно, что и на Соборе черныцов тоже «лжесвидетельством украшаху клевету».

«Что-же касается до верности слова, пишет Флечер, то Русские большею частию считают его почти ни почем, как скоро могут что нибудь выиграть обманом и нарушить данное обещание. По истине можно сказать (как вполне известно тем, кто имел с ними более дел по торговле), что от большого до малого (за исключением весьма немногих, которых очень трудно отыскать) всякий Русский не верит ничему, что говорит другой, но за то и сам ничего не скажет такого, на чтобы можно было положиться. Эти свойства делают их презренными в глазах всех их соседей, особенно Татар, которые считают себя гораздо честнее и справедливее Русских. Те, которые внимательно обсуждали состояние обоих народов, полагают, что ненависть к образу правления и к поступкам Русских была до сих пор главною причиною язычества Татар и их отвращения от Христианской веры». (Флечер, 113).

Ив. Посошков, деловой и добротный крестьянин, возмущается этой распространенной среди Великорусов ложью и лжесвидетельством и для пресечения этого зла он требует применения для лжесвидетелей жесточайших наказаний (с. 64-65).

Макаров собирал народные слова и выражения. Под словом «Казак» он пишет: «Иногда слово «казак» то же, что *докащик*. «Покрали молодца да *Казаков* привели (докащиков, свидетелей), нашли все». Или: «Запереться-бы ему в деле, да честной *Казак* (свидетель) нашелся, и дело крякнуло (взяло другой оборот), правда пошла лицом к лицу». (Подчеркнуто Макаровым. Чтения, 1847 г., т. 3, с. 92).

В народном сознании Казак рисуется как честной человек.

Только странным кажется то, что Макаров считает, что слово

«казак» значит «свидетель», «докащик». Здесь сказывается разделение им общего предубеждения, что Казаки не были особым народом, а были только беглыми холопами.

Однако, если слово «казак» заменить названием другого народа, напр., Великорус, Немец, то тогда получится — «да Великорусов привели ,нашли все»,; «да честной Немец нашелся, и дело крякнуло».

Можно-ли из приведенных фраз вывести заключение, что слова «великорус», «немец» означают «свидетель, докащик»?

Из вышеизложенных фактов несомненно вытекает, что в духовно-религиозном отношении между Доном и Москвой не только ничего нет общего, но во всем совершенно противоположно.

Это вовсе не значит, что поголовно все Московитины (Великорусы) неподлинно религиозны; среди них, особенно среди земледельческого населения, немало было и есть искренне и подлинно религиозных людей, но тот тон, который давался ее духовной и светской верхушкой, естественно, отражался на духе широких масс и ее разлагал.

Да не подумает читатель, что автор специально собрал эти нелицезные отзывы, чтобы тем самым унижить Московитинов-Великорусов, нет.

Во-первых, это история и притом довольно давняя.

При издании самой книги Флетчера «О государстве Русском или образе правления Русского царя» вышла большая буря, некоторые даже пострадали, ее не хотели издавать; дело дошло до самой верховной власти, и тогда было решено, что все то, что происходило в русской истории до династии Романовых, можно печатать свободно.

Во-вторых, это не касается современности.

В-третьих, почему в Великорусах (Московитинах) все должны видеть обязательно только одни светлые стороны, о которых сами Великорусы так много говорят, даже слишком много?

И, наконец, в-четвертых, почему народы, находящиеся под великорусской гегемонией, не смеют свободно обсуждать их, гегемонов, моральные качества?

ОТНОШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ

Вопрос об экономических отношениях между Доном и Москвой недостаточно еще разработан, о них имеются только отрывочные сведения. Тема эта не яркая, не красочная, но довольно кропотливая, поэтому охотников на нее находится мало, за границей-же изучать ее просто невозможно за отсутствием необходимых материалов.

Одними грабежами долго не проживешь, поэтому Казаки, которых обвиняют только в одних грабежах, должны были делать и что-то другое, чем можно было-бы существовать.

Закрытие для Казаков границ Московского гос-ва продолжалось довольно долго и оно Казаками стало чувствоваться, как почувствовался этот разрыв сношений и самой Москвой.

Но продолжение закрытия границ могло повести Казаков и к занятию земледелием и оно фактически стало уже широко прививаться, судя по тем жестоким угрозам, которые объявлялись против занятия им.

* * *

Дон являлся буфером между Москвой, с одной стороны, и Крымом, Ногаями и Азовом — с другой, в чем Москва ясно давала себе отчет, ибо без этого буфера ей было-бы совсем лихо.

Но Казаки «народ вольный и в неволю не служат», почему Москве от словесных угроз «збить з Дону», «управитца» и до «ласковых разговоров» в конце концов приходилось заключать с ними соглашения.

Достоинно примечания, что ни одно из государств, окружавших Войско Донское, не пробовало прямо и открыто совсем уничтожить Донских казаков. Московский царь Федор Иванович грозил, правда, «збить з Дону», Михаил Федорович обещал «управитца» с ними, Крымский хан Мурат Гирей собирался посылать на 32 казачьих городка и весной, и летом, и осенью своих зипунников, а зимою по льду самому пойти на них, Б. Хмельницкий также грозил Донским казакам своим набегом на них; однако никто из них не решился исполнить своих угроз и такие угрозы всегда безнадёжно повисали в воздухе.

Иван 4-й попытался было их «збить з Дону», но в конце концов к ним-же обратился за помощью. А могущественнейший Турецкий султан решил так выбить Донских казаков из Азова.

Отсутствие у Казаков своей промышленности, для развития которой необходима была внешняя безопасность, чего у Казаков не было, так как им всегда приходилось быть на-сторуже¹. Необходима была и рабочая на то сила, чего у Казаков также не было, ибо большую часть времени они были заняты службою, походами или хозяйством. Все это не могло способствовать им к обеспечению себя своим оружием и боевыми припасами.

Москва-же располагала огромными материальными средствами, даровой крепостной рабочей силой, особенно денежными средствами, как результат ее грабежей Великого Новгорода, Пскова, Рязани, Твери, Вятки, Казани, Астрахани, не говоря уже о более мелких княжествах, как Серпухов, Можайск и многие другие.

Обогащалась она и монополизированной торговлей (Московский государь — царь и великий князь — был в то-же время и знатный купец): обогащался он и монополизированной продажей водки («парские кабаки» не есть злостная выдумка и царский кабак был местом неприступным по крайней мере до некоторого момента)²; обогащался он монополией соли, устраивал и хлебную монополию на время, пока не распродаст своего хлеба; увеличивал свою казну беспощадным, доходящим до виртуозности «взиманием налогов», взиманием «ясака» с «инородцев». Все это давало московскому царю возможность ввозить иностранные товары, приглашать иностранных инструкторов для обучения своих войск на европейский образец, а также ввозить и иностранных мастеров, обучавших московитинских рабочих.

Герберштейн, напр., говорит, что в пределах Московии железо в буквальном смысле «валялось на поверхности земли» и железо было необычайно высокого качества; это облегчало Москве развитие своей железо-делательной промышленности, чего у Казаков не было.

«А делать, государь, ядер у нас на Дону некому и не в чем, железа, государь, нет»⁴.

Чтобы просто жить, Казаки Москвой не нуждались. Это и сама Москва признавала: «а наперед сего старые атаманы и Казаки на Дону жили без жалования и кормилися *собою*»⁵.

¹ «А реки нам держать от бусурманского беспрестанного к нам прихода и кровопролития не в силу и не с кем; вели, государь, у нас свою пороховую казну и снаряд принять». (АМГ, II, 195-6; 1648).

² Преступника, пьянствовавшего в царском кабаке, нельзя было арестовать до тех пор, пока он не пропьет всех денег — государю доход.

³ См. Флечер, 40-44.

⁴ ДД. 539; 1636.

⁵ Там-же. III. 734; 1647.

«Да и ныне-де они (Донские казаки) и без государева жалования прокормить себя сумеют», отписывает Московскому царю один из его воевод.

Котошихин, хорошо знавший Донские дела, пишет: «А посылается к ним на Дон царское жалование негораздо помногу и не всегда». (111). Сукна, напр., на платье посылались им на пятый год, т. е., в пять лет только один раз.

Но главный недостаток у Казаков был в хлебе, ибо земледелие на Дону по настойчивому требованию Москвы Войском запрещено было под смертной казнью.

Повод к этому запрещению был тот, чтобы «воинскому делу помешки не было», подлинная-же причина была иная.

Скотоводство, которым Казаки занимались, требовало постоянных рук и надзора, рыбная ловля и охота, от которых Казаки также питались, тоже могли быть помешкой воинскому делу, однако они не запрещались. Занятие земледелием было «разрешено» Петром I-м и оно существует у Казаков до настоящего времени и все таки «помешки воинскому делу» от этого не было. Про Черемисов летописец пишет, что они были «трудники» (занимались земледелием), но это не мешало им быть в то-же время и «злолютными ратниками». И ни в одном государстве земледелие не было «помешкой».

Против занятия Казаками земледелием были другие причины, так сказать порядка политического и притом злого и корыстного.

Если-бы на Дону было свободное земледелие, т. е., когда земледелец работает на себя лично, когда результат его труда является его собственностью, а не попадает в карман царя, князя, боярина или монастыря, то переход подневольных крестьян из соседних уездов к Казакам был-бы неудержим, и такие жалобы от помещиков-дворян уже были: «как Казаки учнут пашню...», и крестьяне усиленно бегут от помещиков.

Свободное земледелие на Дону было бы началом краха крепостничества на «святой» Руси, ибо сравнение крепостного земледелия и вообще крепостного труда со свободным ни в каком случае крепостной труд на Москве долго удержаться не мог-бы: она должна была-бы или раскрепостить крестьян, или же объявить открытую войну Дону.

Кроме того неимение Казаками своего хлеба было самым сильным и могучим средством давления Москвы на иностранную, а потом уже и на внутреннюю политику Войска Донского, так как лишение хлеба касалось *всего* Донского населения — и старых и малых в том числе.

Москва, желая добиться от Войска своего, часто намеренно останавливала на Воронеже погруженный для Дона хлеб и угрозой голода вынуждала Казаков принимать выгодное для Москвы решение того или иного вопроса.

Вот эти-то причины — боязнь массового ухода крестьян из пределов Московии, страх перед возможным крушением крепостичества на Руси и опасение выпустить из своих рук могущественное средство давления на Казаков — были единственными причинами «запрещения» заниматься на Дону земледелием, слова-же «чтобы воинскому делу помешки не было», есть только пустой предлог.

Вторая зависимость Дона от Москвы выражалась в недостатке оружия и боевых припасов.

Для пополнения недостатков в боевых припасах, Казаки прибегали к покупке их. Тогда Москва запретила вывоз их («заповедные товары»): «А заповедных товаров некоторыми обычай вывозить не давать». (А.М.Г.І, 249; 1629).

В обход этого запрещения, Казаки прибегали к контрабанде, Москва же повела упорную борьбу с ней. Захарий Ляпунов, при Борисе Годунове, тайно продававший Казакам шлемы, панцири и вино, был жестоко бит кнутом.

Привозили на Дон порох, свинец и товары и с Терка, и из Астрахани начальные люди и Татары.

Кроме того, Казаки и сами добывали себе оружие.

Такую зависимость свою от Москвы и сами Казаки сознавали, почему они стремились взять Азов, чтобы тем самым открыть себе свободный путь к морю и тем освободиться от экономической «опеки» Москвы.

Сделали они это Москвы не спрашиваясь, иначе она, проведав об этом, употребила бы все меры, чтобы воспрепятствовать Казакам взять Азов.

ОТНОШЕНИЯ ФАКТИЧЕСКИЕ

Фактические отношения, в противоположность бумажным верноподобным грамотам, между Доном и Москвой не сложились благоприятно. Виною этому не был Дон: как для самого Московского царства, так и для закрепощенных в нем Великорусов, и для преследуемых за религию, Дон сделал много, но это сознательно не признавалось ни самой великорусской верхушкой, ни ее широким средним слоем, ни ее нынешними низами.

Верхушка систематически преследовала Дон, создавая ему подчас подлинную Голгофу (Петр 1-й — плоты, крайне изнурительные работы на верфях и на прорытии канала, бесконечные переселения, нестерпимые налоги), низы-же, которые ныне оказались у власти, просто «о земле его метали жребий»: Дон исчез с советских географических карт.

Эта озлобленность против Казаков запечатлелась в слове «казачина». Такая озлобленность в исторической перспективе неосновательна: это была и есть идея с большим историческим значением, ибо она касалась освобождения многомиллионной массы крестьян и рабочих, находившихся в России на положении рабочего скота, как прежде, так и теперь.

Эта-же озлобленность в адрес Казаков оставила следы в сознании и самих Казаков: «живи, Казак, пока Москва не узнала», «Москва слезам не верит», «Москву показать», «слава казачья, да жизнь-то собачья» и т. д. И в настоящую эпоху Казак «там» должен даже скрывать, что он Казак, ибо это «звание» связывалось с лишением голоса, а вместе с тем и с лишением продуктовой карточки, иначе говоря — голод и смерть от истощения.

Как у прежней самодержавно-крепостнической Москвы сохранялась традиционно-скрытая враждебность к Казакам за их независимость, как у великорусской революционной интеллигенции за революцию 1905 г., так и у нынешней самодержавно-коммунистической сохранилась та-же злоба за «подавление» попытки к захвату власти большевиками 4-7 июля 1917 года.

Обвинение Казаков в этих «подавлениях» совершенно неосновательно и тенденциозно: Казаки, когда их государственные вла-

сти посылали на полицейскую службу, находились на *действительной военной службе* и были только *лояльны* в отношении тогда существовавших правительств, исполняя их распоряжения, а ответственность за эти распоряжения должны нести сами правительства.

Как поступило-бы, скажем, Политбюро, если бы какая-нибудь воинская часть отказалась выполнить его предписание о подавлении, напр., казачьих восстаний?

И почему ставят Казакам в вину подавление «революции» и не ставят в вину (и просто замалчивают) солдатам (мужикам) подавление ими интервенции Степана Разина и революции Емельяна Пугачева? А ведь они несли с собою русским же освобождение от рабства!

Ссылка многих Великорусов на то, что все то, что проделано как над Казаками, так и над многими другими народами, суть действия «большевиков», «коммунистов», ссылку эту пора уже оставить: это дело чисто великорусское и на коммунистов ссылаться нечего.

В самом деле, без широкого сочувствия и активного содействия Великорусов могли-ли бы 154 человека, приехавшие в Россию в запломбированных вагонах из-заграницы в 1917 году, могли-ли бы они захватить власть над 170 миллионами людей?

В 1917 г., вопреки воинской дисциплине и патриотическому чувству, кто покинул фронт — коммунисты или монархисты?

Покинули его не коммунисты, не монархисты, а сам великий русский народ.

* * *

Казачества Москва не любит, — ни Москва монархическая, ни временно-республиканская, ни тем более, коммунистическая.

Во все время существования Донских казаков, как до принятия ими присяги 1671 года, так и после нее до самого последнего времени, до нынешней эпохи уничтожения самих Казаков, фактические отношения к ним всегда носили со стороны одних Московитинов-Великорусов полускрытой пренебрежительно-снисходительный (казачки) и в то-же время неособенно доброжелательный характер, со стороны-же других, шовинистов, отношения к Казакам, носили характер открыто враждебный, и только очень редкие из Великорусов относились к Казакам более или менее справедливо.

Причины такого отрицательного отношения со стороны Московитинской верхушки и вообще русских шовинистов, заключается во всегдашнем стремлении их подчинить себе Казаков, которых они считают к тому-же не больше, как «беглыми холопами», хотят распоряжаться Казаками по своему усмотрению и просто эксплуатировать их. Руки же их, а особенно руки низов, с исключительной жадностью всегда тянулись до казачьей земли.

Московитины народ довольно завистливый, неосуществленная же зависть вызывала в нем ненависть.

И недаром Котошихин писал: «И искони в Российской земле лукавый диавол всеял плевелы свои; аще человек хотя мало приидет в славу и честь и в богатство, возненавидити¹ не могут» (с. 44).

Казаки на Дону жили свободно, личность и достоинство человека там охранялись, никому и ничем они обязаны не были, служили только добровольно, так что их жизнь «все земли завидовали», на Москве-же все было противоположно, что вызывало там зависть и ненависть к Казакам со стороны правящего и имущего класса.

* * *

В первые времена начавшихся более или менее регулярных отношений между Доном и Москвой напор на Донских казаков был более откровенен: Иван 4-й посылает свое войско искать их от Азова вверх по Дону. Борис Годунов грозит «збить з Дону». Михаил Федорович обещает «управитца» с ними. Патр. Филарет обзывает их «злодеями, врагами креста Христова». Карамышев хочет сделать так, чтоб «имя Донских атаманов и казаков на Дону и по Запольшю нигде не именовалось». Жд. Кондырев не является на Круг потому, что это будет «государеву имени не к чести», но только Петр 1-й развернулся уж во всю и после него началось неуклонное «стягивание веревки».

Не лучшее было отношение и со стороны воевод, находившихся в приграничных с Доном городках.

«Мы посылаем к тебе, государю», пишут Казаки, «с твоим делом атаманов и казаков, и на украинских городех твои государевы воеводы побивают и к Москве не пропускают» (ДДІ, 233; 1625).

Атаманам и казакам, когда они ехали в Москву с отписками, полагались сухим путем подводы, а водою — судна и гребцы.

Воеводы, ради «своей бездельной корысти», число подвод уменьшали, а гребцов на судна не давали, заставляя оставшихся возчиков и гребцов работать на себя или же просто брали с них взятки, чтобы освободить их от этой обязанности.

На такой порядок Казаки жаловались:

«Да в прошлых, государь, во многих годах, выхаживали наши Донские атаманы и казаки с войсковыми отписками к тебе, государю, к Москве, а на отпуску, государь, нашим станишным атаманом и казаком давоны подводы с Москвы до Воронежа сполна, а с Воронежа, государь, суды и гребцы. А ныне, государь, перед

¹ Котошихин употребил несколько тяжелый оборот речи. следовало-бы «не возненавидити не могут».

старым подводы и суда убавлены, а гребцов, государь, ни одново человека воеводы не дают». (ДДІ, 533-4; 1636).

Через два года последовала новая «дипломатическая нота»:

«Преж сего давали трем человеком Казаком судно, а на судне по 4 гребца, а ныне, государь, дают нам 10 и 11 человеком судно(...), а гребцов нам ныне не дают, твоего, государева, указу и грамот не слушают, только чинят себе корысть». (ДДІ, 722; 1638).

За вывозимые Казаками товары, а так-же и с промышленных людей бралась излишняя пошлина:

«всяких промышленных людей(...) не отпускают и берут с них пошлины и поминки большие, и с запасов пошлины и выходы, а прежде ничего». (ДДІ, 722; 1638).

Для иллюстрации эксплуатации воеводами казачьих услуг в свою пользу, привожу ниже выписку из постановления боярской думы «без всяких комментариев»:

«Государь и бояре сей отписки слушали. Государь указал и бояре приговорили послать государеву грамоту с опалю, што воевода Донских казаков у себя держит многое время, а, сам их расспрося, пишет их речи ко государю, а хотят себе чести и выслуги чужою службой, а сами собою никаких вестей проведать не умеют и службы своей государю собою не кажут; а впредь-де учет так делать, и ему быть от государя в великом наказаньи». (ДДІІІ, 574; 1647).

Недоброжелательство Великорусов, тогда еще только Московитинов, в отношении Донских казаков особенно подчеркивается в «Сказании об Азовском Сидении»:

«Да вы-же нас пужаете, бусурманы поганые, что с Руси не будет нам ни запасу хлебного, ни выручки, а сказываете нам, будто к вам из государства Московского про нас о том писано¹. И мы то сами и без вас, собак, ведаем, какие мы на Руси в Московском государстве люди дорогие, и чему мы там надобны(...). А нас на Руси не почитают и за пса смердящего. (...) Кому об нас там потужить? Рады там все концу нашему». (Буслаев Ф. «Рус. Хрест.», 290).

Не доброжелательное отношение было к Казакам и со стороны населения, очевидно, класса имущего.

«И атаман Федор (Ханенев) с казаки били нам челом, а сказали: как они приезжали к Волуйке, и приехав к городским гумнам, стали близко гумен, и те-де выехав из города, учали бить и грабить, а грабля-же с них оборвали: саблю булатную, цена пять

¹ Очевидный намек на заявление Московского посла Лыкова Турецкому султану. Лыков был во время осады гор. Азова в Константинополе, след. из-за этой войны Турция с Доном Московский царь не порвал дипломатических сношений с Турцией. В этом заявлении говорится, что Московский царь в этой войне Порты с Войском Донским, как Российскому государю не подвластным, никакого участия не имеет.

рублев, да семь золотых, да пять рублей денег, да чепь (цепь) золотую, весу пять золотых». (ДД, 263; 1625).

Жители гор. Коротояка нападали на вотчину казачьего женского монастыря. Жалоба на это привела не к охране, а к закрытию самого монастыря. Шацкий казачий м-рь был разворован игуменом московитиным. Бывали нередки столкновения между атаманами и боярскими детьми.

Из этих отдельных случаев враждебного отношения к Казакам может быть и трудно делать общий вывод, однако есть распоряжение Московского царя о том, чтобы проводить Донских казаков до последних застав.

Это распоряжение свидетельствует уже о систематических обидах, наносимых Казакам московитинским населением, и от этих обид Московский царь хочет охранить Казаков, приказывая провожать их до последних застав.

«А санишний атаман ваш(...) с Москвы к вам на Дон отпущены с провожатыми до последних застав, чтобы им, будучи в дороге, каких обид ни от кого не учинилось». (Лип., I, 142; 1686).

Недоброжелательное отношение к Казакам и грубая эксплуатация их Великорусскими людьми продолжается.

В начале 1700-х годов мы видим, что Казакам не только не дают подвод, но наоборот, уже с них подводы емлют, и емлют их даже с усердным «мордобитием».

В 1737 г. Казакам делали «наряд к кампании», т. е. их мобилизовали на войну, и в это-же время происходило страшное злоупотребление Великорусами казачьими подводами.

Казаки поставляли подводы для нужд государственных, но для личного пользования Великорусами, под видом «государственных нужд», они давать их отказывались, за что от проезжавших Великорусов, военных, Казаки подвергались «озлобительным поступкам».

Эти «поступки» были столь распространены и столь оскорбительны для Казаков, что высшая власть для пресечения их выпущена была запретить их под угрозой смертной казни.

Кабинет Елизаветы Петровны по этому поводу постановляет: «При вынешнем наряде к кампании Донских казаков, оное войско, как из рапортов Генералитета явствует, горестно о том жалуется, что многими на них положенными подводами, как для проезжающих всякого чину людей, так и под полковые тягости и всякие возки несносные, и никогда у них неслыханные тягости чинятся(...), а о прочих тягостях и проезжающими всяких чинов людьми чинимых обид уже наперед сего неоднократные запрещения были, чтоб никто в партикулярной (т. е. личной, частной) своей нужде, кроме Е. И. Величества службы, Казаков употреблять, или какими озлобительными поступками их обижать никто не дерзал и для того вновь о том как при армии, так и повсюду, где потребно

быть, накрепчайше определениями и под смертную казнь подтвердить надлежит». (П. С. З. т. X, № 7222; 1737).

Но на Великорусов и угрозы смертной казнью мало действуют: так сладко и выгодно было пользоваться задарма казачьими подводами для своих личных нужд.

В 1738 г. постановление того-же Кабинета было таково: «З. Едущие из Азова и крепости Св. Анны, офицеры, яко-бы посылающиеся для полковых нужд, и отпущенные в отставку и за прочими нуждами, и едущие из команды в команду штаб и обер офицеры по станицам ведомства Войска Донского, берут подвод сколько кому потребно, и за то станишных Атаманов и Ясаулов бьют, от чего-де оные весьма изнурены: да с 722-де года, Войском-же Донским содержат от Царицына до Новохоперской крепости 12 станом (содержать некому, казаки в походе); к тому-же де и царицынский комендант полк. Кольцов, когда случаются ехать из Персии и из прочих мест ко Двору Е.И.В. посланцы и прочие проезжие, под таковых, не списываясь с Войском Донским, вступают в команду оного Войска, и посланные от него берут из станиц в Царицын по многому числу подвод для препровождения до Дону, и за то станишных Атаманов и Ясаулов бьют-же, из чего-де всему Войску Донскому чинится горестная обида». П. С. З. X, № 7501; 1738).

То-же недоброжелательное и пренебрежительное отношение Великорусов к Донским казакам видно и из «Исходящего журнала при армии Донских казаков за 1807 год».

«Платов писал 6 апр. 1807 г. дежурному по армии ген. Фоку, что у Казаков 20-й день нет хлеба, а через четыре дня снова писал ему-же, что не только провианта, но нет ни фуража, ни денег на его приобретение; затем 9 мая доносил уже самому главнокомандующему ген. Бенингсену, что не имеет денег даже на покупку соломы для лошадей, а 22 июня умолял кн. Шаховского отпустить для раненых Казаков муки и круп, сообщая при этом, как раненые, так и больные Казаки, находящиеся в особом казачьем лазарете, довольствуются лишь ихним хлебом». (Сб. Обл. В. Дон. Ст. К-та, в. 8, с. 225).

Несколько позднее уже в кампанию 1812—1814 гг. было то-же пренебрежительное со стороны Великорусов отношение к Донским казакам — не равняли их с русской армией ни в чинах, ни в орде-нах, расхватывали Казаков по канцеляриям, к врачам-хирургам; им поручались самые опасные или унижительные работы; одно время их стали было приспособлять к конвоированию штабных протитуток («блядей», как негодовали тогда Казаки), когда они переезжали из одного штаба в другой.

В эту же кампанию охрана российского суверена была доверена только Казакам.

Это вошло в «моду». И с того времени почти каждый более

или менее крупный начальник стал добиваться себе этой чести — иметь для охраны своей персоны Казаков. Отсюда и пошло очень безвкусное, нетактичное и обидное для Казаков — «передать привет *моим Казачкам*»¹.

Недоброжелательное и завистливое отношение со стороны Великорусов к Казакам сохранилось до последнего времени. После революции, когда с русского холопа была снята узда, недоброжелательство ясно обнаружилось среди иногороднего населения, жившего среди Казаков: оно прибегало часто и даже слишком часто к расстрелу их. Окулич описывает в «Казачьих Думах», что когда казачьим отрядам нужно было проходить (в Сибири) через крестьянские села, то они делали это с большими предосторожностями, так как со стороны крестьян была страшная злоба и ненависть к Казакам.

В некоторых местах и коренные крестьяне, которых Казаки принимали в Донское Правительство на равных началах, тоже проявили враждебное отношение к Казакам; так, напр., в слободке Михайловке, ст-ция Серебряково, Ю.-Вост. ж. д., в одну ночь местным населением, коренными крестьянами, было убито 80 казачьих офицеров.

Об этой озлобленности иногородних против Казаков, проявившейся после революции, можно было-бы написать очень много, но должно сказать одно, что главный и непререкаемый корень этой озлобленности — зависть к казачьей земле, а все остальное — пустые придирки.

И в последнюю эвакуацию из Крыма в Константинополь проявилось то-же пренебрежительное, вернее преступное отношение к Казакам и со стороны Добровольческой армии.

Эвакуация из Крыма казачьего офицерского резерва в 300 человек окончилась страшной трагедией.

Для его перевозки в Константинополь «главным командованием» дан был пароход, на котором не было руля и машины не действовали: пароход был взят на буксир к другому пароходу. Когда вышли в открытое море, поднялась буря; тросы лопнули; пытались было вновь привязать их к пароходу, но безуспешно; тогда буксировавший пароход стал удаляться. Налетел шквал, и пароход с 300 казачьих офицеров опрокинулся и пошел ко дну.

А свободные и надежные пароходы у «главного командования» были и один из них легко мог-бы быть предоставлен для казачьего офицерского резерва, но их берегли для «своих»².

¹ Когда автору пришлось в первый раз прочитать этот «привет», он ошибочно не там поставил ударение — — «казачкам», и долго недоумевал: «мелодым» — это еще понятно, но «старым»...

² Один из добровольческих «богатырей» теперь ходит по церквам и кается: «больше-б мог вывезти».

Некоторые из «правоверных» Казаков, за которыми теперь постепенно начинает укрепляться название «русских Казаков», возмущаются, когда другие Казаки указывают, что Москва—СПБ относились к Казакам временами с ненавистью, но постоянно — с пренебрежением и недоброжелательством («казатчина»).

В подтверждение доброго и внимательного отношения к Казакам, они ссылаются то на художников Репина и Сурикова, то на поэтов Пушкина и Лермонтова, на историков Костомарова, Ригельмана, на писателей Толстого, Гоголя, Короленко, Лескова и т. д., и ни в ком из них они не видят ни ненависти, ни недружелюбия к Казакам.

Такие рассуждения их являются поверхностными и притом сентиментально-сладенького порядка.

Гоголь, Короленко, Костомаров, против которого резко выступил великорусский историк Забелин, ярый казакофоб, Репин, Ригельман — Украинцы, а не Великорусы и, может быть, даже потомки Казаков, поэтому странно было-бы видеть или слышать от них враждебное отношение к Казакам-же; Суриков — то-же Казак (енисейский).

Как на признак хорошего отношения к Казакам ссылаются даже на «Казачью колыбельную песню» Лермонтова. Но ведь эта колыбельная песня создана самой Казачкой, а не Лермонтовым: он в своей комнате, которую он снимал у Казака, вечером слышал, как ее напевала Казачка, и он только художественно оформил эту песню.

К ссылке на Пушкина, что он ходатайствовал¹ об издании материалов по истории Войска Донского В. Д. Сухорукова, надо было-бы прибавить и то, что за эти материалы было самому Сухорукову!

Если Лесков в рассказе «Левша» описал атамана Платова, а Жуковский воспел его «В стане русских воинов», то надо было-бы ознакомить читателя и о реальных отношениях к Казакам в кампании 1737—1738 гг., 1807, 1812—1814 и в других многих и очень многих случаях до 1904—1905, до 1917—1920 и особенно до позднейших годов включительно.

Об отношениях Москвы—Спбурга к Казакам лучше всего было-бы этим «правоверным» Казакам вспомнить Петровские плоты, мордобития, прискорбные «для всего Войска Донского», приспособление Казаков на войне к конвоированию проституток велико-

¹ О самом Сухорукове Пушкин был чрезвычайно высокого мнения; так в своем дневнике он и записал: «Сегодня завтракал с казачьим офицером В. Д. Сухоруковым. Какой светлый ум, какое блестящее красноречие!»

русских штабов и в особенности ознакомиться с докладной запиской графа Бенкендорфа, поданной им Александру I-му. А все вышесказанное — еще на наших глазах — всем видно.

Мы повторяем, что среди Великорусов найдется немало высококультурных и высококультурных лиц и просто добрых людей, но нам, Казакам, поневоле приходится иметь дело с великорусскими нам, Казакам, поневоле приходится иметь дело с великорусским шовинистическим сектором, а этот сектор огромен и всегда отличался и теперь он отличается своею необычайной жестокостью и своею беспощадностью, внутреннего-же самообуздания в нем не создалось.

* * *

Таким образом, от обедов Донских казаков за одним столом с Московским царем, чрез Петровские плоты и в дальнейшем чрез мордобитие и иные «прижимы» Великорусы сумели со временем довести Казаков до их уничтожения в наше время, с запрещением самого слова «казак» и с захватом и с заселением их земель самими Великорусами, — даже с безжалостным затоплением до трех сот казачьих поселений.

К о н е ц п е р в о й ч а с т и

ФОНД ИЗДАНИЯ КНИГИ «ДОН И МОСКВА»

И. П. Буданова

1. Во Франции: И. Хрипушин 1000, семья Г. М. Затенко 11.500, М. Нестеренко 3000, П. Лавров 5000, Г. Ляшко 1000, И. Матянки 1500, семья А. Донского 5000, Ф. Галбин 1000, Д. Велый 500, В. Чукарин 500, В. Захаренко 500, Н. Палый 500, Н. Березлев 500, М. Копылова 500, О. Копылова 500, В. Иванов 300, И. Иванов 250, Е. Иванова 250, И. Попов 250, Сабельников 250, П. Свистунов 200, А. Щепихин 2500, Ив. Иванов 250, И. Журавлев 250, М. Горелов 1800, Порфилов 300, Белов 300, Чернышков 200, М. Мененко 500, Н. Соловьев 500, С. Федосеев 1000, Ф. Каменщиков 1000, Цокур 800, Н. Беляйский 500, Т. Михалев 300, Р. Мануйлов 2000, Ф. Кулабухов 1000, Т. Якуба 1500, Н. Юрченко 1000, Ф. Дубовик 500, Ш. Ахмед 100, А. Шугайло 200, В. В. Иванов 200, Падалкин 100, Б. Ейдонет 100, Лукьянов 100, Лапа 500, Григоров 500, И. Новицкий 100, Плахов 300, Свиначев 100, Ф. Жуков 1500, Г. Медков 2500, Т. Медков 7500, Лебедкин 1200, Г. Фетисов 5000, А. А. Б. 1000, а всего во Франці: 71.200 фр.

2. В Германии:

От казаков националистов округа в Германии 4.150 (50 м.).

Г. Козлов 10 м., П. Тягунов 10, Н. Молчанов 10, Д. Уваров 6, Г. Тильев 5, С. Школяр 5, С. Пятикопов 5, Т. Комаров 5, М. Гаркуша 5, Г. Стусь 2, С. Гринев 3, Т. Короленко 3, С. Захаров 3, В. Комаров 2, В. Зверевский 2, Шкарлят 1,50, Овчинников 1, Е. М. 1, А. Пономарев 1,50, а всего 80 н. м. или 6560 фр.

Всего из Германии 10.710 фр.

3. Из Канады: П. Т. Сухенко 10 долл., Н. П. Сухенко 20, Н. Гуминский 4, С. Рогачов 5, В. Бородач 5, Я. Макарчук 5, М. Токин 2, И. Чулков 2, С. Гуцев 50 ц., И. Акимов 3, А. Акимова 2, П. Рогоза 2,50, Сабельников 5, И. Мищенко 2, а всего 67 долл. 50 центов.

4. Из Англии: В. Дацько 1 фунт, П. Кудрявец 1, М. Борисов 5 ф. 6 ш., Ф. Катыхин 5, З. Катыхин 5, П. Попов 1, В. Охрименко 1, П. Губа 1, И. Мартыненко 1, В. Патаман 1, Т. Гарбуз 1, А. Шульга 1, Т. Савин 5 ф. 2 ш., А. Лупета 1, И. Абакумов 10 шилл., А. Емельянов 4 ф., В. Киреченко 2, И. Мальцев 1, И. Дзюба 1, И. Наклонный 1, Д. Корольков 1, С. Левченко 2 шилл. а всего 41 фунт.

5. Из разных стран:

От Булавинской станицы из Бельгии: 3380 фр.

От Булавинской станицы из Англии: 6 фунтов или 5950 фр.

От Некрасовской станицы из Америки через И. Кошкадаева 3428 фр.

С. Савицкий 1500, И. Чуб 200, Новичков 200, С. Репях 2250, П. Адинов 3282 фр. 50 с., Н. Сенькив 1782 фр. 50 с., Н. Дмитренко 1885, Т. Манжула 390, Г. Шерстюк 1050, В. Шостенко 1590, В. С. Крищенко 1590, И. Н. Плахов 200, А. О. 500, Г. И. Пашнев 1000, Д. В. Тубинов 1730, а всего из разных стран 33.548 фр.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

КНИГА I

Часть 1-я

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Глава I	3
Глава II	8
Глава III	20
Глава IV	23
Глава V	33

Часть 2-я

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДОНОМ И МОСКВОЙ

Независимость:

Глава I	41
Глава II	50
Глава III	56
Глава IV	66
Глава V	69

Протекторат	71
Вассалитет	74
Титул	78
Знамя	83
Колония и метрополия	87
Служба	93
Отношения религиозные	119
Отношения экономические	137
Отношения фактические	141

Содержание готовящейся к печати второй книги «Дон и Москва»

1. Происхождение слова «казак».
2. Орфография слова «казак».
3. Кто был «казак».

P. I. U. F. 3, rue du Sabot Paris, 6
